

Н · С · МАНСУРОВ

**СОВРЕМЕННАЯ
БУРЖУАЗНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

СОЦЭКГИЗ · 1962

Н · С · МАНСУРОВ

Современная буржуазная психология

КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Что представляет собой современная буржуазная психология в Западной Европе и в США? Когда пытаешься дать ответ на этот вопрос, то тотчас же сталкиваешься с рядом трудностей. Прежде всего оказывается, что никакой единой психологии в капиталистических странах вообще-то и нет.

На европейском континенте — в Англии, Франции, Западной Германии, Австрии — в настоящее время существуют понимающая, объясняющая, гормическая, ассоциативная, антропологическая, динамическая, глубинная, персоналистская школы психологии, гештальт-психология, парапсихология, фрейдизм. В США весьма распространен бихевиоризм, который ныне перестал быть единым течением и, как отмечает американский психолог А. Робэк, состоит из физиологической, структурной, неврологической, формальной, биосоциальной, психосоциальной, философской, динамической, психобиологической, биполярной, эвристической, методологической, генетической, теологической, эгологической, моточеловеческой его разновидностей. Кроме того, в США чрезвычайно популярны фрейдизм, психокультурный фрейдизм, неопрейдистские школы Юнга, Адлера, Ференчи, Салливана, Рейха, Штекселя, социометрия, топологическая, операционалистская, неосхоластическая томистская и лютеранская школы психологии.

Как в США, так и в Европе имеются прикладные отрасли психологии: индустриальная, педагогическая, детская, медицинская, военная, сравнительная, дифференциальная, социальная, зоопсихология, патопсихология и другие, а также такие лженауки, как ясновидение,

телепатия, кристаллоскопия, хиромантия, авто- и ксено-скопия, тесно связанные с некоторыми психологическими течениями и поддерживаемые рядом психологов. По меткому замечанию одного из ученых, в буржуазной психологии насчитывается ныне столько «психологий», сколько самих психологов.

В связи с чрезвычайно сложной картиной состояния психологии в Западной Европе и в США возникает другая трудность: как подойти к рассмотрению того, что называется в странах капитала психологией? Можно, конечно, дать описание если не всех, то по крайней мере основных школ психологии. Но характеристика школ — не единственно существующая возможность ознакомления с современной психологией и, как нам кажется, не самая лучшая. Более правильным представляется подойти к этой дисциплине как к целому, выяснить вопрос о том, всегда ли она была представлена таким большим числом (более полусотни) школ и отраслевых направлений, почему они возникли, какие тенденции в психологии капиталистических стран проявились в настоящее время, вычленить некоторые философские вопросы, общие для всех ее течений и направлений.

Конечно, такой подход имеет и свои недостатки, в частности он не позволяет дать полное представление о проблемах, которыми занимаются сторонники отдельных школ и отраслевых направлений, и, главное, ознакомить читателей со всеми данными, которые получены ими. Но этот недостаток в известной степени компенсируется тем, что в нашей периодической печати — в журналах «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Советская педагогика», «Журнал невропатологии и психиатрии» и других, в отдельных изданиях (например, «За порогом сознания» Ф. Михайлова и Г. Царегородцева) уже рассматривались как концепции некоторых школ (например, фрейдизма, психорасизма, социальной психологии и других), так и взгляды, работы отдельных буржуазных психологов. Исследований же, посвященных анализу особенностей и тенденций развития психологии в капиталистических странах, рассматриваемой в целом, в нашей печати за последнее время не появлялось.

Прежде чем перейти к характеристике современной психологии в капиталистических странах, важно пока-

зять те теоретические посылки, которые являются для автора исходными. И лучше всего это сделать на конкретных примерах. Остановимся в первую очередь на вопросе о причинах разветвления психологии в капиталистических странах Западной Европы и в США.

Обращение к истории психологии дает возможность установить, что за две с половиной тысячи лет в ней не возникло столько школ, сколько за сравнительно короткий промежуток времени (два-три десятка лет) в конце XIX — начале XX в. Установление этого факта требует, естественно, выяснения причин «внезапно» начавшегося и бурно протекавшего процесса разветвления психологии в Западной Европе и в США. Ответ на этот важный, но частный по своему характеру вопрос дан в соответствующем разделе книги. Здесь же важно подчеркнуть, что понимание его зависит от решения более общей проблемы — каковы закономерности развития психологии. И сразу же следует заметить, что между психологами-материалистами и идеалистами на этот счет, как, собственно, и по другим проблемам, имеются глубокие расхождения, обусловленные их противоположными философскими установками.

Идеалистическое понимание закономерностей развития психологии изложено рядом буржуазных психологов, например К. Бюлером («Кризис психологии»), Р. Вудвортом («Современные школы психологии»), Г. Мэрфи («Историческое введение в современную психологию»), А. Робэком («История американской психологии»), в книге «История психологии в автобиографиях», вышедшей под редакцией К. Мерчисона, и другими. Некоторые из перечисленных работ многократно переиздавались.

Наибольшую известность в западноевропейских странах и в США получила точка зрения, сторонники которой рассматривают историю психологии независимо от исторической обстановки и влияния других наук. Возникновение новых школ расценивается с этой точки зрения либо только как дальнейшее развитие наметившейся тенденции в прошлом, либо лишь как «реакция» одной школы в психологии на другую, либо как проявление особой «тенденции», внутренне присущей психологии. (С этой точки зрения свои версии истории психологии создали В. Дильтей, Е. Шпрангер, К. Бюлер, Г. Мэрфи).

Большое распространение в капиталистических странах получила также точка зрения, согласно которой психологию творили выдающиеся ученые-психологи, следовательно, история психологии — это история деятельности отдельных психологов. Подобный подход к истории психологии разделял немецкий психолог М. Дессуар, разделяют его ныне в США Э. Боринг, К. Мерчисон, Э. Хайдбредер и другие.

Антинаучной является и третья точка зрения на историю психологии, основные положения которой были выдвинуты немецкими буржуазными психологами в конце прошлого столетия, но свое законченное выражение они получили в наши дни в США. Американские социологи и психологи (Р. Бауэр, Дж. Брунер, П. Дракер и другие) полагают, что психология определяется непосредственно социальным строем общества, поэтому она провозглашается «политической» дисциплиной; зная состояние разработки ее проблем (в частности, проблемы личности), американские психологи берутся установить, какой общественно-экономической системой порождена данная психологическая теория.

Наконец, имеются и такие буржуазные психологи, которые утверждают, что история психологии определяется разнообразными факторами: политическими, экономическими, культурными. Р. Х. Уилер ведущим фактором истории психологии (наряду с перечисленными) считает климат. По его мнению, при потеплении в психологии появляется тенденция рассматривать психические явления как какие-то «целостности», а при похолодании — тенденция к их «анализу».

Конечно, можно было бы привести мнения и других буржуазных психологов, иначе понимающих закономерности развития психологии. Однако все они страдают одним и тем же пороком: будучи не в состоянии найти главные, определяющие ход развития психологической науки факторы, буржуазные психологи искусственно изолируют психологию от других наук, рассматривая ее либо как замкнутое в себе целое, либо соотнося непосредственно с политикой, климатом и т. д. Наличие различных точек зрения, сторонники которых по-своему пытаются объяснить ход развития психологии, свидетельствует о произволе и хаосе, существующем среди буржуазных психологов, и, добавим, не только по во-

просу о закономерностях развития, но и по другим важным проблемам их науки. Поэтому-то буржуазные психологи и не могут объяснить, в частности, то, почему в конце прошлого века начался бурный процесс разветвления их науки.

Единственно правильное, научное понимание истории психологии дает марксистско-ленинская теория. С точки зрения марксизма-ленинизма, наука, в том числе, естественно, и психология, является одной из форм общественного сознания. Общественное сознание — это порождение и вместе с тем отражение общественного бытия, условий материальной жизни общества. Как неоднократно указывали Маркс и Энгельс, производство и воспроизводство действительной жизни являются в конечном итоге решающим моментом истории науки.

Однако наука испытывает влияние не только со стороны экономических отношений, базиса общества; на нее оказывают воздействие и другие формы общественного сознания. Так, психология всегда была тесно связана с философией, идеалистическая психология до сих пор находится под влиянием религиозных воззрений.

Согласно марксистско-ленинской теории, важно также и то, что, возникнув, формы общественного сознания обладают относительной самостоятельностью и своей спецификой.

Таким образом, марксизм-ленинизм требует рассматривать историю любой науки, в том числе и психологии, во всей совокупности решающих взаимосвязей, определяющих и ее положение в обществе, и специфические закономерности ее развития. При определении последних нужно исходить из того, что история развития любой науки есть прежде всего история борьбы материализма с идеализмом, а не проявление каких-то «имманентных», «внутренних» тенденций (например, в психологии — к «целостности» или «анализу»), исключающих влияние социальных условий, других наук, борьбу материализма с идеализмом, и не результат ничем не детерминированной деятельности выдающихся ученых, как полагают многие буржуазные психологи.

Эти положения марксистско-ленинской философии и являются отправными теоретическими посылками, которыми руководствовался автор при рассмотрении совре-

менной психологии в капиталистических странах Европы и в США.

Актуален ли в наши дни анализ становления и состояния современной психологии в США, Франции, Англии и Западной Германии, которая представлена преимущественно идеалистическими школами? Полезно ли знать советскому читателю о том, чем занимаются в капиталистических странах психологи-материалисты и идеалисты, какая борьба происходит между ними? Нам кажется, что двух мнений на этот счет быть не может. И вот почему.

Рассмотрение вопросов истории психологии в капиталистических странах, тенденций ее развития в настоящее время важно для правильного понимания ее роли в жизни буржуазного общества, для определения ее перспектив и возможностей, для научной оценки деятельности психологов в США, Франции, Англии и других странах. Следует отметить, что в нашей стране придается большое значение разработке истории философской и общественно-политической мысли народов мира. За последние годы философами выпущены в свет фундаментальные исследования по истории философии, подготовленные Институтом философии Академии наук СССР, психологами опубликован ряд книг по истории отечественной психологии прошлого столетия. Но работ, в которых рассматривались бы закономерности развития психологии в капиталистических странах, давно уже не издавалось. Наиболее полно вопросы истории психологии были рассмотрены в трудах С. Л. Рубинштейна, некоторые из которых впервые были изданы более 20 лет тому назад («Основы общей психологии», ряд критических статей, вошедших в его книгу «Принципы и пути развития психологии», изданную в 1959 г.)¹.

В наши дни, когда все больше укрепляются международные связи психологов, расширяется обмен печатной продукцией, учащаются взаимные посещения ученых,

¹ Кроме С. Л. Рубинштейна лишь весьма немногие советские психологи за последнее время рассматривали закономерности и тенденции развития психологии в странах капитала (см. Д. А. Ошанин, Пути развития психологии труда в капиталистических странах. «Вопросы психологии» № 6, 1956; М. Г. Ярошевский, К вопросу о возникновении психологии как самостоятельной науки. «Вопросы психологии» № 4, 1956).

знание состояния психологии в Западной Европе и в США, ее социального назначения представляет особый интерес.

Познакомиться с состоянием современной психологии в капиталистических странах важно и в другом отношении. Психология, занимая промежуточное положение между общественными и естественными науками, использует выводы как тех, так и других. В капиталистических странах она поэтому являет собой блестящую иллюстрацию состояния буржуазной науки в целом, отражающего кризис капиталистического строя.

Рассматривая деятельность психологов в США, Франции, Англии, Западной Германии, можно составить представление о том, какую роль в буржуазном обществе играют ученые различных специальностей, относящихся к естественным и общественным наукам. При этом становится очевидным, что в буржуазном обществе нет «нейтральных» ученых, деятельность которых не имела бы прямого или косвенного отношения к происходящей в мире борьбе двух идеологий, двух общественных систем. В наши дни психологи в странах капитала своей деятельностью в той или иной форме либо помогают империалистической буржуазии сохранять отжившую капиталистическую систему, либо способствуют борьбе передовых сил, выступающих против капитализма, за победу нового, справедливого социального строя, утверждающего на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов, — коммунизма.

В предлагаемой вниманию читателей книге показывается, какие теории, представления, взгляды распространяют ныне в странах капитала буржуазные психологи, почему их деятельность имеет реакционное значение. Забегая вперед, следует отметить, что многие из современных психологических теорий, созданных буржуазными учеными, все более откровенно преследуют цель идейно оправдать эксплуатацию человека человеком, милитаризм, колониализм и расизм, противопоставить идеалистические психологические представления научно обоснованным положениям марксизма-ленинизма. Этот факт подтверждает глубокую правильность положения Программы КПСС, раскрывающего классовую сущность устремлений различных защитников буржуазного строя. Они, говорится в Программе, «стремясь удержать массы

в духовном плену, изобретают все новые «теории», маскирующие эксплуататорскую природу буржуазного строя, приукрашивающие капитализм»¹.

Решительное разоблачение реакционной идейно-политической сущности идеалистических теорий в психологии, направленных на приукрашивание капиталистического строя, показ истинной социальной направленности конкретно-психологических исследований, которые проводятся буржуазными психологами, — это долг и обязанность передовых психологов всех стран, в первую очередь психологов Советского Союза и стран социалистического лагеря. «Общественные науки, — говорится в Программе КПСС, — и впредь должны решительно выступать против буржуазной идеологии...»²

Однако характеристика состояния современной психологии в капиталистических странах Западной Европы и в США была бы неполной, а следовательно, и представление о ней — не совсем правильным, если бы в книге ничего не было сказано о том, что наряду с реакционными психологами в США, Англии, Франции и других капиталистических странах существуют психологи, которые, хотя и не разделяют положений материалистической философии, но своими конкретными экспериментальными исследованиями укрепляют позиции материализма в этой науке, наносят удар по спекулятивным, бездоказательным общим построениям психологов-идеалистов. Кроме того, в капиталистических странах работают и сознательные психологи-материалисты, которые совместно с философами-марксистами и прогрессивными учеными других специальностей ведут решительную борьбу с идеализмом и реакцией в психологии.

В книге уделено особое внимание показу главных направлений этой борьбы. В ней отмечается, какое исключительное значение придают передовые ученые в странах капитала роли марксистско-ленинской философии, помогающей одерживать победу над идеалистическими теориями в психологии. Это подтверждает полную справедливость положения Программы КПСС о том, что в наше время «марксизм-ленинизм стал властителем дум

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1961, стр. 52.

² Там же, стр. 128.

передового человечества»¹. Влияние идей марксизма-ленинизма так или иначе испытывают на себе представители всех наук в странах капитала, в том числе и буржуазные психологи.

Важную роль в борьбе материализма с идеализмом в психологии играют также достижения советских ученых, развиваемые ими общетеоретические положения и методы психологического исследования. В этой связи в первую очередь следует упомянуть учение о высшей нервной деятельности, созданное трудами академика И. П. Павлова и его последователей и являющееся прочной естественнонаучной основой материалистической психологии.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 51.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК «САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ» НАУКИ

1. ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СЛУЖАНКА БОГОСЛОВИЯ И ПРИДАТОК ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Многие черты современной буржуазной психологии обусловлены ее развитием в прошлом. Поэтому необходимо хотя бы кратко показать главные особенности того длительного периода истории психологии в странах капитала, который предшествовал провозглашению ее отпочкования от философии и превращению в «самостоятельную» науку.

Психология во многом не похожа на другие науки. Об этом в свое время писал И. М. Сеченов: «Между всеми отраслями человеческих знаний едва ли найдется наука, судьба которой была бы до такой степени странна, как судьба психологии»¹. Основоположник материалистической психологии был глубоко прав. История психологии действительно имеет свои особенности, отличные от истории других наук.

Чем характеризуется прошлое психологии?

¹ И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I, Из-во АН СССР, М., 1952, стр. 128.

Зачатки психологического знания возникли уже на заре человеческой культуры, по выражению Сеченова, чуть ли не со времени появления человека на Земле. В трактатах древнегреческих, арабских, индийских мыслителей, в сочинениях древних писателей содержится немало интересных и подчас тонких психологических наблюдений и высказываний. Для их появления не требовалось ни лабораторий, ни специальных приборов. Материалом психологии являлись «продукты самосознания или самонаблюдения, проверяемые подобными же наблюдениями других людей или собственными и чужими поступками»¹.

Таким положение оставалось в течение веков. Со временем оно, однако, изменилось: психологией стали специально заниматься философы и богословы. В лоне идеалистической философии, в качестве служанки богословия официально признаваемая господствующими классами эксплуататорского общества психология пребывала вплоть до второй половины XIX столетия.

Современные буржуазные психологи, как идеалисты, так и материалисты, отмечают тесную связь идеалистического направления в психологии с теологией и идеалистической философией. Так, Ральф Винн, американский психолог-идеалист, заявляет, что немногим более ста лет назад психология была частью философии (имеется в виду, конечно, идеалистическая философия. — *Н. М.*) и имела непосредственное отношение к некоторым проблемам богословия и метафизики. Другой американский психолог, А. А. Робэк, в своей книге «История американской психологии» (1952 г.) пишет, что психология как определенная концепция впервые была создана философствующим богословом, рассуждающим о душе и присущих ей качествах. Занятию психологией богословы предавались потому, что с ее помощью они «обосновывали», как отмечает психолог Джонсон (США), логику, которая нужна была им для доказательства «бытия божия». Не удивительно, что, определяя «философское наследие» такого рода психологии, американский психолог Х. Х. Реммерс назвал его «несложной молитвой».

С мнением американских психологов согласны и буржуазные немецкие психологи. В. Штерн в работе «Общая

¹ *И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I, стр. 128.*

психология на персоналистской основе» (1935 г.) указывал, что психология до сих пор занималась изучением души, которая представлялась самостоятельной сущностью, не зависящей от тела. Почти 20 лет спустя западно-германский психолог Г. Аншютц в обобщающем труде «Психология. Проблемы, методы и результаты исследования» (1953 г.) сделал вывод, что философия является матерью психологии, что ныне, как и прежде, психологи истолковывают психическое как состояние нашего «Я».

Мнение прогрессивных зарубежных ученых, отмечающих связь господствующей, официально признанной психологии с идеалистической философией и теологией, достаточно ясно и четко выражено в книге американского философа-марксиста Г. Уэллса «Павлов и Фрейд». «В течение почти двух с половиной тысяч лет, начиная со времен древних греков до рубежа XX века, — пишет автор, — психология была в основном подчиненной областью философии (следует иметь в виду идеалистическую философию. — Н. М.) и теологии. Она занималась главным образом отвлеченными рассуждениями о природе души, или духа, и ее отношении к телу»¹.

Поскольку идеалистическая психология была придатком теологии, то во всех странах она преподавалась «по совместительству» богословами. По данным Робэка, в США до начала текущего столетия почти все официально признанные психологи одновременно были теологами. До 1900 г., отмечает Г. Уэллс, психология в США почти исключительно преподавалась философами и богословами.

Аналогичная картина слияния идеалистической психологии с теологией отмечалась не только в странах Западной Европы и США, но и в России. До 70-х годов прошлого века в русских университетах психологию читал обычно университетский священник, в лучшем случае — дипломированный богослов.

Естественно, что длительный альянс идеалистической психологии с теологией не мог не наложить на нее своего отпечатка. В этой связи можно отметить следующие три обстоятельства: во-первых, в «официальной» психологии, являвшейся частью богословия, отсутствовали сущест-

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, М., 1959, стр. 37.

венно отличающиеся друг от друга течения, во-вторых, ее содержание отличалось крайней бедностью, в-третьих, она находилась в противоречии с эмпирически установленными фактами и была бесплодна в практическом отношении, на что неоднократно указывали прогрессивные ученые разных стран, в частности И. М. Сеченов.

Многие видные зарубежные психологи не могут не признать малосодержательности психологии в тот период, когда она была придатком богословия. Так, немецкий психолог Эббингауз писал, что у психологии длинное прошлое, но краткая история. Американский психолог В. Джемс характеризовал психологию конца XIX в. весьма выразительно: это не наука, а лишь надежда на науку.

Однако тот факт, что «официальная» психология долгое время в прошлом была служанкой богословия и придатком идеалистической философии, не означает еще, что по отдельным проблемам этой науки не высказывалось материалистических идей и гипотез. История науки знает немало примеров того, как передовые для своего времени естествоиспытатели и философы-материалисты выступали против идеализма в психологии и формулировали ряд материалистических тезисов в этой дисциплине.

В самом деле, во Франции материалистическое направление в психологии развивалось П. Гольбахом — математиком и философом-материалистом, Ж. Ламетри — врачом и философом-материалистом, К. Гельвецием — философом-материалистом. В Англии это направление было представлено Д. Гартли и Дж. Пристли — естествоиспытателями. Одними из первых материалистов в психологии США по праву считаются врачи-психиатры Бенджамин Раш и его сын Джеймс. Основателями научной материалистической психологии в нашей стране являются замечательные физиологи И. М. Сеченов и И. П. Павлов.

Материалистические идеи в психологии прошлого находились в прямой зависимости от успехов медицины, анатомии, биологии и других естественных наук. Недостатки последних прямо либо косвенно сказывались на характере и степени разработки психологических теорий. Поскольку до XIX в. естественные науки, особенно физиология нервной системы, развивались медленно, мате-

риалистические идеи в психологии долгое время были слабо обоснованы фактами и иной раз носили характер гипотез и предположений. Несмотря на недостатки, присущие материалистическим воззрениям в психологии, последние имели перспективное значение для развития этой науки (теория рефлекса французского философа Р. Декарта, теория ассоциаций английских материалистов Гартли и Пристли, различные гипотезы о связи психических явлений с физиологическими процессами, происходящими в мозгу, и т. п.).

Таким образом, хотя «официальные» психологи и были идеалистами, тем не менее по проблемам, которыми занималась психология, происходила борьба материалистических воззрений с идеалистическими, так же как происходит она и в настоящее время, приобретая со временем, конечно, свои отличительные формы.

Идеалисты-психологи всегда оказывали сопротивление распространению материализма в психологической науке, особенно потому, что пропаганда материализма всегда была связана с выступлением против теологии и церкви. Поэтому история психологии — это история борьбы материализма с идеализмом, история того, как постепенно материализм брал верх над идеализмом.

Примером того, насколько ожесточенной была эта борьба, может служить один эпизод, относящийся к прошлому столетию. В 1823—1827 гг. американский психиатр Дж. Раш написал книгу «Философия человеческого голоса». В этой работе Раш высказывал точку зрения, противоположную официальному мнению, господствовавшему в то время в психологии в США. Между прочим он привел перечень тех приемов, с помощью которых идеалисты и метафизики боролись в науке с материалистическими идеями. Они, отмечал Раш, прежде всего настаивали на том, что психические явления нельзя изучать объективным методом; при этом они фальсифицировали изучение психики, выдавая вымыслы за факты, подменяли наблюдение и опыт ссылками на авторитеты, открыто расхваливали идеализм как более удобную и «благородную» точку зрения рассмотрения психики в сравнении с «грубым» материализмом. Раш подчеркивал далее, что церковь и теология всячески поддерживали неправильное мнение о духовной природе разума, психики, забывая междоусобные распри, когда речь шла

о походе против материалистов, и что ученые давно смогли бы применить экспериментальный метод к изучению психики, если бы их не запугивали церковники.

Ни один издатель не захотел издавать книгу Раша, и ему пришлось печатать ее за свой счет. Понимая, что его точка зрения будет встречена в штыки «официальными» психологами, теологами и философами-идеалистами, Дж. Раш писал, что он дает им 50 лет на то, чтобы они могли понять его работу. Но и этого срока им оказалось, по-видимому, недостаточно.

То, что вплоть до настоящего времени труды ученых-материалистов прошлого в странах капитала замалчиваются, находятся под запретом, а то и просто уничтожаются, служит ярким примером тех приемов борьбы с материалистами, которые использовали и используют по сей день идеалисты, выступающие в союзе с церковниками. (Как указывает Г. Уэллс, ныне основной труд Дж. Раша «нельзя найти не только в мелких, но и в крупных библиотеках, даже в библиотеке Конгресса»¹.) Поэтому материалистическое направление в психологии капиталистических стран до сих пор остается в тени, а его представители мало известны.

Таковы некоторые особенности истории психологии (имеется в виду психология в странах Западной Европы и в США), которые отличают развитие этой науки в прошлом (до середины XIX в.) от развития других наук.

2. ОТПОЧКОВАНИЕ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» ПСИХОЛОГИИ ОТ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЕЕ В «САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ» НАУКУ

До второй половины XIX в. психология в странах капитала не существовала как самостоятельная наука: идеалистические воззрения развивались идеалистами-психологами и философами, материалистические — философами-материалистами и естествоиспытателями. Превращение психологии в «самостоятельную» науку буржуазные психологи связывают с двумя, как они называют, «эпохальными» для ее развития датами: 1861 и 1879 гг.

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 239.

В 1861 г. немецкий психолог и философ В. Вундт создал первый прибор для экспериментально-психологического исследования. 18 лет спустя, в 1879 г., он организовал первую психологическую лабораторию, где проводил экспериментально-психологические исследования. И ту и другую дату психологи в Западной Европе и в США считают «эпохальными» потому, что именно с этого времени психология в целом считается отпочковавшейся от философии и превратившейся в «самостоятельную» экспериментальную науку.

Среди буржуазных психологов по сей день идет спор о том, кому принадлежит приоритет создания первой экспериментально-психологической лаборатории. В США его оспаривали у В. Вундта В. Джемс и С. Холл, в Англии — Р. Венн и Дж. Уорд.

Характерно, что психологи в капиталистических странах в решении вопроса о приоритете в области экспериментального изучения психики совершенно не принимают во внимание развитие научной мысли в России, где в середине прошлого столетия были значительные научные силы, немало сделавшие для становления научной, в том числе и экспериментальной, психологии.

Создание экспериментально-психологических лабораторий действительно явилось важным моментом в развитии психологии. В 80-х годах прошлого столетия почти во всех западноевропейских странах при университетах создаются самостоятельные кафедры психологии. В 1889 г. в Париже по инициативе французских ученых был созван I Международный психологический конгресс, на котором присутствовали представители смежных наук. Конгресс был посвящен физиологическим вопросам психологии. Одним из почетных председателей этого конгресса был избран основоположник материалистического направления в психологии И. М. Сеченов. Хотя он и не смог принять участие в работе конгресса, сам факт его избрания свидетельствует о том, как высоко ценились мировой научной общественностью выдающиеся работы русского ученого, неоднократно и последовательно выступавшего против идеалистической психологии.

С 1889 г. психологические конгрессы стали созываться регулярно, нередко являясь ареной острой борьбы материалистических идей в психологии с идеалистическими. (Так, например, на IV конгрессе, состоявшемся в 1900 г.,

были подвергнуты резкой критике субъективно-идеалистические воззрения Бернгейма.) На конгрессах обсуждались не только вопросы психологии (в первую очередь результаты экспериментальных исследований), но и проблемы смежных отраслей знания — неврологии, нейрофизиологии, физиологии нервной системы и высшей нервной деятельности, патопсихологии, психиатрии. Поэтому история психологических конгрессов связана с именами крупных естествоиспытателей, таких, как Гельмгольц, Геринг, Рамон-и-Кахал, Жанэ, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, и других ученых.

Год спустя после I конгресса психологов в Германии вышел первый номер «Психологического журнала», одного из самых первых периодических изданий по психологии. В его создании большую роль сыграли естествоиспытатели Гельмгольц, Геринг, фон Крис, Эхнер. Из психологов в редколлегии журнала были Эббингауз (редактор), Т. Липпс, Г. Мюллер, Штумпф.

Таким образом, к началу XX в. психологи в Западной Европе имели свои печатные органы, представительные организации и обсудили итоги своих первых экспериментальных исследований, которые были проведены преимущественно в области психофизиологии.

В связи с отпочкованием психологии от идеалистической философии возникает принципиально важный вопрос: чем объяснить, что это произошло именно в 70-х годах прошлого столетия? Мнение буржуазных психологов, будто решающую роль при этом сыграл факт создания экспериментально-психологических приборов и лабораторий, не является убедительным, так как требует объяснения, почему же в это время оказалось возможным создавать приборы и потребовалось заняться экспериментально-психологическими работами.

Единственно верный ответ на вопрос о причинах отпочкования психологии от философии можно дать на основе марксистско-ленинской методологии: объяснение этому следует искать не в самой психологии, а в конечном счете в тех конкретных общественно-экономических условиях, которые характеризовали ту эпоху.

Период в истории между 1789 и 1871 гг. с полным правом считается «восходящей линией буржуазии»¹.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 126.

В экономическом отношении он характеризуется становлением капиталистического способа производства, ростом промышленности, техники и науки. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹

Развитию производительных сил капитализма соответствовали новые, буржуазные, более прогрессивные по сравнению с феодальными производственные отношения. На смену внеэкономическому принуждению и крепостному труду пришел наемный труд свободного от такого принуждения работника. С другой стороны, буржуазия упростила и обнажила отношения между людьми, «разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения»², утвердив между людьми отношения «голого интереса, бессердечного «чистогана»»³. Она создала условия для того, чтобы занятие наукой сделалось статьей дохода для деятеля науки, который оплачивался в соответствии с той пользой, которую он мог принести буржуа.

В период своего подъема буржуазия играла революционную роль в развитии науки, связанной с развитием производительных сил общества. Резко возросло число ученых, занимающихся проблемами, которые прежде всего имели отношение к промышленности и технике. Обширный практический опыт в различных отраслях материального производства в свою очередь содействовал развитию теоретических, точных и естественных наук. В этой связи следует отметить революционизирующую

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, Госполитиздат, М., 1951, стр. 13.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

роль машиностроения, приборостроения и других отраслей промышленности, которые в совокупности составили необходимую материально-техническую базу для научных экспериментов. Именно широкому внедрению экспериментального метода в различные отрасли знания, возможно благодаря новой аппаратуре, приборам, реактивам и т. д., во многом обязана наука XIX в. своим быстрым развитием. Говоря о роли экспериментального метода для развития современной науки, Дж. Бернал в труде «Наука в истории общества» отмечает, что в конце XIX в. «...экспериментальный метод, который вначале применялся только от случая к случаю и ограничивался небольшим числом дисциплин, начал превращаться в нечто новое — он приобретал систематический и решающий характер»¹.

В условиях бурного развития производительных сил и экспериментальной науки психологи-идеалисты, представлявшие прежнюю «официальную» психологию и занимавшиеся рассуждениями о «душе» и ее свойствах, оказались в невыгодном для них положении. Их теории не имели никакого значения для решения актуальных практических задач того времени, их спекулятивный метод стал явным анахронизмом, поскольку все другие науки с успехом использовали эксперимент, их авторитет в сравнении с биологами, физиками, химиками резко упал, хотя он никогда не был высок. Следует отметить также и то, что в середине XIX в. возник диалектический материализм, получивший распространение среди передовых людей того времени. С позиций этого единственно научного мировоззрения особенно отчетливо была видна идеалистическая сущность прежней «официальной» психологии. В этих условиях некоторые психологи-идеалисты тоже прибегли к эксперименту с той, видимо, целью, чтобы поставить психологию в один ряд с другими, «опытными» науками, «омолодить» традиционные психологические представления, оснастить их фактами.

В то время значительных успехов в изучении нервно-мышечной системы и органов чувств добилась физиология. Предмет этой науки имел ряд точек соприкосновения с психологией. Физиологи-экспериментаторы нашли способы измерения скорости протекания простейших

¹ Дж. Бернал, Наука в истории общества, М., 1956, стр. 464.

психических реакций, установили зависимость между раздражителями и ощущениями. Под влиянием эволюционного учения Ч. Дарвина были установлены в общих чертах закономерности развития органов чувств и зависимость ощущений от строения рецепторного аппарата (Э. Геккель и другие).

Среди ученых, работы которых в области физиологии того времени имели прямое отношение к будущим психологическим экспериментальным исследованиям, следует упомянуть Г. Гельмгольца, в лаборатории которого ставили опыты в свое время И. М. Сеченов и В. Вундт, а также Э. Вебера, Г. Фехнера и других.

Физиологические исследования органов чувств и нервной системы явились той основой, на которой развернулась деятельность первых психологов-экспериментаторов. Будучи не в состоянии создать свою собственную методику и не умея сформулировать проблему экспериментально-психологических исследований, первоначально психологи ставили опыты, мало чем отличающиеся от тех, которые проводились физиологами: измеряли скорость двигательных реакций, изучали чувствительность, выразительные движения. Не удивительно, что результаты такого рода работ дали возможность психологам провозгласить появление «физиологической психологии», имеющей свой предмет и метод исследования, отличный от предмета и метода «официальной» психологии и идеалистической философии.

Таким образом, свою самостоятельность в организационном отношении (создание отдельных кафедр, лабораторий и т. д.) психология в Западной Европе и в США обрела путем обращения к естествознанию, под прямым влиянием достигнутых им успехов во второй половине XIX в.

Первым психологом, вставшим на путь экспериментального изучения психических явлений, был, как уже упоминалось, В. Вундт. Его большая научная и научно-организационная деятельность имела прогрессивное значение для дальнейшего развития психологии в странах капитала. К нему, в Лейпциг, приезжали молодые психологи-энтузиасты почти из всех стран мира, усваивая его методы работы. Так, под руководством Вундта работали Мишотт (Бельгия), Геффдинг (Дания), Бурдон (Франция), Спирмен (Англия), Мадумото (Япония).

Каттл, Дж. Стенли Холл (США), Бехтерев и Челпанов (Россия).

За несколько лет экспериментальной работы Вундт и его ученики собрали значительный фактический материал, устанавливавший зависимость психических явлений от физических (первые открытия в этом направлении были сделаны Вебером и Фехнером) и показывавший возможность количественного выражения психических состояний, которые до того расценивались как проявления «ни с чем не сравнимой души». В лаборатории Вундта были открыты некоторые объективные особенности таких психических явлений, как ощущения и другие. То, что раньше считалось психологами-идеалистами необъяснимым, таинственным, недоступным для познания, теперь стало предметом объективного изучения.

Возникновение «физиологической психологии», начавшей заниматься экспериментальным изучением вопросов, связанных с физиологией и имеющих отношение к материальному субстрату психических явлений, по существу означало, что ее представители в своей практической работе отступали от традиционно-идеалистического понимания психики, отказывались от общих рассуждений и спекуляций: иначе они не могли бы исследовать конкретные факты, характеризующие психические явления. Выходит, что объективно, по своему подходу к пониманию и изучению психических явлений представители нового направления в психологии, отпочковавшегося от идеалистической философии, сделали, хотя и неосознанно, шаг по пути к материализму, который они по-прежнему третируют в теоретических работах, при построении гипотез и объяснении фактов. Тем самым «физиологическая психология» усугубила уже давно наметившееся противоречие между фактами, с одной стороны, и традиционно-идеалистической психологической теорией — с другой.

Каковы же теоретические позиции сторонников «физиологической психологии»? Лучше всего ознакомиться с ними по работам самого Вундта, в которых они изложены предельно четко и ясно.

Вундт определял психологию как науку о «душе», или «внутреннем опыте» человека. «Внутренний опыт» он противопоставлял «внешнему». При этом он указывал на «своеобразие» психических явлений, которые он называл «процессами», подчеркивая их противоположность

явлениям материального мира. Психические «процессы», по мысли Вундта, обладают самостоятельностью, которая выражается в том, что они подчинены особым закономерностям, которых нет в окружающей материальной природе. На этом основании, говоря о психике, Вундт отвергал ее зависимость и от внешнего мира, и от закономерностей работы мозга (т. е. по сути дела выступал против того, с чем как экспериментатор сталкивался при проведении опытов). В теоретических работах он писал об особой «телеологической» причинности, которая якобы действует в сфере психических «процессов» и которая противоположна принципу причинности в его обычном понимании.

Вундт считал, что, поскольку психика является особой сферой, противоположной природе, познавать ее следует иным путем, чем явления окружающей природы. Если природные явления познаются через посредство органов чувств, то психические «процессы» познаются, по Вундту, сверхчувственным, или помимочувственным (внечувственным) путем — интроспекцией.

Отвергая какую-либо закономерную обусловленность психики деятельностью человека, рассматривая личность как продукт «мысленного синтеза» всех тех психических особенностей, которые поодиночке и порознь выявляются интроспективным путем, Вундт видел задачу психологии в установлении «законов» связи одних психических «процессов» с другими. Объясняя, для чего проводится такого рода «исследование», он не скупился на рассуждения по поводу «души», необходимости самопознания и т. п.

Как видим, между теоретическими рассуждениями Вундта и результатами многих экспериментальных исследований, которые были им выполнены, нет соответствия: сделанные им открытия во многом подтверждали материалистические взгляды в психологии, а не разделяемую им идеалистическую концепцию психики. Столь же противоречивы были позиции и других представителей «физиологической психологии». Так, например, у Фехнера экспериментальная работа тесно уживалась с верой в неземные духи, сверхъестественные силы, в бога.

Таким образом, хотя психология в Западной Европе и в США, отпочковавшаяся от идеалистической филосо-

фии и теологии, и стала называться «самостоятельной», хотя она и начала использовать экспериментальный метод исследования, тем не менее ее философские основы по-прежнему были идеалистическими. Об этом прямо говорили и сами буржуазные психологи. Так, немецкий психолог Клювер, характеризуя психологию начала текущего века, отмечал, что экспериментальная «физиологическая психология» в целом продолжала подчиняться «интересам философии» (разумеется, идеалистической. — *Н. М.*). Другой немецкий психолог — Лампрехт указывал, что многие психологи-экспериментаторы подчиняли свою работу «теоретическим запросам» (т. е. на деле исходили из идеалистических теоретических положений и старались их обосновать с помощью установленных экспериментом фактов). То же, но в иной форме признал и американский психолог Вудвортс. В работе «Современные школы психологии» он писал: «Она (новая психология. — *Н. М.*) отличалась от прежней психологии прежде всего в отношении метода... но не в отношении теории»¹.

Противоречие между теоретическими взглядами представителей «физиологической психологии» и полученными ими фактическими данными являлось первым симптомом начинавшегося кризиса «самостоятельной» психологии, созданной психологами-идеалистами.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВНЫХ ШКОЛ И ОТРАСЛЕЙ ПСИХОЛОГИИ (конец XIX — начало XX столетия)

Если теоретические основы «самостоятельной» психологии остались такими же, какими они были ранее, до отпочкования ее от философии, то общее состояние этой науки в последние годы XIX — начале XX в. резко изменилось. Некогда единая, официально признаваемая правящими кругами буржуазного общества психология стала распадаться на множество отдельных школ и течений. «За пятьдесят с лишним лет со времени появления психологии как самостоятельной дисциплины, —

¹ R. S. Woodworth, *Contemporary Schools of Psychology*, London, 1945, p. 6.

отмечает Г. Уэллс, — возникли буквально сотни психологических «школ», группы и подгруппы с подразделением их еще на более мелкие группки»¹. Этот процесс разветвления психологии некоторые буржуазные психологи склонны объяснять какими-то собственно психологическими особенностями. Однако научно его можно понять исходя не из «потенций» самой психологии, а из явлений, лежащих вне психологии и обуславливающих ее развитие. Психология никогда не была изолирована от общественно-исторических условий, от развития других отраслей знания, и процесс зарождения школ и отраслевых направлений в этой науке — яркое тому доказательство.

Рассматриваемый период характеризуется перерастанием домонополистического капитализма в монополистический. «Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов — синдикатов, картелей, трестов, — получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом громадной концентрации и к усиленному вывозу капитала в чужие страны... Период более или менее плавного распространения капитализма по всему земному шару сменился скачкообразным, катастрофическим развитием, что вызвало невиданные ранее рост и обострение всех противоречий капитализма — экономических, политических, классовых и национальных»².

Монополистическая буржуазия во все большей степени стала подчинять себе науку. Основные научные силы постепенно стали переходить на работу из университетов в лаборатории, являвшиеся собственностью монополий. Подчинив себе науку организационно, монополии стали определять содержание и темпы ее развития. «Темп и направление развития науки, — как признают ныне сами буржуазные ученые, — в известном смысле определяются потребителями науки, а не ее деятелями»³. Это не могло не наложить своего отпечатка на общее состояние науки в странах капитала, обусловив, в част-

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 38.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 9—10.

³ «Science» v. 125, № 3239, 1957, p. 144.

ности, появление ряда прикладных отраслей науки, призванных решать конкретные, практические проблемы, которые в первую очередь интересовали буржуазию.

Политические и экономические условия отдельных стран обусловили также возникновение местных, специфических особенностей развития наук. Так, например, в Германии того времени ученые различных специальностей охотно занимались теоретическими вопросами, тогда как в США разработка их стояла на втором месте. В Англии большое внимание уделялось вопросам статистики и статистических методов анализа, которые применялись в различных отраслях знания в большей степени, чем, например, в Австрии, и т. д.

Далее следует указать на неравномерное развитие отдельных отраслей науки в Англии, Франции, Германии, США. Особенно ярко это проявилось в психолого-педагогических и медицинских науках. В начале века во Франции, например, большие успехи были достигнуты учеными в области психиатрии, в Италии — неврологии, в Швейцарии — педагогики, в Германии — психологии, в США — в области изучения поведения животных. Объясняется это рядом причин, в частности наличием среди ученых различных стран стойкого интереса к некоторым отраслям науки или отдельным проблемам в той или иной ее области.

Все более усиливающееся влияние на развитие науки оказывал марксизм. Труды его основоположников и их последователей в огромной степени способствовали упрочению лагеря материализма в науке. С другой стороны, успехи естествознания, обусловленный ими прогресс научного знания укрепляли стихийно-материалистические тенденции среди ученых.

Вместе с тем открытия в биологии, физике и других науках привели в ряде случаев к несоответствию прежних теоретических представлений новым фактам; возникли кризисные явления (кризис в физике), обострилась идейно-теоретическая борьба внутри ряда наук (например, между дарвинизмом и вейсманизмом в биологии, теорией медицины немецкого ученого Вирхова и теорией медицины русского ученого Боткина).

В идеалистической философии в это время появляются разнообразные течения и школы; многие представители идеалистической философии спекулируют на

достижениях науки, пытаясь приспособить их для укрепления своих позиций, для борьбы с материализмом. Наряду с этим активизируют свою деятельность буржуазные социологи, представители других общественных дисциплин, призванные идеологически защищать устои капитализма.

Экономические, политические, идеологические и прочие особенности развития капиталистических стран оказали свое влияние на появление школ и отраслевых направлений в психологии. Так, например, заинтересованность империалистической буржуазии в решении практических, злободневных вопросов, порожденных либо экономическими потребностями, либо необходимостью вести борьбу против пролетариата, против передовых, революционных идей, явилась стимулом для возникновения таких отраслевых направлений в психологии, как психология труда, социальная психология. Новые течения в идеалистической философии оказали сильное влияние на психологов-идеалистов, занимавшихся вопросами психологической теории, породив ряд новых школ в так называемой общей психологии. Философы-идеалисты определяли подчас и отношение психологов к естествознанию, к истолкованию фактов. В этой связи можно указать, что именно под влиянием махизма представители одной из новых школ в психологии — гештальт-психологии — обратили свое внимание на физику и, как и махисты, предприняли попытку использовать физические представления для обоснования своих идеалистических взглядов.

Специфические особенности развития науки, свойственные различным странам, определили возникновение в психологии «традиций», которые присущи разным школам психологии отдельных капиталистических стран и разделяются большей частью психологов этих стран. Так, для психологических школ Германии периода до второй мировой войны была характерна тенденция рассматривать психику как какую-то субстанцию, обладающую своими «специфическими» закономерностями, противоположными закономерностям материального мира. Для психологов Франции типичен социологический подход к проблемам психологии; в центре внимания их исследований находится проблема личности, ее развитие и поведение в различных общественных условиях. Для пси-

хологов США показательно, что они считают основной проблемой психологии поведение и главной задачей психологов — установление законов поведения. «Традиции» психологических школ различных капиталистических стран в значительной мере обусловлены влиянием философских систем, распространенных в этих странах и пользовавшихся известностью у буржуазии на протяжении длительного времени (Гегель — в Германии, Конт — во Франции, Джемс и Дьюи — в США).

Относительно того, каковы причины возникновения в психологии ряда школ и отраслевых направлений, у буржуазных психологов существуют различные мнения. Совершенно не соответствует действительности их утверждение о том, будто появление новых школ и отраслевых направлений было процессом прогрессивного развития психологии в соответствии с ее «внутренними», имманентными законами. Как показывают факты, и о них еще речь будет идти в дальнейшем, разветвление психологии — отнюдь не «имманентный» процесс, а результат действия экономических, политических и других факторов. В самом деле, чем, как не политическими и экономическими причинами, можно объяснить, например, возникновение на рубеже текущего века военной психологии, представители которой проделали известную работу по подготовке массовых армий к первой мировой войне? Если бы военная психология зависела от развития лишь самой психологии, то почему она не возникла на 10—20 лет раньше, когда уровень развития психологии в общем мало чем отличался от того, каким он был к периоду возникновения этой отрасли психологии?

Неверно и то мнение, будто возникновение школ и отраслевых направлений в психологии явилось результатом постепенного накопления «позитивного знания». Это мнение опровергается тем, что в действительности многие школы и отрасли возникли почти все сразу. Одновременность их появления — яркое подтверждение правильности выдвинутого положения о социальных, а не собственно психологических причинах разветвления некогда единой идеалистической психологии.

Среди психологов в странах капитала бытует также мнение, будто все школы и отрасли психологии исходят из одного источника, которым является официально признаваемая идеалистическая психология прошлого. Но и

это их представление не выдерживает критики. Как могла появиться на свет психология труда, зоопсихология и другие отрасли психологии, если бы они представляли собой дальнейшее развитие идей и положений, составляющих кредо идеалистической психологии, являвшейся служанкой богословия? Ясно, что этого не могло быть. В действительности различные школы и отрасли психологии берут свое начало из разных источников. Каковы они?

Новые школы общей психологии свои основные положения, составившие их теоретический фундамент, заимствовали из идеалистических направлений в философии. Большая часть психологов — представителей этих школ какое-то время примыкала к «физиологической психологии», хотя по ряду пунктов они расходились с ее сторонниками, видя присущую ей противоречивость и критикуя ее за уступки материализму. Образовав новые школы, эти психологи, как правило, стали выступать против материализма в психологии. Поэтому совершенно не правы те буржуазные психологи, которые хотят скрыть свою «философскую родословную». «Школы в психологии напоминают школы в философии»¹ — такова истина, которую признают наиболее объективные буржуазные психологи, считающиеся с фактами истории их науки. Новые школы общей психологии в Западной Европе — это реакция на материализм в психологии со стороны психологов-идеалистов, являвшихся проводниками буржуазной идеологии. Создавая новые школы общей психологии, психологи-идеалисты преследовали цели, желательные для буржуазии: отвлечь внимание общественности своих стран от школ психологии, в которых было заметно влияние материализма, усилить борьбу с передовыми, научными идеями и концепциями в психологии.

Несколько иначе обстоит дело с возникновением отраслевых направлений. Фактический материал, сослуживший роль их фундамента, был получен отнюдь не психологами. Так, педагогическая психология появилась на основе педагогических знаний, психология труда — как продолжение работ, начатых технологами и инженерами — организаторами производства, социальная психология — на основе ряда общественных наук.

¹ R. S. Woodworth, *Contemporary Schools of Psychology*, p. 2.

Конечно, занявшись решением тех или иных конкретных проблем, психологи исходили не только из данных других наук, но и из той или другой психологической системы, составившей психолого-теоретическую основу данного отраслевого направления. Прикладные направления имеют, таким образом, два источника своего возникновения. Этим объясняется тот факт, почему в отраслевых направлениях существуют свои собственные школы. Причиной дробления прикладной психологии является то, что психологи по-разному, с позиций различных школ общей психологии, относились к одним и тем же фактам, заимствованным, скажем, из педагогики. Школы общей психологии накладывают свой отпечаток на школы в отраслевых направлениях психологии.

Таковы те общественно-экономические условия и некоторые общие особенности возникновения основных школ и отраслевых направлений в современной психологии в Западной Европе и в США.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВНЫХ ШКОЛ

Психология как «наука о душе и духе». Одним из первых, кто занял резко отрицательную позицию по отношению к «физиологической психологии», явился немецкий психолог и философ В. Дильтей. Уже в 1883 г. он объявил о создании школы психологии, которая якобы преодолевала как недостатки прежней «официальной», так и противоречивость вундтовской «физиологической психологии». Свою школу Дильтей и его последователи (Э. Шпрангер, Л. Бинсвагер, Т. Эрисман, И. Эвальд и другие немецкие психологи) называли «настоящей наукой о душе и духе». При этом они, не смея отрицать на словах успешность экспериментально-психологических исследований, допускали принципиальную возможность существования второстепенной, вспомогательной ветви психологии, занимающейся экспериментальными работами.

Психология Дильтея, как и прежняя идеалистическая психология, была умозрительным построением. Ее основные положения вытекали из философской концепции, созданной Дильтеем и получившей название «философия жизни». В Западной Германии, Австрии и других капиталистических странах философия Дильтея пользуется известностью и в настоящее время.

В своей «философии жизни» Дильтей, резко противопоставив естественные науки философии и психологии, утверждал о существовании «объективного духа», который якобы проявляется в психических состояниях людей. «Настоящая» психология имеет дело только с «истолкованием» и «описанием» этих переживаний, которые устанавливаются внечувственным путем, интроспективно. Чувственное познание, по мнению Дильтея, должно быть достоянием только естественных наук.

Психическая жизнь, утверждали сторонники психологии как «науки о душе и духе», представляет собой непрерывный поток иррациональных по своему характеру переживаний, которые обладают телеологической тенденцией к единению и образованию различного рода «целостностей». Человек, по их мнению, являет собой пример одной из таких «целостностей», которая входит в состав другой «целостности» более крупного масштаба — в «объективно-духовный мир» (термин, который они употребляли в значении «культура»). Благодаря какой-то внутренней, непознаваемой связи, существующей между обоими видами «целостностей», человек получает через переживания, т. е. непосредственным путем, сведения об окружающем его мире. Переживания, таким образом, имеют якобы двойственную природу: они относятся и к субъекту, и в то же время к «объективно-духовному миру». Получается с их точки зрения, что достаточно человеку испытать «переживание», как он тотчас же приобретает какое-то знание о находящемся вне его мире.

Телеологическое понимание психики в концепции представителей психологии как «науки о душе и духе» направлено против, во-первых, признания объективности природы и присущих ей закономерностей; во-вторых, материалистического тезиса о том, что психические процессы проявляются в формах (в движениях, речи, мимике и т. п.), которые позволяют судить о них на основании показаний органов чувств; в-третьих, детерминизма — признания внешнего мира решающим фактором в возникновении, формировании, протекании психических явлений. В сущности представления Дильтея и его последователей возрождали, правда в несколько иной форме, основные положения прежней идеалистической психологии.

Школа психологии Дильтея — это не только реакция на объединение естествознания и психологии, что нашло свое конкретное воплощение в «физиологической психологии», но и попытка восстановить старые идеалистические представления о психике как специфической, «ни с чем не сравнимой» и независимой от окружающих условий субстанции — «душе», которая осуществляет связь человека с богом.

Вюрцбургская школа психологии мышления. Другой школой, возникшей в конце XIX в. и выступившей против «физиологической психологии», явилась школа, основанная группой немецких психологов-идеалистов во главе с Кюльпе (Мессер, Бюлер, Ах, Зельц и другие) в городе Вюрцбурге. Представители ее занимались главным образом проблемой мышления, поэтому за ней закрепилось название — вюрцбургская школа психологии мышления. Свои философские взгляды психологи-вюрцбуржцы заимствовали из идеалистической философской концепции Ф. Brentano, Э. Гуссерля и их последователей (А. Мейнонг, К. Твардовский), называемой феноменологией.

Представители вюрцбургской школы психологии мышления считали, что психология не должна заниматься анализом данных, полученных с помощью органов чувств. Как и феноменология, психология якобы имеет отношение лишь к вечным, абсолютным, «чистым» истинам, постигаемым помимо органов чувств. К числу их они относили, в частности, представление о существовании «эйдосов» — таких сущностей, которые как бы составляют основу предметов, вещей окружающего мира, являясь выражением своего рода «объективного духа».

Психика, по их мнению, представляет собой особую «нейтральную» сущность, обладающую присущими ей врожденными свойствами. Одно из них было названо интенцией. Под этим термином подразумевалась способность психики (сознания) связывать субъект с внешними по отношению к нему объектами; в основе такой связи находится якобы какое-то «внутреннее» «родство» субъекта с объектом. Другим врожденным свойством психики они провозглашали детерминирующие тенденции — такие таинственные «силы», которые определяют протекание и взаимосвязь психических явлений.

Выступая против союза психологии с физиологией, представители вюрцбургской школы придали, однако,

своей психологии видимость экспериментальной дисциплины. С этой целью они создали такой метод изучения мышления, который внешне казался экспериментальным: в лаборатории находился экспериментатор и испытуемый, составлялись протоколы «исследования» — совсем так же, как в лабораториях представителей «физиологической психологии» (за исключением наличия и использования приборов). Однако по существу основным методом «изучения» мышления у вюрцбургцев по-прежнему оставалась интроспекция. В отличие от прежних приемов интроспекции у вюрцбургцев не психолог «улавливал» нюансы своих переживаний, а его испытуемый, сообщавший затем о них экспериментатору, который давал им истолкование. Получилось как бы «разделение труда»: один переживает, а другой дает переживаниям объяснение. Сущность интроспекции от этого, конечно, не изменилась¹. Не удивительно, что установленные представителями вюрцбургской школы «закономерности» мышления не отличались убедительностью; интроспекция приводила отдельных психологов этой школы к противоречивым выводам. По этой причине против вюрцбургцев выступили представители других школ в психологии, которые сами, однако, отнюдь не симпатизировали «физиологической психологии». Такой школой явилась, в частности, гештальт-психология.

Таким образом, вюрцбургская школа психологии мышления, как и психология Дильтея, — это одна из новых идеалистических школ психологии, возникновение которой в известной мере обусловлено попыткой идеалистов помешать распространению материалистических идей в их науке, воспрепятствовать установлению союза психологии и естествознания.

¹ Ненаучный характер экспериментов представителей вюрцбургской школы психологии мышления отчетливо выявляется из сопоставления того, чем они занимались, с задачами научной психологии. Вюрцбуржцы старались изучить и истолковать переживания; психологи, стоящие на научных позициях, стремятся установить объективные закономерности формирования психических явлений независимо от того, как они осознаются самими испытуемыми, каковы при этом переживания последних. Сбор данных самонаблюдения (переживаний) для психологов-материалистов — задача совсем не главная, хотя они принимают во внимание (в различных экспериментах в различной степени) эти данные.

Гештальт-психология. Эта школа возникла несколько позже, чем психология Дильтея и юрцбургская школа психологии мышления. Философской основой ее явился махизм. Главными своими противниками гештальт-психологи считали ассоциационизм¹ и «физиологическую психологию»; выступали они также, как уже указывалось, и против результатов, полученных юрцбургцами.

Гештальт-психологи на словах не отрицали значения естествознания для философии и психологии, как делали это другие их современники в идеалистической психологии. Наоборот, свои философско-психологические взгляды они старались обосновать естественнонаучными данными, в первую очередь элементарными физическими представлениями.

Ко времени возникновения гештальт-психологии в физике были установлены факты, свидетельствующие о тесной взаимообусловленности явлений и процессов. Так, например, было доказано, что несколько разнородных жидкостей в сосуде образуют однородный раствор, так что границы между разными жидкостями стираются; абсолютной границы между жидкостью и газами нет. Опираясь на подобного рода факты, немецкий психолог Эренсфельд в 1890 г. выдвинул понятие «гештальт-качества», а впоследствии Вертгеймер, Коффка, Кёлер обосновали понятие «гештальт» — центральное понятие этой школы.

Какой смысл вкладывали гештальт-психологи в понятие «гештальт»? В переводе на русский язык слово «гештальт» означает «образ», «качество». Для того чтобы определить, что такое «гештальт», требуется перечислить ряд положений, совокупность которых только и может выразить его содержание.

Прежде всего гештальт-психологи утверждали, что «гештальты» — это такие явления, которые встречаются

¹ Ассоциационизм — психологическая теория, созданная английскими учеными Гартли и Пристли, которые пытались материалистически объяснить психику. По их мнению, элементарные психические явления (ощущения) возникают в результате осознания «мельчайших колебаний» нервной системы и ее элементов; из них по закону связи, присущему мозгу, образуются более сложные психические явления. Психологи-идеалисты всегда пытались выхолостить материалистическую направленность теории Гартли и Пристли, придавая понятию «ассоциация» характер «духовной» (или даже телеологической) «связи», якобы присущей психике как особой субстанции.

и в природе, и в обществе, и в психике. Образуются они, когда части какого-либо явления составляют единое функциональное целое, как, например, две смешиваемые жидкости. Подчиняются «гештальты» «закону»: части определяют целое, а целое определяет части. Есть сложные образования, писал по этому поводу М. Вертгеймер, в которых свойства целого не могут быть выведены из свойств отдельных частей и их соединений; у этих образований, наоборот, изменения любой части зависят от законов структуры всего целого. «Структура целого», определяющая отдельные составляющие его части, это и есть, по мысли Вертгеймера, главная черта «гештальта».

В психике «гештальты» образуются иначе, чем в природе или обществе. Как это происходит, Вертгеймер и другие его единомышленники объясняли следующим образом. При акте зрительного восприятия отдельные части предмета отражают свет по-своему: одни в большей, другие в меньшей степени; отраженные световые лучи достигают сетчатой оболочки глаза, возбуждая в ней различные электрические потенциалы. В целом при восприятии предмета на сетчатке возникает мозаика разнозаряженных электрических полей. Из данных физики известно, что в одном проводнике не могут быть участки с различным электрическим потенциалом. Поэтому, возникнув, разнозаряженные поля порождают электродвижущую силу, стремящуюся уравнять потенциалы отдельных участков сетчатки и образовать какой-то общий для нее «средний» потенциал. Весь этот физический в сущности процесс и является якобы процессом возникновения «психического гештальта».

Таким образом, «психический гештальт», хотя и образуется в субъекте (на сетчатке глаза), но зависит от внешнего предмета; он является результатом взаимодействия объекта и субъекта, притом таким образованием, в котором выступают его собственные особенности, не присущие ни субъекту, ни объекту (в рассмотренном примере этой «собственной особенностью» является электродвижущая сила, которой не было на сетчатке до воздействия света, отражаемого предметом, и которая в то же самое время не присуща и самому предмету).

Таковы рассуждения гештальт-психологов по поводу того, чем являются «гештальты». Основное содержание

понятия «гештальт» сводится к следующему. Во-первых, «гештальты» — это такие образования, «целостности», которые возникают в результате взаимодействия субъекта с объектом (или двух объектов, если речь идет о «гештальтах» в природе) и в которых растворяются обе взаимодействующие стороны. Во-вторых, при возникновении «целостности» появляются новые «силы», или «закономерности», которые начинают управлять частями, образующими «целостность». В-третьих, в основе «сил», или «закономерностей», «целостности» находятся физические процессы. Этим и объясняется то, почему представители гештальт-психологии все психические явления объясняют элементарными физическими процессами. Характерно в этом отношении высказывание видного представителя гештальт-психологии Коффки. Те же самые процессы, писал он, которые объясняют струю воздуха, объясняют также и целенаправленное поведение; те же самые законы динамики, которые делают понятной систему тяготения, являются основанием для этики и для философии ценностей. Подобного физикализма сторонники гештальт-психологии придерживаются и по сей день.

С точки зрения диалектического материализма понятие «гештальта» совершенно несостоятельно. Прежде всего в природе (и в психике) не бывает такого взаимодействия, о котором пишут гештальт-психологи. При реальном, имеющем место в действительности взаимодействии не происходит растворения предметов в какой-то «целостности», рассматриваемой как самостоятельная сущность. Взаимодействие — это общая закономерность всего окружающего мира; при взаимодействии стороны (предметы) проявляют какие-то свои свойства, оставаясь, однако, тем, чем они были раньше. «Свойства данной вещи, — указывал Маркс, — не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»¹. Взаимодействие — это способ существования и выражения свойств предметов, явлений природы, окружающего мира, а не процесс возникновения «целостностей». При взаимодействии двух тел, явлений могут возникать такие комплексные новые явления («целостности»), свойства которых не определяются свой-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 64.

ствами их компонентов. (Так, например, из двух разных металлов можно сделать сплав, обладающий иными свойствами, чем свойства каждого из них.) Однако новое явление (сплав) не определяет собой те «части», из которых оно возникло, потому что оно есть результат взаимодействия этих «частей», который не существует помимо данного взаимодействия. Поясним эту мысль конкретным примером. Латунь есть сплав меди с цинком; у латуни иные свойства, чем у меди или цинка. Но латунь (как некоторое «целое») не определяет собой свойств ни меди, ни цинка. Кроме того, взаимодействия не обязательно должны быть физическими по своей сущности, как утверждают гештальт-психологи, они могут происходить и на более высоком уровне движения материи.

Несостоятельным является объяснение, даваемое гештальт-психологами возникновению «психических гештальтов». Во-первых, учеными не установлено никаких электродвижущих сил, возникающих на сетчатке, никакого «выравнивания потенциала». Во-вторых, электрическими процессами, якобы происходящими на сетчатке глаза, неверно объяснять динамику психических процессов. Психика обладает своими специфическими закономерностями, которые нельзя сводить к закономерностям физическим. В-третьих, совершенно ненаучно при объяснении психических явлений подменять мозг сетчатой оболочкой глаза, физиологические процессы, протекающие в мозгу, — физическими явлениями на сетчатке. Подобная «замена», осуществляемая гештальт-психологами, находится в вопиющем противоречии с фактами физиологии, медицины, психологии.

Если естественнонаучные представления сторонников гештальт-психологии не соответствуют точке зрения диалектического материализма и современного естествознания, то они находятся в полном согласии с принципами махизма. Сами представители гештальт-психологии открыто подчеркивали свое положительное отношение к философии махизма.

Известно, что Мах, Авенариус и другие махисты признавали существование «нейтральных» сущностей, которыми они считали ощущения. По аналогии с их пониманием ощущений гештальт-психологи стали говорить, что первичным является не объективный материальный мир, а «гештальты», в которых растворяются и субъект,

и объект. Подобно махистам, сторонники гештальт-психологии отрицают материалистическое положение о том, что физиологические процессы — основа психической деятельности, что мышление есть отражение бытия и неразрывно связано с языком. Поскольку «гештальты» — эти психологические «элементы мира» — подчинены непосредственно законам физики, для представителей гештальт-психологии, следовательно, нет никакой принципиальной разницы между «гештальтами» у животных и человека, откуда следует, что поведение, психика как тех, так и других тождественны.

Для понимания особенностей возникновения гештальт-психологии важно иметь в виду и то, что первые представители этого направления вышли из школы Вундта. Там они получили закалку экспериментаторов, но применили экспериментальный метод к изучению иных проблем, чем те, которые изучались представителями «физиологической психологии»: проблем восприятия, мышления, поведения (мышления) антропоидов, много позже — личности. Следует отметить, что сторонники гештальт-психологии были одними из первых, кто применил экспериментальный метод в изучении мышления, поведения высших обезьян. Полученные ими данные объективно способствовали развитию экспериментально-психологических исследований, хотя гештальт-психологи неправильно интерпретировали результаты своих экспериментов.

Несмотря на некоторые расхождения с другими психологами-идеалистами (например, с представителями вюрцбургской школы по вопросу о роли естествознания для психологии), по основным положениям психологической теории гештальт-психологи полностью солидаризировались с ними. Это проявилось, в частности, в том, что и у гештальт-психологов, и у представителей других школ идеалистической психологии был общий идейный противник. Им являлись материалистические представления в психологии: принцип ассоциации, выдвинутый английскими психологами, принцип анализа и синтеза, провозглашаемый сторонниками «физиологической психологии», принцип детерминизма, разделяемый, в частности, американскими психологами.

Поддерживая и модернизируя идеалистические представления в психологической теории, гештальт-психо-

логи вместе с тем установили ряд важных фактов, которые не соответствовали их теоретическим воззрениям; тем самым они углубили противоречие между фактами и теорией, которое обнаружилось уже у Вундта. Это обстоятельство дало возможность по-разному подходить к оценке гештальт-психологии. Некоторые зарубежные психологи полагают, что гештальт-психология имеет материалистическую тенденцию, «рациональное зерно». При этом они имеют в виду прежде всего те факты, которые были получены сторонниками этой школы с помощью экспериментального метода. Другие же ученые подчеркивают идеалистический характер гештальт-психологии. К их числу относится, например, буржуазный психолог и философ Ж. Гебсер. Он утверждает, что в современной науке существует три формы реакции на материализм: динамизм, тоталитаризм и витализм. Гештальт-психология является первой формой реакции, так как использует понятие динамики для того, чтобы обосновать понятие о «высшей целостности, ведущей к свободе от времени и пространства»¹, т. е. в конечном счете — к религии.

Гебсер прав, отмечая, что понятие динамики, движения в некоторых случаях используется идеалистами для борьбы с материализмом. Представители гештальт-психологии действительно говорят о динамике (о превращении плохих «гештальтов» в хорошие, что выдается ими за «внутреннюю» закономерность психики), но это понятие используется ими для того, чтобы подчеркнуть независимость психологической «динамики» от внешнего мира, для утверждения в психологии индетерминизма. Будучи идеалистами, игнорируя мозг в качестве субстрата мысли, психики, гештальт-психологи не признают общественного характера сознания человека. Поэтому их концепция мало чем отличается по своей методологической направленности от воззрений других психологов-идеалистов.

Психоанализ. Школы в психологии, о которых говорилось выше, возникли в той или иной связи с экспериментальной психологией Вундта, чего нельзя сказать о психоанализе. Основатель его, австрийский невропатолог З. Фрейд, вначале работал в клинике нервных бо-

¹ J. Gebser, *Abendländische Wandlung*, Zürich, 1956, S. 165.

лезней, занимаясь, в частности, изучением строения нервной системы. Однако вскоре он полностью отошел от научной медицины, оказавшейся «тесной» для его спекуляций, и занялся психологией, а еще позже — социологией.

Психологические теории Фрейда тесно смыкаются с положениями самых реакционных философов-мистиков: Ницше, Шопенгауэра и других. Правда, первое время он не ссыался на какие-либо философские источники, однако позже, задним числом, признал соответствие своих взглядов идеям Шопенгауэра и Ницше, а сравнение психоанализа с философскими взглядами Гартмана и Бергсона не оставляет сомнения в их идейной близости.

На возникновение психоанализа большое влияние оказали реакционные идеалистические направления и идеи в буржуазной науке. Так, например, Фрейд использовал положения о бессознательной психической энергии и о внутриспсихическом конфликте, выдвинутые известным немецким психологом Гербартом. У него же Фрейд перенял идею о существовании «порогов» в сфере бессознательного, на основе чего сконструировал затем свою динамику бессознательных процессов. У откровенных сторонников оккультизма (Артемидориуса, Радештока и Шернера) он заимствовал толкование сновидений — один из важнейших разделов психоанализа.

В своих работах Фрейд часто обращается к источникам, научная ценность которых в высшей степени сомнительна. Так, например, он ссылается на спекулятивную теорию французского социального психолога Лебона, который считал, будто психика людей определяется бессознательным, врожденным «фондом», состоящим из воспоминаний, сохраненных со времени родового строя, а также инстинктивными импульсами, стремлениями и желаниями. При решении вопроса о происхождении и развитии психики человека Фрейд опирался на данные этнолога-антрополога Р. Смита, оказавшиеся совершенно несостоятельными. В сочинении «Тотем и табу», назвав Смита «высокоодаренным» ученым, он писал: «Меня часто сурово упрекали за то, что я не изменил своих мнений (о Смите.— Н. М.) в позднейших изданиях моей книги, поскольку все новейшие этнологи без исключения отказались от теорий Робертсона Смита и

частью заменили их другими, значительно отличными»¹. Фрейд пояснил свое упорство весьма недвусмысленно: «Я имел полное право выбирать из этнологических данных то, что поможет мне в моей аналитической работе»². Дело, следовательно, не в научной достоверности, а в «выгодности» для психоанализа тех или иных гипотез, создаваемых представителями других отраслей знания. К этому выводу невольно приходит каждый, кто знакомится с тем, насколько был неразборчив Фрейд в выборе фактов для «подтверждения» своей теории.

Собственно говоря, о какой «научности» психоанализа, о каком бескорыстном служении науке со стороны Фрейда может идти речь, когда сам он в первую очередь заботился не о соответствии своих взглядов действительности, а об извлечении материальной выгоды из создаваемых теорий. Опубликованная недавно его личная переписка со всей очевидностью свидетельствует, что всю свою деятельность он связывал с надеждой на получение «вечной славы и богатства», что дало бы ему «...полную независимость, возможность совершать путешествия...», а также уберечь детей от тревог, которые испортили его юность³. Эти откровенные признания показывают истинное лицо Фрейда как буржуазного ученого, видящего в научной работе одну из форм бизнеса и создающего только то, за что можно больше получить.

Фрейдовская теория, в которой отчетливо проявляется буржуазная устремленность ее создателя, построена на ненаучном основании, и нет ничего удивительного в том, что ее положения противоречат фактам, полученным наукой, идут вразрез с материалистическими представлениями о психической деятельности, взаимосвязи организма со средой, о причинах и механизмах нервных и психических болезней⁴.

¹ Цит. по кн.: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 474.

² Там же.

³ S. Freud, Letters: The Origins of Psychoanalysis, p. 218.

⁴ Говоря о противоречии фрейдовской теории фактам, следует отметить, что это не означает, будто сам Фрейд никогда не исходил из каких-то фактов. Фрейд, как и другие идеалисты в науке, тоже «опирался» на наблюдения и экспериментальным путем полученные данные; более того, ему принадлежит ряд новых конкретных наблюдений. Однако он, как и его последователи, давал неправильную интерпретацию фактам, искажал их сущность, и потому теория психоанализа в целом противоречит реальному положению вещей.

Краеугольным камнем фрейдовской идеалистической концепции является понятие бессознательного. В двадцатых годах Фрейд был склонен относить бессознательное к сфере психики. «Деление психики на сознательное и бессознательное, — писал он в работе «Я и Оно», — является основной предпосылкой психоанализа»¹. Однако в последующих своих работах он придал бессознательному иной смысл, считая его явлением и не психическим и не соматическим (телесным). Выходит, что бессознательное по отношению к физическому и психическому является нейтральным. Сам Фрейд неоднократно говорил о «нейтральности» бессознательного, наивно полагая, что тем самым он якобы преодолевает «односторонность» и материализма и идеализма, снимает основной вопрос философии об отношении материи к сознанию, психике. По его мнению, «первично», «изначально» бессознательное, из которого затем ведут свое происхождение и материя, и сознание.

Однако на самом деле разговоры Фрейда о «нейтральности» бессознательного, об «ограниченности» монизма и необходимости создания «третьей» линии в философии представляли собой одну из уловок идеалиста, имеющую целью скрыть идеалистический характер его взглядов. В том, что это именно так, нетрудно убедиться. Когда Фрейд в своих работах дает определение бессознательного по отношению к сознанию и внешнему миру, он отбрасывает в сторону бессодержательное определение бессознательного как «нейтральной» сущности и прямо заявляет: бессознательные процессы первичны, сознательные — вторичны; бессознательное определяет собой протекание физиологических процессов (дыхание, смех, сердцебиение и т. д.); бессознательное «обладает функцией контроля над действительностью», регулирует поведение организма в зависимости от окружающей его внешней среды. Таким образом, основной философский вопрос Фрейд решал идеалистически, хотя и прикрывал идеализм ссылкой на «нейтральность» бессознательного.

Показательным является также и то, что на протяжении своей жизни Фрейд неоднократно изменял представление о бессознательном, не ссылаясь при этом на какие-либо вновь открытые факты. Это свидетельствует о том,

¹ З. Фрейд, Я и Оно, Л., 1924, стр. 7.

что центральный пункт фрейдовской концепции — понятие бессознательного — является произвольным, субъективистским по своему характеру. Собственно говоря, Фрейд и не скрывал умозрительности и спекулятивности своей концепции. В его системе, писал он, любую часть «...можно выбросить или заменить без ущерба и сожаления...»¹. Естественно, что такой произвол открывал безграничные возможности для дальнейших спекуляций, что и на самом деле имело место.

Понятие бессознательного у Фрейда соответствует положениям интуитивистской философии, противопоставляющей разуму, сознанию бессознательное, волю, интуицию, жизненный порыв — одним словом, что-то мифическое, иррациональное. Фрейд тоже считал бессознательное иррациональным с той лишь разницей, что придавал ему сексуальный характер. В конечном счете у него получалось, что сексуальное бессознательное (либидо) определяет собой сознание, поступки людей, даже протекание соматических (физиологических) процессов в организме.

В работах Фрейда приходится сталкиваться с рядом новшеств в терминологии, которые были введены им в целях придания «научности» его беспочвенным рассуждениям. Так, например, сознание он называл «Я», а бессознательное — словом «Оно», приписывая ему особенности, которые обусловлены якобы наличием в сфере «Оно» двух основных врожденных инстинктов — «эроса», или сексуального влечения, и «тенатоса», или стремления к смерти. Влечение к смерти является будто бы, как и «эрос», основным стремлением протоплазмы. Биологический смысл его состоит в том, чтобы вернуть живое существо к исходному состоянию, которым была смерть, небытие. Фрейд подчеркивал также, что бессознательное далеко не всегда может переходить в сферу сознания. Сила, якобы противодействующая этому, получила у него название «цензуры»; а та часть бессознательного, которая испытала на себе действие «цензуры» и осталась за порогом сознания, была названа им «вытесненное». Для истолкования ряда фактов, в частности мышления, ему потребовалось ввести еще одно понятие — предсознательного, т. е. такого бессознательного, которое может

¹ S. Freud, *An Autobiographical Study*, London, 1946, p. 58.

при определенных условиях сделаться сознательным. Кроме того, у личности, по мнению Фрейда, существует «сверх-Я», или совесть. По отношению к сознательному («Я») «сверх-Я», заявлял Фрейд, играет роль «строгого отца».

Характеризуя взаимоотношения «Я», «Оно», «сверх-Я», Фрейд с серьезным видом, как если бы речь шла о реальных явлениях, утверждал, что инстинктивные стремления «Оно» оказывают свое влияние на «Я». «Все требования «Я» — в сущности выполнение инстинктивных требований «Оно»¹, — писал он в «Очерках по психоанализу». С другой стороны, «Я» испытывает влияние и «сверх-Я». Поскольку в формировании «Я» участвуют также разнообразные внешние воздействия, то все это, вместе взятое, обуславливает, что внутри «Я» оказывается сложный клубок противоположных тенденций, главными и определяющими из которых являются врожденные «инстинкты», составляющие сущность «Оно». Эти противоречия в духовной жизни человека, по Фрейду, являются причиной его болезненных состояний — неврозов. Поскольку противоречия всегда бывают у каждого человека, то из этого следует, что каждая личность в той или иной степени больна. «Отличие нормального от ненормального относительно, — писал он, — каждая нормальная личность только относительно нормальна»². Особенно часто неврозы возникают будто бы тогда, когда имеются глубокие неосознанные эмоции.

Столь же произвольным, как понятие бессознательного, является и другое краеугольное положение психоанализа — «комплекс Эдипа». По мнению Фрейда, инстинктивные сексуальные стремления людей обуславливают то, что с момента рождения мальчик испытывает сексуальное желание к своей матери и ревность к отцу, а девочка — аналогичное желание к отцу и ревность к матери. Эти противоестественные «желания», существование которых не было и не может быть доказано, Фрейд и назвал «комплексом Эдипа»³. Этот комплекс представляет собой, по Фрейду, передаваемое по наследству

¹ S. Freud, In Outline of Psychoanalyse, New York, 1949, p. 62.

² S. Freud, Collected Papers, v. II, London, 1950, p. 273.

³ Название комплекса имело своим источником древнегреческую трагедию Софокла «Царь Эдип», в которой сын в соответствии с предсказанием убивает отца и женится на своей матери.

качество человеческой психики, ее основное свойство; он-то и предопределяет всю последующую жизнь индивидуума. Как и другие положения Фрейда, положение об «эдиповом комплексе» является чисто умозрительным построением автора психоанализа.

Ненаучным является и понятие Фрейда о «психической системе», противопоставляемой им «нервной системе». По его мнению, «Я», «Оно» и все прочие мифические психические «силы» в своей совокупности составляют «психическую систему», являющуюся своеобразным «субстратом» психики. Это положение находится в прямом противоречии с материалистической философией и современным естествознанием, которые доказали, что никакой особой «психической системы» не существует, поскольку психическое — это высшая нервная деятельность, а последняя имеет своей «системой» (точнее, субстратом) большие полушария головного мозга.

Идеалистическая сущность концепции Фрейда проявляется не только в вопросе о природе психического. Фрейд — последовательный, откровенный индетерминист. Отрицая роль внешних условий в жизни людей, в формировании их характера, в процессе мышления, он вместо реальных причин, которые определяют психику, признавал в качестве таковых врожденные мифические инстинкты («эрос», «тенатос»). Тем самым Фрейд уходит от решения другой важной для материалистов проблемы — проблемы единства организма со средой, в котором главную роль играет среда, внешние условия существования организма.

В игнорировании реально существующего единства между организмом и средой, личностью и обществом заключается идеалистический характер концепции Фрейда.

Идеализм фрейдовской концепции тесно переплетается с метафизикой. Так, например, Фрейд считает, что все люди, все их психические особенности одинаковы во все времена, личность человека не зависит от общественно-исторических условий его жизни.

Глубоко антинаучны и социологические воззрения Фрейда, считавшего общество производным от психических особенностей людей, в частности от «эдипова комплекса»¹.

¹ Критика антинаучной сущности социологических взглядов Фрейда дается в главе II, разделах 3, 4 и в главе III, разделе 4.

Со времени создания психоанализа в 1896 г. вплоть до 1902 г. Фрейд был одинок. С научно-медицинскими кругами он порвал, вступив на путь беспочвенных идеалистических спекуляций; психологи-идеалисты не признавали его систему, поскольку она расходилась с традиционными для идеалистической психологии представлениями о «душе». Однако в 1903 г. Фрейду удалось привлечь к себе несколько молодых врачей, в том числе А. Адлера, а пять лет спустя организовать Венское психоаналитическое общество. В том же году А. А. Брилли перевел и издал на английском языке основные работы Фрейда, что послужило началом его популярности на американском континенте. В 1909 г. Фрейд был приглашен видным американским психологом Дж. Стенли Холлом в США, где прочитал пять лекций по психоанализу. Развиваемые им идеи оказались приемлемыми для ряда американских ученых, которые активно выступили в его поддержку (особенно Дж. Дж. Петнем). Высказываясь о приеме, который ему был оказан в США, Фрейд заявил, что когда-нибудь некоторые американцы добровольно отдадут часть своих миллионов на психоаналитическое воспитание рабочего класса. И он оказался прав: через 20 лет психоанализ стал одним из самых распространенных течений в США и многие миллионеры действительно добровольно отдали немало миллионов для его популяризации и поддержки.

Как ни странно, в первые годы после Октябрьской революции кое-кто из советских психологов утверждал, что фрейдизм весьма близок марксизму, что идеи психоанализа о борьбе подсознательных сил являются конкретным воплощением материалистической диалектики и т. п. Естественно, что подобного рода заявления могли делать лишь люди, которые не понимали сути марксизма и находились под влиянием буржуазной идеологии.

Марксисты всегда критически относились к фрейдизму. Известен резко отрицательный отзыв о фрейдизме В. И. Ленина, который назвал его «кустарной пачкотней». В беседе с К. Цеткин Ленин отметил, что «теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., — короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества... Мне кажется, что это

изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе»¹. Столь метко определив сущность фрейдизма, В. И. Ленин показал вместе с тем и социальную направленность «теорий пола». «Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места»².

Ленинская оценка фрейдовской теории еще в самом начале ее выхода на международную арену не оставляет никакого сомнения в несостоятельности взгляда тех, кто пытался и пытается за рубежом до сих пор говорить о «марксистском» характере психоанализа.

Европейские школы неопрейдизма. Психоанализ, основывающийся на произвольных спекуляциях, которые одними принимались, а другими по разным мотивам отвергались, никогда не был монолитным учением. Субъективизм, произвольность фрейдовской теории являются внутренней основой разветвления ее на ряд близкородственных школ, которые по-своему стремились удовлетворить различные потребности буржуазии на основе признания бессознательного. Наиболее популярными в Европе являлись разновидности фрейдизма, созданные А. Адлером и К. Юнгом, называемые соответственно «индивидуальной» и «аналитической» (иногда также «коллективной») психологиями.

Как и «классический» фрейдизм, неопрейдистские школы имели идейное родство с идеалистической философией Ницше, Шопенгауэра, Бергсона и других философов-мистиков и волюнтаристов. Так, Адлер в основу своей концепции положил тезис Ницше о стремлении людей к власти. Отсутствие власти вызывает якобы появление «чувства неполноценности», которое автоматически

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, Госполитиздат, М., 1957, стр. 480.

² Там же.

обуславливает поступки людей, бессознательно стремящихся «компенсировать» свою «неполноценность». Как и Фрейд, Адлер говорил о бессознательном; но у него в основе бессознательного лежит не сексуальное влечение, а «бессознательное стремление к власти». Адлер разделял миф о неполноценности женщины. По его мнению, всякая женщина хочет стать мужчиной, но не по сексуальным мотивам, как у Фрейда, а в силу неосознаваемого желания стать сильной. Наряду с этим Адлер отвергал ряд фрейдовских положений (о «вытеснении» и другие). Главной задачей психоанализа он считал изучение «стиля» жизни отдельного человека, который возникает в раннем детстве под решающим влиянием семейных условий и проявляется во всех поступках взрослого человека.

Концепция Адлера, хотя в ней и отрицалась сексуальность бессознательного вместе с его мифическими «механизмами», столь же спекулятивна и бездоказательна, как и «классический» психоанализ Фрейда.

Кроме Адлера свой вариант психоанализа создал другой ученик Фрейда — швейцарский психиатр-психолог К. Юнг. Он, как и Адлер, подверг критике фрейдовские «механизмы» бессознательного («вытеснение», «эдипов комплекс» и т. п.), считая их не соответствующими действительности, «символическими». Вместо них он выдвинул свои столь же бездоказательные положения. Центральное из них — понятие «либидо» (бессознательное). Юнг придал «либидо» черты, делающие его (по аналогии с понятием энергии в физике) явлением всеобъемлющего, «космического» порядка.

По его мнению, «либидо» присуще всем явлениям в мире, принимая в каждом случае различные формы: от сексуального стремления отдельного человека до бессознательного стремления людей к «божеству», объединяющего якобы всех людей и проявляющегося в искусстве и науке¹. Последнее проявление «либидо» Юнг

¹ К какому абсурду приходят ныне сторонники Юнга, можно судить по следующему факту. В журнале «Клиническая психопатология» Ф. Монт заявил, что «либидо» определяет собой якобы все законы объективного мира: космические, атомные, общественно-исторические. Монт усматривает в «либидо» единство двух противоположных начал — мужского и женского. На этом вымышленном, субъективистском основании он утверждает, что папа римский навсегда придан католической церкви, как мужское начало женскому.

назвал «коллективным бессознательным». «Коллективное бессознательное» определяет расовые отличия людей, делая одних людей лучше в сравнении с другими; в отдельном человеке «коллективное бессознательное» образует «самость» — постоянный, характерный для данного индивида тип переживаний. «Самость» определяет будто бы все другие психические явления, присущие этому индивиду. Отсюда для Юнга вытекала задача, которую он реализовал в своей типологии людей: установить «виды» «самостей», с тем чтобы подразделить людей на определенные «типы».

В буржуазной психологии типология, созданная Юнгом, получила широкую известность. По мнению Юнга, все многообразие людей можно подразделить на две группы: интравертированных и экстравертированных. Интравертированными являются такие личности, которые «обращены вовнутрь»: малообщительны, замкнуты в себе, не любят общества, шумных развлечений, склонны к мечтательности. Экстравертированные личности, наоборот, обращены «вовне»: общительны, разговорчивы, любят общество и т. п.

Своим вариантом фрейдизма Юнг сделал шаг вперед в отношении сближения психоанализа с религией и мистикой, делая явным то, что было у Фрейда высказано символически и иносказательно. В самом деле, вездесущее «либидо», пронизывая всех людей и даже неживые тела, являет собой аналог вездесущего «духа», о котором говорится в любой религиозной доктрине. На связь «аналитической», или «коллективной», психологии Юнга с религией неоднократно указывали прогрессивные ученые в странах капитала. Так, Дж. Бернал, например, отмечал: «У Юнга психология фактически вернулась не только к мифам в общественном смысле этого слова, но и к концепции наследственных мифов, к «вышей» истине оккультистского толка, к таким концепциям, которые в той или иной форме стали основой большинства фашистских движений XX века»¹.

Психоанализ Юнга (как и Адлера) бесплоден в практическом отношении. Сущностью «лечения», по Юнгу, является установление того, в какой форме проявляется «либидо» у больного. При этом Юнг считал, что при

¹ Дж. Бернал, Наука в истории общества, стр. 612.

неврозах происходит «возврат» к первобытным формам мышления. Доведение до сознания больного этого факта и является, по его мнению, целью психоанализа. «Правда, я не могу понять, — писал по поводу такого «лечения» один из бывших фрейдистов, Ф. Виттельс, — как можно помочь больному указанием: «Видите, сейчас вы повторяете миф о божестве ацтеков Вицли-Пуцли». Пациент, вероятно, будет очень поражен аналогией, будет немного смущен, что его мысль протекает по таким давно заброшенным путям, но какой для него толк, если... одно неизвестное, а именно его собственное свихнувшееся «я», разъясняется ему при помощи другого неизвестного, которое называется Вицли-Пуцли?»¹ Виттельс, разумеется, прав: юнговская терапия не может принести исцеления невротикам, она вносит только в их сознание элемент мистики, усугубляя тем самым болезненное состояние.

И «индивидуальная» психология Адлера, и «аналитическая» психология Юнга направлены (как и «классический» фрейдизм) против материализма в психологии. Ни Адлер, ни Юнг не признают мозг органом психики, психику отражением действительности; оба являются индетерминистами в психологии, переоценивают роль раннего детства в формировании характера личности, подменяют общественную среду семейными отношениями. Их концепции — типичный пример того, как конкретно проявляется идеализм в психологической науке.

Бихевиоризм. На рубеже текущего столетия, когда в Западной Европе уже сформировался ряд антиматериалистических школ в психологии, в Соединенных Штатах Америки зародилось новое течение психологической мысли — бихевиоризм. Буржуазная печать в США и в некоторых странах Европы восторженно приветствовала первые шаги бихевиористов. Лондонская газета «Нейшн» в 1924 г. писала о книге одного из основоположников новой школы в психологии, Уотсона, «Бихевиоризм», что она не только претендует на развитие основ психологической теории, но и представляет собой систему, которая «призвана революционизировать этику, религию, психоанализ». Американская газета «Нью-Йорк таймс»

¹ Ф. Виттельс, Фрейд, его личность, учение и школа, Л., 1925, стр. 143.

по этому же поводу заявила, что работа Уотсона — самая важная книга, когда-либо написанная человеком. Столь высокая оценка этой работы объясняется тем, что в ней, как метко заметил американский психолог Р. Вудвортс, «содержались широкие надежды и новые перспективы».

Философской основой бихевиоризма явилось специфически американское направление в философии — прагматизм, мировоззрение «американского образа жизни», идеология бизнесменов и биржевиков. Рассматривая школы европейской психологии под углом зрения прагматистского понимания истины (истинно лишь то, что приводит к успеху, что «окупается» и «выгодно»), бихевиористы единодушно пришли к выводу, что психологические теории их европейских коллег страдают созерцательностью и оторваны от практики. Эта особенность европейских школ идеалистической психологии не соответствовала «деловому» устремлению бихевиористов, не удовлетворяла она и часть буржуазии в Европе. Поэтому-то программные заявления бихевиористов, в которых они провозглашали свое желание покончить с бесплодностью европейской психологии, и были так горячо встречены буржуазной прессой.

Под влиянием прагматизма бихевиористы с самого начала заявили, что предметом исследования их науки является отныне не психика и не сознание; они объявили, что выступают вообще против «традиционной» тематики европейских психологов. Если бихевиоризм надеется когда-либо занять выдающееся место в науке, писал упоминавшийся уже Уотсон, то он должен перечеркнуть все те понятия, которыми пользуются психологи в Европе. Главной целью психологии, по мнению бихевиористов, является установление закономерностей поведения. Поведение — это как раз та самая проблема, которая с точки зрения прагматизма считалась наиболее актуальной, практически значимой. «Упор бихевиористов на действие и окружающую среду, — пишет по этому поводу американский профессор Л. Гурко, — казался уместным в тот период, когда действие любого рода выгодно окупалось, а окружающая среда благоприятствовала человеку»¹.

¹ Л. Гурко, Кризис американского духа, М., 1958, стр. 213.

Американские психологи-бихевиористы не были отрицательно настроены против естествознания и используемых естествоиспытателями методов. Напротив, первые шаги их в области установления «законов» поведения были сделаны под прямым влиянием биологов. Торндайк и Уотсон, являвшиеся основоположниками бихевиоризма, сами экспериментировали над кошками, крысами и другими животными. Изучение поведения они осуществляли объективным методом — путем наблюдения за реально совершающимися действиями в конкретных, строго фиксируемых условиях. Использование объективного метода в психологическом исследовании, несомненно, является заслугой ранних бихевиористов.

Однако, установив ряд фактов, бихевиористы не могли сделать из них соответствующих выводов. Поэтому прав был Вудвортс, когда отмечал, что «американский бихевиоризм возник скорее как протест, чем как открытие»¹. Бихевиористы, действительно, выступили с критикой «традиционной» психологии в Европе не потому, что создали свою прочную концепцию, подтвержденную фактами, а потому, что были не согласны с ее созерцательностью, противоречащей их философским — прагматистским — установкам. Важно подчеркнуть при этом также и то, что бихевиористы вообще всегда предпочитали сбор фактов теоретическим обобщениям.

Основным понятием, которым оперируют американские психологи-бихевиористы, является понятие «поведение». Они определяют поведение как всякую деятельность человека и животного. При этом Э. Л. Торндайк в работе «Процесс учения у человека» отмечал, что для бихевиориста безразлично, в чем выражается эта «деятельность»: в виде простых движений, мыслей или чувств. И то и другое (т. е. и движения и мысли) бихевиористы называют «реакциями» (R) организма. Возникают они в ответ на «стимулы» (S) — внешние раздражения. Бихевиористы видят свою задачу в том, чтобы установить непосредственную связь между «стимулами» и «реакциями» (S → R). *по Торндайку*

На первый взгляд может показаться, что бихевиористы материалистически подходят к определению целей

¹ R. S. Woodworth, Contemporary Schools of Psychology, p. 62—63.

исследования поведения, а следовательно, и задач их науки в целом. Собственно говоря, они действительно стоят на стихийно-материалистических позициях, когда ставят свои эксперименты. Но как только речь заходит о теории, тотчас же обнаруживается идеалистическое понимание ими основных вопросов их психологии. В этом отношении показательно то, как теоретически они истолковывают «стимулы».

По мнению бихевиористов, «стимулы» — это вовсе не объективно существующие раздражители; «стимулами» они считают раздражители в данный момент их действия на организм, судя о них по вызываемым «реакциям». Выходит, что «стимулы» существуют лишь в связи с организмом, а не объективно, и о них можно судить через «реакции» организма.

Поскольку внешний мир объявляется бихевиористами состоящим из «стимулов», то в конечном итоге получается, что и окружающий нас мир существует не объективно, а лишь в зависимости от организма. «...Мы создаем наш мир, и, когда мы умираем, мы берем его с собой...»¹ — писал по этому поводу Ф. С. Брид, один из идейных вдохновителей бихевиоризма. Подобное понимание «стимулов» означает серьезную уступку субъективному идеализму.

Ошибочно понимают бихевиористы и другой важный теоретический вопрос — роль самого организма в реагировании на «стимулы». Бихевиористы всегда полагали, что связь $S \rightarrow R$ прямая, всегда постоянная и неизменная. Это значит, что, с их точки зрения, один и тот же «стимул» вызывает всегда какую-то одну определенную «реакцию»; организм в целом никакой существенной роли в поведении, следовательно, не играет.

Факты свидетельствуют, однако, что в действительности один и тот же «стимул» не всегда вызывает одну и ту же «реакцию», что организм по-разному реагирует на одни и те же «стимулы». Подобная активность организма обусловлена той ролью нервной системы, которую она играет в осуществлении взаимоотношения организма со средой и, следовательно, осуществлении действий.

Отрицая активность организма, бихевиористы разделяют тем самым взгляды метафизического детерминиз-

¹ См. «National Society for the Study of Education», 41 — Yearbook, part I, 1942, p. 100.

ма, согласно которому всякое внешнее воздействие непосредственно вызывает всегда одну и ту же реакцию. Метафизичность их точки зрения выражается также в том, что они утверждают, будто отношение «стимул» — «реакция» может быть постоянным для всех организмов данного вида, будто можно определить все «реакции» на «стимулы», установить соответствующие коэффициенты, свойственные отдельным видам животных, и математически вывести универсальную, единую «формулу поведения», с помощью которой, подставляя соответствующие коэффициенты, можно получить $S \rightarrow R$ всех живых существ — от амебы до человека. Как нам представляется, установление такого рода «формулы» является невозможным. В действительности не «стимул» связан с «реакцией», а внешний мир с организмом как целым. Решающую роль в жизнедеятельности организма играет нервная система, которая поддерживает его единство и осуществляет взаимосвязь со средой. Нервная система у разных организмов даже одного вида обладает различными особенностями, благодаря чему не все организмы одинаково реагируют на одни и те же внешние воздействия; «реакция» зависит от состояния нервной системы, которое в свою очередь определяется прошлым опытом организмов, работоспособностью нервной ткани в данное время и многими другими условиями.

С философской точки зрения тенденция американских психологов-бихевиористов установить связь $S \rightarrow R$ означает, что они ограничивают изучение поведения лишь тем, что находится на поверхности явлений: и «стимулы», и «реакции» наблюдаемы при помощи органов чувств, закономерности же работы мозга непосредственно наблюдать невозможно. Стремление иметь дело лишь с тем, что чувственно наблюдаемо, обуславливает отрицательное отношение бихевиористов к «скрытым» процессам в головном мозгу и является причиной феноменализма и описательности их теории.

В самом деле, ограничивая исследовательскую мысль лишь уровнем «стимулов» и «реакций», невозможно вскрыть действительные механизмы, которые обуславливают данную «реакцию» на данный «стимул», можно лишь описать внешнюю связь во времени «стимула» и «реакции», оставляя в тени все остальные важные вопросы, объясняющие, почему произошла именно такая,

а не другая реакция. Научное изучение поведения требует установления не только первопричины («стимула»), но и тех нервных механизмов, которые непосредственно осуществляют «реакцию» организма. Таким образом, феноменализм и отрицание динамики нервных процессов в мозгу, определяющей характер поведения, — это две взаимосвязанные особенности бихевиористской концепции, предопределенные прагматистскими философскими установками ее сторонников.

Бихевиористы не просто игнорируют факты, свидетельствующие об исключительной роли нервной системы, которая обуславливает активность организмов во взаимоотношениях со средой; они открыто выступали и выступают против научных, материалистических представлений, в частности против павловского учения о высшей нервной деятельности.

Как известно, заслугой И. П. Павлова является то, что он установил динамику нервных процессов в больших полушариях головного мозга. Бихевиористы дают свое толкование фактам, подтверждающим существование этих процессов. Так, например, одним из основных нервных процессов Павлов признавал (наряду с возбуждением) торможение. Внешнее торможение проявляется в отсутствии деятельности. Бихевиористы (Газри, Додж, Хилгарт, Маркис и другие) объясняют отсутствие деятельности (реакции организма и т. п.) как разрыв связи $S \rightarrow R$, вызванный рядом причин (действием другого «стимула», слабой силой «стимула» и т. п.). «Внутреннее» (динамику нервных процессов) они заменяют «внешним» (особенностями «стимулов»), игнорируя тем самым роль головного мозга и присущих ему закономерностей в определении поведения.

То же самое стремление проявилось и в другом важном положении бихевиористской концепции. Известно, что в павловском учении одно из центральных мест отводится понятию «связывание». Сторонники рефлекторной теории считают, что нервные клетки в больших полушариях головного мозга могут «связываться» друг с другом, образуя тем самым материальную основу условного рефлекса, обеспечивающего поддержание «уравновешивания» организма со средой. Бихевиористы, не признавая закономерностей высшей нервной деятельности (возбуждения, торможения и т. д.), объясняют «связы-

вание» чисто внешне — как «связь» различных «стимулов» и «реакций». При такой постановке вопроса роль нервной системы полностью игнорируется.

Важной проблемой бихевиористской концепции является проблема обучения, т. е. установление экспериментальным путем «закономерностей» образования новых форм поведения у животных и человека. В трактовке проблемы обучения отчетливо проявляется глубокая внутренняя противоречивость бихевиористской концепции.

В первые десятилетия текущего столетия в США и других странах широкой популярностью пользовалась теория обучения, созданная Э. Торндайком. По его мнению, обучение новым формам поведения подчиняется двум основным законам, которые он назвал «законом эффекта» и «законом повторения». Согласно первому «закону», новое поведение возникает вследствие появления в организме животного (как и человека) «чувства удовольствия», связанного с усвоением нового поведения и с получением положительного подкрепления (корма и т. п.). Согласно второму «закону», повторение способствует закреплению нового поведения. Подобное объяснение процесса обучения противоречиво по своей сущности: с одной стороны, как бихевиорист Торндайк желает оперировать только внешне наблюдаемыми данными, а с другой — он объясняет процесс обучения внешне не наблюдаемым явлением — «чувством удовольствия», т. е. одним из психических состояний, которое он сам на словах отвергал.

Противоречие Торндайка было замечено другими бихевиористами, в частности Уотсоном, и подвергнуто ими резкой критике. Однако, критикуя Торндайка, Уотсон сам впал в противоречие: он заявил, что новые формы поведения образуются в результате перекомбинации старых, врожденных форм поведения; тем самым он придал главное значение наследственности и принизил роль «стимулов», тогда как признание их и составляло ту основу, на которой воздвигалось все здание бихевиоризма. Голословное заявление Уотсона о решающей роли наследственности в образовании новых форм поведения противоречило также известным данным, которыми располагали экспериментаторы и дрессировщики животных. Внешние условия, как установлено практи-

чески, могут формировать совершенно новые формы поведения и даже изменять наследственность. В философском отношении теория обучения Уотсона несовместима с принципом детерминизма, требующим объяснения поведения исходя прежде всего из внешних условий. Таким образом, и по проблеме обучения позиции ранних бихевиористов страдали явной непоследовательностью и несли на себе печать идеализма.

В настоящее время существует множество различных школ в бихевиоризме. Одни из них изучают отдельные элементы сложного поведения, другие — сложные формы поведения, третьи пытаются объяснить со своей точки зрения факты общественной жизни. Все они изучают «поведение», несколько по-разному подчас понимая его, но вместе с тем все они выступают как против материализма, требующего при объяснении механизмов поведения учета закономерностей работы головного мозга, так и против «традиционных» представлений европейских психологов-идеалистов.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Генетическая психология и зоопсихология. Толчком к изучению психики животных (составившему предмет зоопсихологии) и к сравнительному исследованию психических явлений у организмов, находящихся на различных ступенях филогенетического развития (чем занимается так называемая генетическая психология), послужили труды Ч. Дарвина.

Как известно, Дарвин не только создал материалистическую теорию развития органического мира, но и исследовал конкретное проявление инстинктивной, а затем и орудийной деятельности¹ у животных, установил происхождение эмоциональных проявлений у человека. Своими работами он породил живой интерес к изучению поведения и психики животных в сравнительном плане. Еще в 1885 г. Г. Романэс под влиянием Дарвина опубликовал труд «Духовное развитие в животном мире», в котором дал схему этапов развития психики в филоге-

¹ В психологии и физиологии высшей нервной деятельности под термином «орудийная деятельность» имеется в виду такая деятельность высших животных, которая связана с использованием или выбором, обработкой и т. п. каких-либо орудий (палки, камня).

незе животных организмов; параллельно он сопоставил это развитие с развитием психики у ребенка.

С момента своего возникновения генетическая психология и зоопсихология распались на ряд школ в зависимости от теоретических установок их представителей и от объекта исследования. Так, Брем и Романэс являлись сторонниками антропоморфического направления. Они приписывали животным психические особенности, свойственные людям. Бер, Бете, Юкскуль — в Германии, Ллойд-Морган, Дженнингс, Торндайк — в США образовали направление в этой отрасли, которое занималось объективным изучением поведения организмов в определенных условиях среды. Крег, Хейнрот, Лоренц, Тинберген ограничили задачу своей школы сравнительным исследованием одного из видов поведения животных — инстинктов. С 1878 г. в зоопсихологии существует направление (Эспинас, Дигенер, Кортланд и другие), которое изучает «социальные моменты» в поведении животных. Представители его установили ряд фактов, которые стали использоваться затем сторонниками некоторых школ социальной психологии.

Так, Кортланд описал три вида взаимодействия животных в стаде, которые он назвал: сигнальным, когда один индивид подает сигнал, на который реагируют другие особи; выразительным, когда индивид своим поведением изменяет поведение стада; непосредственным, когда возникает контакт двух животных и новая форма поведения, не свойственная каждому из них в отдельности. Хедигер и другие представители этого направления установили, что между особями стада животных существуют определенные «отношения»; они подразделяются на «внутригрупповые» и «межгрупповые». К первым относятся: лидерство, отмечаемое у многих животных (в стаде особую роль играет вожак); внутригрупповое доминирование (одна особь забивает некоторых других, в то же время будучи подчиненной третьей; как правило, старые особи стада доминируют над молодыми); обусловленность в ряде случаев поведения особи в группе поведением других особей (пресытившаяся курица начинает снова клевать, если другие куры клюют) и т. д. К «межгрупповым» отношениям принадлежит доминирование одних видов животных над другими (например, в зоопарке белые медведи забивают любых

серых); такие явления, как враждебность стада по отношению к постороннему животному своего же вида («чужака»), «приставание» молодых особей к взрослым животным других видов (например, теленка бизона — к лошади) и т. д.

Ряд зоопсихологов, исходя из наблюдаемых фактов, говорит о наличии «культуры» на ступени животного развития. В частности, Линтон полагает, что между «культурой» животных и человека имеется определенная близость, такая же, как в строении их организмов. Многие черты поведения животных возникают якобы аналогично социальным чертам поведения человека. Подобные объяснения образа жизни животных, когда им приписываются не только психические явления, свойственные людям, но и элементы общественного бытия, являются выражением, если можно так сказать, «социального антропоморфизма». Само собой понятно, что стирание граней между обществом и стадом животного является ненаучным; как и другие аналогичные лженаучные теории буржуазных ученых, «социально-антропоморфические» представления зоопсихологов используются некоторыми идеологами империалистической буржуазии для оправдания «естественности» капиталистического строя.

Специфические особенности присущи работам бихевиористов, которые создали ряд оригинальных методов (метод «лабиринта», «проблемного ящика» — клетки, из которой животное должно найти выход, совершив какое-то действие), а также работам представителей гештальт-психологии (изучение Кёлером мыслительных способностей человекообразных обезьян).

Результаты экспериментальных исследований психологов над животными имели двоякое значение. Они открывали определенные объективные закономерности, которые в той или иной степени использовались представителями общей психологии и практическими деятелями (для дрессировки животных и т. п.); ряд открытий в генетической психологии и в зоопсихологии имеет значение и для материалистической психологии. Многие же выводы, которые делали зоопсихологи из полученных фактов, носили реакционный характер. Так, например, из наблюдений за поведением животных устанавливалась «вечность» инстинкта стяжательства, из наблюдений

за муравьями и пчелами — «вечность» подчинения одних особей другим и т. п. Именно за эти выводы работы некоторых зоопсихологов поднимались на щит империалистическими кругами, и этим объясняется их относительная популярность в странах капитала.

Детская и педагогическая психология. Эти отрасли психологии — одни из самых «старых». Появление их объяснялось возросшим требованием, предъявлявшимся буржуазным обществом в конце XIX в. к воспитанию и обучению подрастающего поколения, исконной связью педагогики с психологией, а также созданием экспериментальных методов изучения психических явлений.

Экспериментальная работа психологов конца XIX в. имела непосредственное отношение к педагогическим проблемам. Первое время учителя прямо брали те выводы, которые предоставляла в их распоряжение психология, чтобы использовать их в своей практической работе; но затем они начали выдвигать перед психологией специальные задачи. Необходимость решения их и привела к возникновению детской и педагогической психологии.

Одним из первых психологов, начавших заниматься вопросами психического развития детей, заслуженно считается Прейер (Германия). В 1881 г. он опубликовал работу «Ум ребенка», в которой описывал особенности становления интеллекта ребенка. Исследование было выполнено им на основании наблюдения за развитием собственного малыша. Кроме Прейера вопросами педагогической психологии занимались Клапаред, Бине, Пиаже — во Франции, Штерн, Гроос, Мейман — в Германии, Торндайк, Холл, Уотсон — в США.

Педагогическая практика ставила перед психологами-экспериментаторами первоначально два цикла проблем: первый касался определения и измерения у детей индивидуально-психологических различий (психометрия), прежде всего способностей; второй — методов обучения и воспитания.

Проблема определения и измерения индивидуально-психологических особенностей детей в последние десятилетия XIX в. привлекла к себе внимание ряда психологов в разных странах. Так, в Англии ею занимался Гальтон, во Франции — Бине с группой сотрудников, в США — Каттл и Холл, в Германии — Крепелин и Штерн,

в Голландии — Гейманс. Интерес к ней не пропал и у психологов — наших современников. Объясняется это тем, что изучение индивидуально-психологических особенностей личности имеет практическое значение: для педагогики, для психологии труда важно выявить, чем психика одних людей отличается от психики других.

Стержнем проблемы индивидуально-психологических различий является понятие наклонности (способности) или предрасположенности. Мнение психологов на этот счет никогда не было постоянным. Вначале они думали (в духе теологии), что наклонности, способности даны человеку от рождения и остаются в течение жизни неизменными; исключительная роль при этом отводилась наследственности. Затем, в конце XIX в., была выдвинута точка зрения, согласно которой многие предрасположенности и способности могут формироваться и совершенствоваться в течение жизни ребенка и лишь некоторые из них даны от рождения. Однако в начале XX в. эта точка зрения была оттеснена на второй план различными вариантами концепции неизменности и наследуемости способностей, склонностей.

Поскольку предрасположенности не могут быть наблюдаемы прямо, психологи выдвинули тезис: о способностях нужно судить на основании внешнего поведения человека (ребенка). Отсюда они сделали заключение, что можно найти такие элементарные действия, которые дадут основание судить о способностях и «внутренних потенциях» ребенка или взрослого человека. Набор задач с целью получения данных для их последующего истолкования под углом зрения определения способностей, или склонностей, получил название тестов.

Одним из первых психологов, который создал набор тестов и стал применять их для определения «общей интеллигентности» (общей одаренности) ребенка являлся французский психолог А. Бине. Его тесты были составлены с таким расчетом, чтобы определить «умственный возраст» ребенка, который мог не совпадать с его «физическим» возрастом.

Шкала определения умственного развития, составленная Бине совместно с Симоном, была рассчитана на детей в возрасте от трех до двенадцати лет. Бине и Симон предполагали, что дети определенного возраста должны уметь справляться с задачами, соответствующими их

развитию; так, например, трехлетние дети нормального развития должны уметь показать нос, глаза, рот, элементарно описать простую по содержанию картинку, повторить две цифры, краткую фразу и т. д. При правильном выполнении задания ребенок признается обладающим нормальной степенью умственного развития, соответствующей его возрасту.

На основании психометрического обследования ребенка психологи делали затем заключение не только о его способностях, но и о его дальнейшей судьбе: куда целесообразнее подростку пойти учиться, какую профессию приобрести и т. п. В капиталистических странах с целью профессиональной ориентации (рекомендации наиболее «соответствующей» способностям профессии) учащихся возникла даже специальная отрасль — психология, занимающаяся вопросами практического порядка: выдачей свидетельств о наличии тех или иных способностей, о пригодности к определенной профессии, рекомендаций для поступления в то или иное учебное заведение. Эта отрасль психологии («консультирующая психология») процветает в странах капитала и в настоящее время.

Другой проблемой, которая находилась в центре внимания психологов, занимающихся индивидуально-психологическими особенностями, являлась проблема классификации психических явлений, присущих разным детям. Экспериментально было доказано, что различные индивидуумы имеют разные типы памяти (моторная память, образная и т. д.), внимания (точечное, распределяющее, постоянное, периодическое и т. п.) и других психических явлений. На основе экспериментального изучения всех индивидуальных различий, присущих ребенку, психологи составляли психограмму — характеристику его психических особенностей, которой можно было, по их мнению, руководствоваться в педагогической практике.

Наблюдения за развитием ребенка, проведенные Прейером, Мейманом, Бине и другими психологами, побудили их выдвинуть на обсуждение такие актуальные вопросы: каков характер развития ребенка, подобен ли новорожденный «чистому листу бумаги», так что у него можно воспитать любые свойства и качества, или же ребенок обладает врожденными предрасположенностями, кото-

рые не позволяют «переделать» его, и роль воспитания будет заключаться лишь в содействии развитию тех или иных уже имеющихся у него склонностей.

Большая часть представителей педагогической психологии полагала, что ребенок, будучи наделен врожденными способностями, в процессе воспитания, обучения подвергается лишь некоторым изменениям. «...Воспитание, — писал Д. Дьюи, — должно опираться на первоначальное и независимое существование прирожденных способностей; дело идет о их направлении, а не о их создании»¹. То же мнение разделяли Торндайк, Мак Дауголл и другие психологи. Из этого представления вытекало, что задачей воспитания, обучения является создание условий для благоприятного развития имеющихся у ребенка задатков. Теория воспитания, основанная на этой посылке, получила название теории «свободного (спонтанного) воспитания». В педагогической психологии было разработано несколько вариантов этой теории (в Германии — Ш. Бюлером, в США — Д. Дьюи и другими). Эта теория используется в педагогике капиталистических стран и поныне.

Наряду с теорией «свободного воспитания» в США на основе бихевиоризма Торндайком была создана теория обучения, главная цель которой заключалась в том, чтобы путем натаскивания, задалбливания «вооружить» учащихся необходимыми знаниями, навыками. По мнению английских и американских психологов, использовавших метод Торндайка в школьной практике, он пригоден при обучении детей в младших классах, тогда как в старших приводит к формированию у учащихся бездумного отношения к изучаемым предметам, к зубрежке и умственному недоразвитию.

Во Франции и Швейцарии некоторое распространение получила также теория обучения, созданная психологом Пиаже. По его мнению, овладение человеком умственными действиями, усвоение знаний вообще — это закономерный процесс, обладающий своими особенностями. Как процесс, он осуществляется постепенно, проходя через ряд фаз, или ступеней. Первой такой ступенью является ступень практических действий, проб, сенсомотор-

¹ Д. Дьюи, Психология и педагогика мышления, Берлин, 1922, стр. 32.

ных реакций в широком смысле слова. На последующих ступенях эти реакции свертываются, а затем переходят «во внутренний план», образуя в сознании «структурное целое». В соответствии с этой теорией и предполагается строить процесс обучения.

Даже краткий обзор нескольких основных проблем, которыми занимались представители детской и педагогической психологии в конце прошлого — начале текущего века, свидетельствует о том, что с момента своего возникновения детская и педагогическая психология не представляла собой единого целого. Наличие различных теорий и направлений в педагогической психологии обусловлено прямым влиянием общей психологии.

С другой стороны, наличие множества различных точек зрения говорит об отсутствии среди представителей детской и педагогической психологии единства в понимании предмета своей науки. Это и понятно, так как представители буржуазной детской и педагогической психологии по сути дела не признают объективного характера законов воспитания (т. е. таких законов, которые не зависят от индивидуальных особенностей ребенка). Воспитательный процесс, с их точки зрения, подчинен исключительно индивидуальным психическим особенностям человека. Это подтверждается следующими двумя специфическими чертами буржуазной детской и педагогической психологии: 1) представлением о том, будто процесс воспитания совершенно не зависит от общественных отношений людей, от условий материальной жизни общества, 2) переоценкой роли биологических и психологических особенностей и свойств человека, которые якобы только и определяют его развитие. Обе эти черты являются разными сторонами одного и того же порока, взаимно дополняющими друг друга; обе они являются свидетельством идеалистического характера отправных положений детской и педагогической психологии в странах капитала.

Для представителей буржуазной детской и педагогической психологии характерна переоценка значения создаваемых ими теорий. Так, например, Д. Дьюи, отмечая, что индивидуальная и коллективная жизнь людей в США раздирается внутренними противоречиями, рекомендовал для исправления создавшегося положения шире использовать в школьной практике педагогические

теории психологов. «Правильное» воспитание и обучение являются, по его мнению, одним из тех решающих средств, которые дадут возможность ликвидировать антагонистические отношения в капиталистическом обществе, укрепить буржуазный правопорядок, искоренить пороки буржуазного строя.

Цели, которые преследуют представители детской и педагогической психологии, являются, таким образом, буржуазными по своей направленности. Не удивительно поэтому, что психологи в капиталистических странах с помощью психометрии отбирают в средние, высшие и специальные школы прежде всего детей буржуазии и на «законном» «психологическом» основании направляют в ремесленные и другие «низшие» школы детей пролетариев.

Свою буржуазную приверженность представители педагогической психологии в первое время охотно маскировали заявлениями о своей «нейтральности» по отношению к политике правящих классов. Но в наши дни разговоров о «нейтральности» стало раздаваться уже значительно меньше. Чаше психологи открыто признают, что они защищают интересы правящих кругов капиталистических государств. Так, американский социолог Г. Эриксен прямо заявляет, что американская система воспитания, разработанная на основе психолого-педагогических взглядов Д. Дьюи, выполняет функцию «закрепления классовых различий в общественной жизни», помогая «сохранить существующие различия в положении среди большинства детей»¹.

Однако было бы неверно полагать, что все представители детской и педагогической психологии в капиталистических странах разделяют ложные взгляды. Среди них есть и прогрессивные ученые, которые придерживаются научного понимания центральных проблем их дисциплины, по которым идет ожесточенная идейная борьба.

Как и в других отраслях психологии, в детской и педагогической психологии следует различать факты, полученные путем наблюдения или эксперимента, с одной стороны, и теории и обобщения — с другой. Если последние в своей основной массе носят идеалистический ха-

¹ G. E. Ericksen, *Urban Behaviour*, New York, 1954, p. 349.

раक्टर, то факты, получаемые буржуазными психологами, подчас представляют известный интерес и для психологов-материалистов. Сказанное относится, в частности, к исследованию роли семьи и семейных отношений, роли раннего детства в формировании психики ребенка и других вопросов, которые получили неправильную теоретическую интерпретацию в психологической науке капиталистических стран.

Психология труда. Психология труда появилась почти в то же самое время, что и «физиологическая психология» Вундта. Это был период перерастания домонополистического капитализма в монополистический, характеризовавшийся усилением концентрации производства и капитала. Побудительной причиной возникновения психологии труда явилась задача повышения производительности труда и расширения производства, поставленная буржуазией перед учеными. За решение ее взялись многие ученые и инженеры в Европе и в США. Одним из первых среди них был американец Ф. У. Тейлор.

В 1886 г. он опубликовал работу, содержащую концепцию «научной организации труда». В ней Тейлор провозгласил необходимость для руководителя промышленного предприятия не только изучать технологию производства, но и заниматься организационными вопросами, связанными с системой оплаты труда, изучать производственные (трудовые) движения, выполняемые рабочим, производить анализ психологических требований, предъявляемых каждым видом профессии рабочему.

Главная цель, которую преследовал Тейлор, разрабатывая свою систему оплаты труда, заключалась в том, чтобы превратить зарплату в регулятор производительности труда и не дать возможности рабочему «добиться значительного дохода»¹.

Изучение производственных движений представлялось нужным Тейлору для того, чтобы увеличить интенсивность труда и повысить доходы предпринимателей. Изучение требований, которые предъявляются профессией человеку, в конечном итоге преследовало ту же цель: интенсификация процесса труда предполагала периодически производить смену рабочей силы; знание

¹ Цит. по кн.: М. Р. Коэн, Американская мысль, М., 1958, стр. 114.

профессиональных требований облегчало подготовку «свежих», молодых кадров. Замена старых рабочих молодыми была возможна при наличии большой резервной армии безработных; система Тейлора облегчала выбор из числа желающих получить работу наиболее пригодных к данному виду деятельности, сокращая тем самым затраты предпринимателей на их обучение.

Деятельность Тейлора, однако, нельзя оценивать односторонне. Он достиг некоторых важных результатов в изучении вопросов, от решения которых зависел производственный процесс. В. И. Ленин, всесторонне рассматривая тейлоризм, положительно относился к этой его стороне, отмечая «ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля»¹, достигнутых этим буржуазным ученым. Однако Тейлор подчинял свою деятельность интересам буржуазии. Поэтому Ленин подчеркивал, что все его «громадные усовершенствования делаются *против* рабочего»², что его система — это «порабощение человека машиной»³. И действительно, всю свою жизнь, как отмечает американский философ М. Козн, Тейлор боролся с рабочими. «Они уважали его как человека, — пишет Козн, — но понимали, что его система будет пагубна не только для них лично, но в конечном итоге и для профсоюзов. Процесс сверхмеханизации промышленности не только не улучшает жизни рабочих, но и препятствует объединению различных рабочих в мощный союз»⁴.

Научная оценка Лениным тейлоризма имеет принципиальное значение для понимания деятельности представителей психологии труда.

Одновременно с Тейлором в США в том же направлении работали Гант, Эмерсон и Гилбрет. Последний главное внимание обращал на изучение рабочих движений, условий, места и времени труда, с тем чтобы выработать наиболее производительные приемы. Он впервые

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 229.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 135.

³ Там же, стр. 134.

⁴ М. Р. Козн, Американская мысль, стр. 116.

применил метод циклограмм и составил таблицу основных «элементов» рабочих движений. Идеи, близко совпадавшие с идеями Тейлора и других сторонников «научной организации труда», в США развивал также известный капиталист, организовавший массовое производство автомобилей, Г. Форд.

Стремясь увеличить производительность труда путем его интенсификации, чтобы получить больше прибыли, он максимально детализировал на своих заводах производственный процесс. Каждый рабочий у него выполнял лишь несколько наипростейших операций, для осуществления которых ему требовалось подчас всего несколько минут. Форд в широких масштабах применил конвейерные линии, которые определяли темп работы людей. Чтобы сохранить высокую интенсивность труда, Форд периодически производил, как он выражался, «домашнюю чистку» — замену «выдохшихся» рабочих молодыми. Строгая регламентация, экономия, стремление к максимальной простоте в производстве, безжалостность в отношении к рабочим — таковы основные черты его потогонного метода организации производства.

Исследования, которые производили американские инженеры на промышленных предприятиях в целях расширения производства и интенсификации труда, и явились отправными пунктами возникновения новой отрасли психологии — психологии труда.

Представители этой отрасли с первых дней ее существования настойчиво подчеркивали ее специфику. По их мнению, психология труда, будучи экспериментальной дисциплиной, имеет дело исключительно с «точными», проверенными фактами; «она является, таким образом, — писал английский психолог Дж. Древер, — преимущественно объективной психологией»¹.

Однако подобное понимание специфики психологии труда требует существенного уточнения. То, что ее представители, занимаясь проблемами труда, опираются на какие-то объективные данные, не вызывает в общем сомнения. Однако следует указать, что они используют подчас весьма сомнительные факты, нередко прибегают к совершенно необоснованным предположениям (например, о большей предрасположенности к авариям

¹ *Джемс Древер, Психология труда, Л.—М., 1926, стр. 15.*

рабочих некоторых национальностей, о неравноценности мужского и женского труда и т. п.). Поэтому психология труда в целом не более «объективна», чем другие отрасли буржуазной психологии.

Представители психологии труда считают свою дисциплину «действенной» в том смысле, что она помогает управлению производством и повышает его рентабельность. «Действенность» они противопоставляют бесплодности прежде существовавшей психологии и новым ее школам.

В чем состоит «действенность» буржуазной психологии труда? Как известно, капиталисты заинтересованы в получении максимальной прибыли; в ней состоит весь смысл капиталистического способа производства. Для этого им необходимо увеличить прибавочное рабочее время, чего можно достичь, повышая интенсивность труда рабочих, совершенствуя процесс труда и используя новую технику. Психология труда и помогает предпринимателям в решении всех этих задач. Поэтому, хотя буржуазные психологи и не признают открыто, что именно обеспечение капиталистам максимальной прибыли является их первоочередной задачей, тем не менее на самом деле их работа подчинена достижению как раз этой цели.

«Действенность» психологии труда проявляется также в том, что психологи помогают предпринимателям в подборе кадров, разрешении спорных вопросов, изучении и «перевоспитании» рабочих.

Представители психологии труда провозглашают ее «нейтральность» по отношению к политике и даже к общей психологии, в которой происходят, как они отмечают, бесконечные споры, мешающие выходу психологического знания в практику. «Для тех услуг, которых требует от психологии социальная жизнь, добытых фактов совершенно достаточно, безразлично, в каком философском освещении они бы в конечном счете ни предстали»¹, — писал Г. Мюнстерберг. Того же мнения придерживался и Дж. Древер. Психология труда, писал он, «не заинтересована» в защите какой-нибудь определенной политической линии в любой области. Однако далее

¹ Г. Мюнстерберг, Психология и экономическая жизнь, М., 1924, стр. 11.

Древер был вынужден признать, что психология труда осуществляет «социальную линию практической политики», которая, как известно, вырабатывается буржуазией; тем самым он по сути дела развенчивал тезис о «нейтральности» психологии труда.

Утверждение буржуазных психологов о «нейтральности» (беспартийности) психологии труда является совершенно несостоятельным. Буржуазные психологи, занимающиеся проблемами труда, ставят перед собой и решают лишь те задачи, которые выгодны предпринимателям. Это и понятно, так как их работы финансируются промышленными монополиями, которые не допустили бы иного положения вещей.

Одной из задач, которой занимаются представители психологии труда, является решение проблемы профессионального отбора, другой задачей — повышение производительности труда, третьей — решение проблем рынков и спроса.

В этой связи небезынтересно отметить, что с момента своего возникновения психология труда вызывает к себе резко отрицательное отношение со стороны рабочих. Этот факт признают многие буржуазные психологи, философы, социологи. Враждебное отношение у рабочих встречает психология труда и в наши дни. Как сообщает американский ученый Дж. Фурст, ныне рабочие капиталистических стран, в частности США, видят в психологах, работающих на производстве, своих врагов, а не друзей. Они упорно не желают обращаться к психиатрам (и психологам), потому что последние «...считаются связанными с администрацией; их подозревают в том, что свое умение они используют скорее во вред, чем на пользу рабочих»¹. Говоря это, Фурст выражает не только свое личное мнение, он ссылается на официальные документы Комитета по вопросам психиатрии в промышленности при группе по развитию психиатрии. В цитированных им документах указывается также, что психологи и психиатры, занятые на производстве, должны «уметь приспособляться к работе в рамках данной организации и постоянно помнить, что существует определенная политика промышленных компаний, которую

¹ Цит. по кн.: Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, М., 1957, стр. 36.

надо учесть, прежде чем что-либо предпринять»¹. Фурст отмечает, что индустриальные психиатры и психологи находятся в тесной связи с администрацией промышленных предприятий, что приводит их «к определенной общественно-политической ориентации, которая оказывает весьма сильное влияние на их взгляды». Они не берутся поэтому «за тщательный анализ нашего общества, — пишет он, — ибо это идет вразрез с их приверженностью к существующему порядку вещей»². Нет ничего удивительного в том, что и «исследование настроений рабочих» проводится ими с позиций предпринимателей, а не рабочих.

Несостоятельным является и другой тезис, провозглашенный психологами, занимающимися проблемами труда, а именно: тезис о независимости психологии труда от общей психологии. На самом деле эти психологи всегда опирались на положения общей психологии. Так, например, понимание способностей, индивидуально-психологических различий (что весьма важно при осуществлении отбора рабочих для того или иного вида работы) заимствуется ими из общей психологии. Реальная связь психологии труда со школами общей психологии проявляется и в тех различиях, которые существуют между психологией труда в европейских капиталистических странах (например, в Западной Германии) и в Соединенных Штатах Америки. Эти отличия обусловлены специфическими особенностями школ общей психологии.

В философском отношении заявление буржуазных психологов о «нейтральности» психологии труда по отношению к общей психологической теории, их желании иметь дело лишь с одними фактами, не вмешиваясь в теоретические споры, есть выражение позитивизма, который стал определяющей мировоззренческой чертой психологов, занимающихся в капиталистических странах конкретными проблемами прикладного значения. В действительности же изолировать себя от какой-либо теории, от споров в науке им, конечно, не удастся. Это вообще-то и невозможно, так как наука не собрание «чистых» фактов, а в той или иной форме отражение зако-

¹ Цит. по кн.: Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 36.

² Там же.

номерностей, объективно существующих в действительности, связанное с их истолкованием, т. е. с теорией.

Таким образом, возникновение психологии труда обусловлено совсем не каким-то высоким уровнем развития предшествовавшей экспериментальной психологии, которой была прежде всего «физиологическая психология», как утверждают некоторые буржуазные психологи, а потребностями капиталистического способа производства. Об этом свидетельствуют проблемы, разрешением которых заняты представители этой отрасли психологии. Производимые ими профессиональный отбор и подбор кадров связаны с наличием резервной армии труда в странах капитала и желанием капиталистов использовать наиболее дешевую и выгодную для себя рабочую силу; повышение производительности труда, усовершенствование рабочих движений, обеспечение рентабельности производства — со стремлением капиталистов расширить объем продукции и увеличить прибавочную стоимость; изучение настроений рабочих, урегулирование спорных вопросов, возникающих между рабочими и предпринимателями, — с необходимостью защищать капиталистические производственные отношения; изучение проблем спроса и предложения, рекламы и т. п. — с требованиями капиталистического способа распределения материальных благ. Конечными же целями, которыми определяются все эти направления психологических исследований, являются получение капиталистами максимальной прибыли и упрочение буржуазного строя.

В истории современной психологии труда в странах капитала отчетливо выделяются два периода: первый — с момента возникновения психологии труда до конца экономического кризиса 1929—1933 гг.; второй — с момента окончания этого кризиса по настоящее время.

В течение первого периода представители психологии труда занимались преимущественно вопросами, связанными с повышением производительности труда. Это обуславливалось теми задачами, которые ставила буржуазия перед учеными по развитию производительных сил. Сюда относятся их многочисленные исследования, связанные с выяснением влияния на производительность труда освещенности рабочего места, темпа и ритма производственного процесса, изучение структуры рабочих движений с целью их усовершенствования и т. п. После

экономического кризиса 1929—1933 гг., подорвавшего капитализм и экономически, и политически, перед психологией труда была поставлена новая задача: изучать и улучшать отношения между рабочими и предпринимателями, способствовать укреплению «рабочей морали» и исследовать другие в сущности социологические проблемы. К разрешению их наряду с представителями психологии труда привлекаются и социальные психологи. Конечно, полностью с повестки дня не снимаются и вопросы повышения производительности труда, получения высоких доходов капиталистами.

Военная психология. Если психология труда была порождена требованиями буржуазии по расширению производства и еще большей эксплуатации пролетариата, то военная психология появилась как ответ на другое ее требование: способствовать проведению милитаристской, захватнической политики, которая была обусловлена тем, что с конца прошлого века крупные капиталистические страны начали вести борьбу за передел мира, за рынки сбыта и источники сырья. Эта борьба вызвала бурный рост военной промышленности и техники. Во всех странах Европы с 70-х годов XIX в. начинает неуклонно расти численность полевых армий и специальных родов войск, что потребовало формирования и обучения многомиллионных армий. При этом необходимо было добиться того, чтобы люди, одетые в солдатские шинели и получившие в руки оружие, представляли собой эффективную боевую силу, слепо верили в «идеалы», которые выдвигали идеологи буржуазии, стойко сражались на поле боя. Поэтому правящие круги капиталистических стран в поисках способов и средств идеологической и психологической подготовки простых людей своих стран к предназначавшейся для них роли пушечного мяса обратили свое внимание на психологию, поставив перед ее деятелями соответствующие задачи.

Возникновение военной психологии было ответом на появившиеся запросы воинственных кругов капиталистических стран, так или иначе готовивших войну. В военной психологии эти круги видели как раз то средство, с помощью которого они предполагали укрепить моральный и боевой дух армии.

Особенно сильным толчком к развитию военной психологии явилась первая мировая война. Вступив в

1917 г. в мировую войну, Соединенные Штаты Америки, пишет английский психолог Н. Коупленд, поняли, что «война — это бизнес, а поскольку необходимо было выиграть войну, надо было вести ее со знанием дела»¹. В связи с этим американское правительство обратилось к специалистам-психологам, потребовав от них ответа на ряд вопросов, касающихся развертывания большой армии, укрепления ее морального и боевого духа и т. п.

Военная психология появилась не на пустом месте. Она базировалась на традиционных для капиталистических стран психологических направлениях и школах, широко использовала, в частности, все то, что было установлено к тому времени в психологии труда. Поэтому между господствующими психологическими направлениями в странах капитализма, с одной стороны, и военной психологией в этих странах — с другой, существует определенное соответствие. Немецкая военная психология, писал в свое время полковник Ганс фон Фосс — один из руководителей психологической службы германских вооруженных сил, твердо опирается на старую немецкую психологию и служит целям ее укрепления. Нечто аналогичное можно сказать и в отношении американской военной психологии: она опирается на американскую разновидность буржуазной психологии — бихевиоризм.

Влиянием общей психологии на военную психологию в отдельных странах объясняются многие особенности последней. Так, например, немецкие военные психологи в соответствии с господствовавшей среди немецких психологов традицией считали своей важной задачей изучение причин возникновения страха, установление сущности психических переживаний, возникающих в бою, способностей и предрасположенностей к летной и другим профессиям. Американские же военные психологи, меньше интересуясь переживаниями, главное внимание обращали и обращают на изучение вопросов, связанных с внешне регистрируемым поведением и так или иначе укладывающихся в бихевиористскую систему психологии.

Вместе с тем следует отметить, что ни немецкие, ни американские военные психологи, решая свои проблемы и

¹ Н. Коупленд, Психология и солдат, М., 1958, стр. 15.

опираясь на данные общей психологии, не обогащали последней, потому что преследовали утилитарные цели и сознательно избегали теоретических обобщений. «Под понятием военной психологии, — писал Пеннингтон в книге «Психология военного лидерства», — подразумевается использование психологических принципов и техники, которые облегчают управление людьми в вооруженных силах»¹. Пеннингтон, следовательно, подчеркивает прикладное, утилитарное назначение военной психологии. О том же говорил и другой американский военный психолог — Брэй. Он отмечал, что военная психология внесла в психологическую науку очень мало ценного для понимания человека. В книге «Психология и военное мастерство» Брэй подчеркивает также, что военная психология не только в теории, но и в области методов не обогатила психологию ничем новым. Главное, что сделали военные психологи в общетеоретическом плане, по мнению Брэя, состоит в том, что они подтвердили пригодность уже имеющихся психологической техники и теорий для изучения природы человека.

Таким образом, цели военной психологии отнюдь не теоретико-познавательные, а сугубо утилитарные. Поэтому военная психология, как и психология труда, является прикладной отраслью психологической науки.

С момента своего возникновения военная психология являлась орудием буржуазии, помогая ей решать актуальные для нее проблемы. В настоящее время военные психологи ведущих империалистических государств принимают участие в комплектовании вооруженных сил, в боевой подготовке, в проведении мероприятий по повышению морального и боевого духа у личного состава. Американские военные психологи имеют непосредственное отношение к проведению так называемой психологической войны.

Отбор пригодных контингентов для вооруженных сил, в особенности для военно-воздушного и военно-морского флота, производится военными психологами при помощи метода тестов, заимствованного из психологии труда и приспособленного для определения способностей призывников. В США этой цели служат, например, извест-

¹ L. A. Pennington, R. B. Hough, H. W. Case, *The Psychology of Military Leadership*, New York, 1943, p. 1.

ные «армейский тест альфа» (для лиц, говорящих на английском языке) и «армейский тест бета» (для тех, кто не говорит по-английски).

Факты свидетельствуют, что деятельность военных психологов по комплектованию вооруженных сил полностью осуществляется в интересах правящих кругов империалистических государств. Так, во время первой мировой войны тестовые испытания были настолько просты, что большая часть призывников оказывалась пригодной к ношению оружия. Первое время по окончании войны империалистическим государствам не нужны были многочисленные вооруженные силы. И совсем не случайно поэтому требования, которые предъявляли военные психологи при отборе призывников и кандидатов в офицерские школы, были резко повышены. Если испытания, проводимые с помощью теста «альфа», во время войны продолжались 50 минут, то модифицированный послевоенный тест, которым стали пользоваться военные психологи в США (он получил сокращенное название АОКТ), длился более двух часов. Уже одно это говорит о его большей трудности. Если в период после первой мировой войны в офицерские школы зачислялись лица, набравшие в результате тестового испытания не менее 140 баллов, то во время второй мировой войны необходимый минимум был уменьшен до 100—110 баллов.

Тестовыми испытаниями военные психологи США, Англии, Франции и других капиталистических стран помогают создавать правящим кругам не только вооруженные силы нужного численного состава, но и регулируют их качественный и классовый состав. Последняя задача — одна из самых важных. Военные психологи на словах громогласно провозглашают «надклассовый», «объективный» подход, который якобы обеспечивается тестовыми испытаниями при наборе призывников в офицерские школы, в специальные роды войск. Однако на самом деле тесты используются ими для проведения откровенно буржуазной классовой политики в комплектовании наиболее ответственных родов войск и замещении командных постов. Делается это просто: повышая требования, предъявляемые тестами при отборе, и подбирая специальные тесты, всегда можно добиться отсева тех лиц, которые не получили высшего образования, а следовательно, имеют более низкий «уровень умственного

развития». Не удивительно поэтому, что, например, в США в «первую категорию» призывников, как правило, попадают служащие государственных учреждений, писатели, юристы, преподаватели, инженеры, а в последнюю, пятую — чернорабочие, грузчики и т. д., которые зачисляются в стрелковые части американских сухопутных вооруженных сил.

Военные психологи с помощью тестов переносят узаконенное разделение труда, присущее буржуазному обществу, в армию, там и здесь называя его «естественным» и «разумным».

Принципы, которые используют военные психологи при разработке методов боевой подготовки, заимствуются ими из арсенала общей психологии. Поскольку в настоящее время наибольшей известностью пользуются методы обучения, разработанные американскими военными психологами, дадим краткую характеристику лишь тех приемов обучения, которые используются в вооруженных силах США.

Военные психологи США в соответствии с бихевиористской доктриной рассматривают солдата как «человека-машину». В этом отношении показательно высказывание одного из лидеров американской военной психологии — Э. Боринга. Он заявил, что ценность военнослужащего определяется вовсе не сознательностью и убежденностью, а способностью к выработке прочных навыков (т. е. как раз тем, что бихевиористы считают наиболее важным для психологической характеристики животных).

Бихевиоризм определяет истолкование военными психологами США ряда важных понятий, связанных с проблемой обучения. Так, например, понимание трактуется ими отнюдь не как сознательное усвоение обучающимся определенной суммы знаний, а как процесс запечатления сообщенного материала (без его осмысления). Поэтому обучение в армии должно преследовать цель: создать условия для лучшего запоминания инструкций, приемов владения оружием и т. д. Целью обучения, писал Бoring в работе «Психология для вооруженных сил» (1945 г.), является укрепление у людей определенных навыков, которые они никогда, ни при каких условиях не должны забывать. Солдат должен идти в атаку не потому, что он знает, кто его враг и почему он должен быть уничто-

жен, а в силу выработанных в нем реакций. Героизм, утверждают американские военные психологи, — это особого рода поведение, высокоавтоматизированная двигательная реакция, а не сознательно совершаемый поступок.

Военные психологи США полагают, что навыки, автоматизированные реакции могут иметь отношение не только к выполнению тех или иных действий, но и к «человеческим отношениям».

Американские военные психологи предлагают следующий метод «воспитания» морального и боевого духа солдат, получивший большое распространение в настоящее время. Группе «воспитуемых» показываются «установочные» картинка или кинофильм. Например, по крутой дороге едет грузовик, в кузове которого находятся негры; дорогу машине перебегают хорошенькая маленькая белая девочка. Солдаты должны ответить на вопрос, что лучше сделать шоферу: задавить девочку или свернуть машину в кювет, подвергнув опасности негров. Инструктор склоняет мнение солдат ко второму решению. Когда картина всесторонне обсуждена и инструктор убедился, что с ним все согласны, он показывает другую картинку, аналогичную первой: спускается грузовик с пленными солдатами, а на дороге стоит американский солдат. Солдаты должны «по привычке» признать, что шоферу необходимо свернуть в кювет.

Смысл «воспитания» сводится, следовательно, к тому, чтобы с помощью показа картинок, кинофильмов создать «установку», своего рода навык поступать определенным, желательным для военного командования образом. Это достигается, по мнению военных психологов, прежде всего тренировкой.

Основным «механизмом» воспитания морали у солдат военные психологи США считают наказание и поощрение. Наказание якобы вызывает активность, которая по своему характеру аналогична первичному стремлению организма к самосохранению; поощрение способствует инстинктивному стремлению его к приятному.

Как нетрудно убедиться, основные установки американских военных психологов, на которых они базируют свою практическую работу в войсках, соответствуют философии прагматизма и бихевиоризму, разделяя все присущие им пороки. Главными из них являются: рассмо-

трение личности как существа, в поведении которого главенствующую роль играют некоторые первичные инстинкты; утверждение, будто все поведение человека осуществляется на основе механически усвоенных навыков и привычек. Конечно, было бы неправильно отрицать огромную роль привычек и навыков в поведении людей. Однако полностью сводить все поступки людей к автоматизированным, бессознательным реакциям могут только бихевиористы и те психологи, которые разделяют их точку зрения.

Типичной чертой самой практики обучения и «воспитания» личного состава, осуществляемых по рецептам военных психологов, является «массовость». Обучающий всегда имеет дело со значительной группой обучаемых, поэтому обращать внимание на индивидуальные особенности людей он не может. Военные психологи США оправдывают такой подход ссылкой на то, что они подбирают в учебные группы якобы во всех отношениях «равных» людей, а поэтому обучающий может игнорировать индивидуальные приемы обучения. Однако на самом деле, как свидетельствуют данные, опубликованные в американской печати, желаемого единообразия в учебных подразделениях военные психологи достичь не могут и их «массовое» обучение страдает существенными недостатками.

Военные психологи США считают, что методы обучения и «воспитания» должны быть прежде всего «наглядными» и «практически действенными». Вместо рассказа они рекомендуют использовать показ, вместо выучивания тех или иных положений — их «непосредственное переживание». Так, например, показывая провокационные кинофильмы, в которых советские солдаты изображены в ложном свете и вызывают отрицательное эмоциональное отношение, военные психологи демонстрируют затем другой кинофильм, не вызывающий негативного к себе отношения. При этом они полагают, что возникшее эмоциональное переживание от первых кинофильмов определит собой восприятие последующего фильма и в результате солдаты станут в любых условиях относиться к советским людям, как к своим лютым врагам.

Этот пример говорит о том, какое большое значение американские военные психологи придают эмоциональным и бессознательным переживаниям в процессе под-

готовки солдат к войне, недвусмысленно свидетельствует о классовой направленности всей «воспитательной» работы, проводимой в американских вооруженных силах. Военные психологи уже сейчас готовят американских солдат к военным действиям против СССР и стран народной демократии, что разоблачает заявления некоторых официальных лиц США о миролюбивом характере проводимой ими внешней политики.

Следует заметить, что если военные психологи Англии, Франции и других стран и имеют некоторые свои особенности, обусловленные теми отличиями, которые существуют между господствующими в этих странах системами общей психологии, то между ними нет расхождения в их буржуазной направленности. К тому же многие из положений американской военной психологии воспроизводятся ныне военными психологами других стран.

Социальная психология. Становление социальной психологии, в которой ныне существует ряд собственных течений, является ярким подтверждением того, что школы и отрасли современной буржуазной психологии происходят не из «одного источника», как полагают некоторые буржуазные психологи; социальная психология возникла вовсе не на основе физиологических работ первых экспериментаторов в психологии. Ее источником являются работы тех языковедов, историков, социологов, которые пытались объяснить общественные явления, язык, историю общества с помощью психологии.

Появление социальной психологии как особой отрасли психологии относится к тому же периоду, что и возникновение «физиологической», «самостоятельной» психологии Вундта, и объясняется не внутренними «закономерностями» развития психологии и не потребностями физиологических исследований, а социальными причинами.

Период завершения восходящего развития капитализма характеризуется усилением борьбы пролетариата против буржуазии. Революционные выступления рабочих — Лионское восстание ткачей во Франции (1831 г.), чартистское движение в Англии (1838—1842 гг.), Силезское восстание ткачей в Германии (1844 г.), революции 1848—1849 гг. и 1871 г. — показали буржуазии, какой грозной силой становится пролетариат, как опасны для

существования буржуазного строя сплочение его сил и рост классового самосознания. Все это побудило буржуазных ученых обратить большее внимание на социальные проблемы, заставило их отыскивать удобные объяснения происходящим в буржуазном мире процессам, с тем чтобы идеологически упрочить раздираемый противоречиями капиталистический строй. Наряду с этим перед ними возникла и другая задача: всеми силами противодействовать распространению передовых, революционных идей марксизма-ленинизма, которые начиная со второй половины XIX в. стали получать все большее и большее распространение и влияние в революционном рабочем движении.

С момента возникновения социальной психологии ее представители утверждают, что закономерности общественного развития отнюдь не являются объективными, т. е. независимыми от сознания и воли людей. Напротив, по их мнению, эти закономерности обусловлены психическими особенностями людей, так что только психология может найти ответы на наиболее важные вопросы современного мира.

Преувеличенная оценка роли психологии в объяснении общественных явлений связана у социальных психологов с игнорированием подлинных общественно-исторических закономерностей. В их работах нельзя встретить таких понятий, как «производственные отношения», «производительные силы», «класс», «общественно-экономическая формация» и другие, без которых не может обойтись подлинно научная социология. Это означает, что буржуазные социальные психологи не просто «не знают» научных терминов, но что в своих работах они избегают упоминать о тех объективно существующих социальных явлениях, которые выражены в этих терминах. Более того, они ненаучно истолковывают явления общественной жизни, противопоставляя свою субъективистскую точку зрения марксистско-ленинской теории. Так, например, они восстают против того доказанного в науке положения, что производственные отношения людей составляют основу общества, что экономический строй общества на данном этапе его развития определяет характер господствующих в нем идей, взглядов и представлений, что движущей силой развития капиталистического общества является классовая борьба.

Буржуазная социальная психология по своей направленности прямо противоположна и враждебна историческому материализму.

Однако не все социальные психологи являются сознательными и преднамеренными фальсификаторами и реакционерами. Имея дело с фактами, они нередко правильно описывают их и некоторые из них верно объясняют. Поэтому в тех случаях, когда эти психологи не преследуют апологетических целей, остаются на почве фактов, их работы представляют подчас интерес для психологов-материалистов.

Конкретные задачи социальной психологии понимаются психологами различных стран неодинаково. При объяснении тех или иных явлений, при создании теорий и общих представлений социальные психологи опираются и на различные школы идеалистической философии, и на общую психологию, которая в странах капитала представлена многими направлениями. В связи с этим нельзя говорить о единой социальной психологии: существует несколько школ социальной психологии, отличающихся друг от друга и по определению предмета своей отрасли, и по методам исследования поставленных вопросов, и по содержанию.

Основателями немецкой школы социальной психологии были языковеды, занимавшиеся психологией, — Лацарус и Штейнталь. В 1860 г. они провозгласили, что наряду с психологией, изучающей «душу» отдельного человека, должна существовать психология, предметом которой является «дух» народа. Под этим термином они понимали особую самостоятельно существующую психическую субстанцию, которая присутствует в психике каждого индивида и проявляется в языке, обычаях, нравах, искусстве и культуре. Изучая эти явления, утверждали они, можно якобы познать «дух» народа. Методы исследования «духа» народа аналогичны методу изучения «души» индивида, поэтому психология как наука о «духе» народа имеет много общего с психологией как наукой о «душе».

Лацарус и Штейнталь, призывая психологов заниматься анализом общественных явлений, т. е. тем, что позже, в 1908 г., было объявлено содержанием и задачей социальной психологии, создали свое понимание социальной психологии под прямым влиянием идеалистиче-

ской философии Гегеля. По существу понятие «дух» народа у них выступает как абсолютная идея у Гегеля.

Несколько позже подобную задачу — изучать «психологию народов» — выдвинул перед психологией В. Вундт. Он тоже различал индивидуальную и социальную психологию.

Характерно для немецких психологов, что они, изучая язык, мифологию, обычаи, нравы и культуру у отдельных народов, считали «дух» немецкой нации «самым лучшим» в мире. В подобном стремлении превознести психические особенности немецкого народа выразилась шовинистическая тенденция немецкой буржуазии, культивирующей расистские представления, направленные на «обоснование» превосходства «арийской расы» и тем самым на особо выдающуюся роль ее в мировой истории.

Таким образом, в концепции немецких социальных психологов получила свое отражение тенденция, которая была порождена на свет теми же политическими и экономическими причинами, которые привели Германию к попытке переделить мир во время первой мировой войны.

Во Франции в иных общественно-исторических условиях психологи примерно в то же время объявили о своем понимании задач социальной психологии. При этом они исходили из философии позитивизма О. Конта. Один из ранних французских социальных психологов, Дюркгейм, резко противопоставил индивидуальную психологию социальной. По его мнению, «социальное» — это род психической реальности в виде «коллективных представлений», выступающих как объективные сущности. В отличие от немецких психологов он считал, что «социальное» не является врожденным расовым и национальным «качеством психики», а формируется на основе общественной жизни людей; при этом он утверждал, что общество предшествует индивиду, а потому «социальное» («коллективные представления») является первичным по отношению к индивидуальному сознанию.

С мнением Дюркгейма не соглашался его современник Тард. Он отрицал реальность «коллективных представлений». Предметом социальной психологии, по его мнению, является подражание — элементарный социальный факт. Классы общества возникают в результате подражания людей разным образцам. Кроме подража-

ния «социальным» явлением Тард считал приспособление (общение).

Разными путями французские психологи в конечном счете приходили к одним и тем же выводам: отвергали объективный характер общественных закономерностей, сводили социальное к психологическому, рассматривали общество абстрактно и внеисторически.

Одним из первых социальных психологов в США является Д. Болдуин. Его взгляды показательны в том отношении, что свидетельствуют, каким путем происходило становление американского направления в социальной психологии.

Своими учителями Болдуин называл Тарда и Вундта. Однако он придал мыслям обоих европейских психологов свой оттенок. В соответствии с прагматизмом Болдуин провозгласил предметом социальной психологии «социальную деятельность» — процесс обмена людей мыслями, связанный с наличием у каждого человека особого «чувства общности». Это чувство и мысли являются якобы «цементом общества»; общественные явления, таким образом, по Болдуину, имеют психологический характер.

Концепция одного из первых американских социальных психологов представляет собой попытку приспособить некоторые положения немецких и французских социальных психологов к господствующим в США бихевиористским установкам. Объясняется это тем, что у американских социальных психологов не было тогда еще собственных традиций и они вынуждены были исходить из сложившихся в Европе социально-психологических представлений, которые они, однако, не могли использовать прямо и переистолковывали в духе бихевиоризма. Именно поэтому самой важной задачей социальной психологии Болдуин считал изучение обмена мыслями как акт общения и определенного рода внешне наблюдаемую деятельность.

Итак, взгляды социальных психологов конца прошлого — начала текущего столетия обладали как чертами различия, так и сходства, что было обусловлено конкретно-историческими условиями, в которых они находились. Общей для них является тенденция объяснить, хотя и несколько по-разному, общественные явления «психологически», искажая тем самым их сущность.

Развитие психологии в Западной Европе и в США в конце XIX — начале XX в. имеет свои специфические особенности. Прежде всего это — разветвление некогда единой психологии — служанки богословия — и провозглашение психологами своей «самостоятельности». Однако следует отметить, что эта «самостоятельность» была главным образом формально-организационной: появились лаборатории, институты, журналы, получившие название психологических. В идейно-теоретическом же отношении психологи продолжали находиться в плену идеалистической философии. Тематика многих их работ в первое время после провозглашения «самостоятельности» напоминала ту, какой занимались психологи-идеалисты прошлого. Достаточно упомянуть в этой связи психологию как «науку о душе и духе» и вюрцбургскую школу психологии мышления.

Через некоторое время после провозглашения «самостоятельности» психологии те новые школы, которые основывались на идеалистических философских концепциях, отрицавших необходимость связи философии и психологии с естествознанием, стали постепенно утрачивать свою известность. В настоящее время взгляды представителей вюрцбургской школы упоминаются буржуазными психологами лишь в исторических работах; представления о психологии как «науке о душе и духе» разделяются лишь крайне реакционными психологами-идеалистами. В то же время те школы, которые опирались на махизм, позитивизм и имели то или иное отношение к естественным наукам (гештальт-психология, бихевиоризм), начали приобретать все большую популярность.

Внедрение экспериментального метода исследования и установление рядом психологов (главным образом представителями прикладных отраслей) связи со смежными дисциплинами привело, во-первых, к расширению и обогащению проблематики психологии в целом. Психологи стали заниматься такими проблемами, о которых они не имели ранее никакого представления; темы их работ уже не напоминали более того, что считалось «традиционным» для психологии — служанки богословия. Во-вторых, сузилась тематика исследований представи-

телей отдельных школ и отраслевых направлений. Они интересовались не всей совокупностью психологических проблем, а лишь некоторыми из них. Ни одна из школ не давала законченной системы психологического знания.

И разветвление психологии, и сужение тематики отдельных школ и отраслевых направлений — это явления, вполне объяснимые с общественно-экономической точки зрения. Многочисленная, разрозненная, занимающаяся узкими, порой частными вопросами армия психологов в капиталистических странах старалась лучше, полнее, всестороннее удовлетворить и экономические, и идеологические запросы буржуазии. Идеалистическая психология превратилась в служанку империалистической буржуазии.

Важным моментом для понимания психологии того периода является то, что страной, в которой прежде всего появились многие школы и отраслевые направления психологии, получившие затем распространение в других странах, была Германия; перед первой мировой войной там работали крупнейшие буржуазные психологи, пользовавшиеся авторитетом у психологов Англии, Франции, США. И это не случайно. Германия была в то время одним из самых развитых империалистических государств мира, которое по темпам экономического, технического прогресса и другим показателям оставило позади себя другие капиталистические страны.

II. СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И В США

Не только возникновение, но и вся дальнейшая история современной психологии в капиталистических странах обусловлена экономическими, политическими, идеологическими причинами. Что это за причины и какие особенности психологии они обусловили, показывает развитие этой дисциплины на протяжении текущего столетия.

1. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Психология 20-х годов. Первая мировая война, по-разному окончившаяся для воюющих сторон, оказала прямое влияние на дальнейшее развитие психологии в странах капитала.

Как известно, в результате войны 1914—1918 гг. Германия потерпела полное поражение. Послевоенные годы в этой стране характеризуются резким обострением классовой борьбы, вылившейся в широкое революционное движение рабочего класса, а также дезорганизацией хозяйственной жизни. Лишь период с 1924 по 1928 г. был для Германии периодом временной стабилизации

экономики, вслед за чем разразился мировой экономический кризис, длившийся до 1933 г.

Само собой понятно, что в период экономической разрухи и экономического кризиса не могло быть и речи о каком-либо быстром развитии психологии, поскольку средств для проведения экспериментов, издания работ и т. д. не хватало. Лишь в период временной стабилизации вновь активизировали свою деятельность те психологи, которые финансировались монополиями и занимались вопросами, связанными в первую очередь с повышением производительности труда и военной подготовкой личного состава вооруженных сил.

Таким образом, первая мировая война и связанные с ней последствия наложили свой отпечаток на судьбу психологии в Германии, обусловив преимущественное развитие прикладных направлений за счет школ общей психологии. Активизация деятельности представителей прикладных направлений психологии в свою очередь повлекла за собой обострение внутреннего противоречия между психологической теорией, являвшейся по своей философской сущности идеалистической, с одной стороны, и вновь полученными фактами, их подчас правильным объяснением — с другой. И хотя по числу психологов, лабораторий, институтов Германия по-прежнему стояла на первом месте среди других капиталистических стран, еще в начале 20-х годов среди немецких психологов впервые прозвучали слова о «кризисе психологии», приобретшие затем актуальный смысл и значение.

Аналогичным было состояние психологии в период после окончания мировой войны в Англии и во Франции. Обе эти страны вышли победительницами из мировой бойни, но сами сильно от нее пострадали.

Поэтому в первые годы после окончания войны психологи ни в Англии, ни во Франции не имели больших материальных возможностей для проведения своих исследований, которые к тому же были затем приостановлены мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. И в Англии, и во Франции поддержку получали в первую очередь прикладные направления современной психологии; психологическая теория в послевоенный период в этих странах не сделала заметного прогресса.

Иные возможности были у психологов в США. В результате первой мировой войны США не только ничего

не потеряли, но даже многое выиграли в экономическом и политическом отношении. И во время войны, и в послевоенное время вплоть до начала мирового экономического кризиса психологи там имели все необходимое для успешного продолжения своих работ. Их усилия были направлены главным образом на решение вопросов прикладного характера и на экспериментальное изучение поведения животных. Крайний практицизм одних психологов удивительным образом совмещался в этой стране со спекуляциями социальных психологов. Последние были призваны оправдывать проводимую американскими империалистическими кругами политику и содействовать духовному одурманиванию народных масс. Развитие прикладных отраслей диктовалось потребностями быстрого развития производительных сил в США, социальной психологии — усилившимся наступлением реакции против рабочего класса (с этой целью, например, в штате Нью-Йорк в 1920 г. была образована специальная комиссия во главе с сенатором Лоском, которой было поручено вести борьбу с прогрессивными силами Америки и которая получила от властей 2 млн. долл. для своей работы).

То, что психология в США развивалась в обстановке разнузданной реакции, преследования прогрессивных деятелей, контролировалась монополиями и теми кругами, которые руководствовались интересами империалистической буржуазии, не могло, конечно, не наложить своего отпечатка на ее особенности. И нет ничего удивительного в том, что уже сразу после окончания первой мировой войны США стали пристанищем всех реакционно настроенных ученых, рассадником наиболее одиозных идей.

Таким образом, непродолжительный период особенно быстрого развития и большой популярности общей психологии в странах Европы окончился в 1914 г., вслед за чем в психологии начали преобладать отраслевые направления и стала постепенно распространяться социальная психология.

Первая мировая война обусловила возникновение одной важной особенности, которую следует учитывать при характеристике психологии в капиталистических странах Западной Европы и в США. До войны идейными противниками психологов-идеалистов являлись те

психологи, философы и естествоиспытатели в этих странах, которые разделяли и распространяли идеи марксистско-ленинской философии, передовые взгляды и теории в психологии. После первой мировой войны у всех разнообразных школ и отраслей буржуазной психологии появился общий идейный противник — молодая советская материалистическая психология. Правда, этот противник вначале был еще слаб; советская психология в первый период своего существования была еще несвободна от «родимых пятен» идеализма, а также от ошибок механистического порядка. Однако по своим философским основам, по своей общей направленности, по пониманию основных вопросов психологической теории она с самого начала была несовместимой с идеалистической психологией. Поэтому, как бы горячо ни спорили между собой психологи-идеалисты, они всегда прекращали междоусобные распри для того, чтобы совместно выступить против советской психологии.

Укрепление позиций материалистической психологии в Советском Союзе способствовало дальнейшему развитию материалистической философско-психологической мысли в капиталистических странах Европы и в США, где сразу после окончания первой мировой войны возникли коммунистические партии рабочего класса, возглавившие борьбу против идей, распространяемых буржуазными учеными.

Перемещение центра мировой идеалистической психологии из Германии в США и его последствия. В начале 30-х годов текущего столетия Германия находилась в состоянии глубокого экономического кризиса. В 1933 г. в результате активизации политической реакции в этой стране пришли к власти фашисты. Для идеалистической психологии в Германии, Австрии и в других капиталистических странах это политическое событие имело важные последствия. Гитлеровцы не только разгромили демократические учреждения, не только ликвидировали буржуазную демократию в Германии, но и разогнали всех тех ученых, которые разделяли прогрессивные или либеральные взгляды в науке. В их числе оказались многие видные немецкие психологи — представители гештальт-психологии, фрейдизма и прочих направлений. К. и Ш. Бюлеры, В. Штерн, Вертгеймер, Кёлер, Левин,

Коффка, Дункер, Катц и другие спаслись от преследования коричневорубашечников бегством из Германии в Соединенные Штаты Америки. Те же немецкие психологи, которые не успели вовремя эмигрировать (как, например, О. Зельц), были физически уничтожены. Разгром гитлеровцами традиционной немецкой психологии объясняется отнюдь не тем, что она была материалистической или ее представители являлись социалистами. Некоторые психологи преследовались по национальному признаку, другие — из-за своих либерально-демократических политических взглядов или просто по подозрению.

Результатом этих гонений явилось то, что в США сконцентрировались представители почти всех главных направлений идеалистической психологии. Получая поддержку от американской буржуазии, идеалистические школы, прозябавшие до того в Германии и других странах Европы, обрели импульс к развитию и стали наводнять книжные рынки своей продукцией. США превратились в мировой центр идеалистической психологии.

Пребывание европейских психологов бок о бок с американскими, их тесный контакт на протяжении длительного времени не прошли бесследно ни для тех, ни для других. Некоторые европейские психологи, перебравшиеся в США, восприняли идеи бихевиоризма, подпали под влияние прагматизма и создали «новые», «гибридные» направления и школы. Одной из них является топологическая психология гештальт-психолога К. Левина.

Топологическая психология К. Левина. Топологическая психология К. Левина является синтезом гештальт-психологии и бихевиоризма¹.

Как известно, основная идея гештальт-психологии — идея «целостности». К. Левин еще в бытность свою в Германии полностью разделял эту идею. В работе, опубликованной в 1926 г. под заглавием «Намерение, воля и потребность», он сделал попытку применить общие установки гештальт-психологии к проблеме личности и воли. Остальные же психологи этого направления зани-

¹ К. Левин назвал свою психологию «топологической» потому, что для обозначения и объяснения психологических понятий он широко использовал данные топологии — математической дисциплины, изучающей наиболее общие свойства геометрических фигур.

мались только проблемой восприятия, поведением животных и мышлением человека, и никто из них не включал в проблематику своей психологии вопросы о личности и воле.

По мнению Левина, человек и «актуальная ситуация», в которой он находится, составляют «целостность», единство. В процессе деятельности это единство изменяется, превращаясь в другое, точь-в-точь как в процессе мышления или восприятия происходит превращение одного — плохого — «гештальта» в другой — хороший.

Как и другие представители гештальт-психологии, Левин считал, что «движущей силой» психики являются «напряжения», возникающие в субъекте в результате действия внешних сил. Эти «напряжения» рассматривались Левиным как особая «нейтральная» сущность, в которой объединены (в духе махизма) и субъект, и объект. Вертгеймер и другие представители гештальт-психологии называли эту сущность «гешталтом». Левин в своей теории этого слова не употреблял, но по существу говорил о том же самом. Причиной того или иного поведения человека он считал «психическую энергию», или «напряжение душевных систем». Возникает она, как и «гештальты», в результате взаимодействия внешнего и внутреннего: жизненных целей человека и «актуальной ситуации», в которой находится личность. В соответствии с этим представлением Левин разбирает в своей работе вопрос о том, от чего зависит возникновение «напряжения душевных систем». «Внутренней» стороной в возникновении «напряжения» являются, по его мнению, воля, потребности, влечения, аффекты. По своей роли в этом отношении они однозначны. Когда потребности, воля и т. д. слабы, «напряжение» бывает лабильным, текучим; человек легко меняет свои желания. Когда же потребности приобретают «косный» характер, тогда возникает сильное «напряжение», обуславливающее исключительную целенаправленность и «косность» устремлений личности, граничащую с патологией. «Внешнюю» сторону в возникновении «напряжения» составляют предметы, явления окружающей действительности. Они бывают, пишет Левин, различными по своей силе, пробуждая различные потребности, средством удовлетворения которых они являются.

Общая картина волевого действия, по Левину, представляется так. Личность, обладающая потребностями, и предмет внешней среды, способный удовлетворить их, порождает в личности «внутреннее напряжение», которое влечет личность к совершению вполне определенного действия. Оно имеет целью удовлетворение потребности за счет предмета, изменяя прежнюю «целостность», в результате чего возникает другая «целостность», с иными потребностями и «напряжениями».

Такова вкратце концепция личности и воли К. Левина в тот период, когда он находился в Германии.

В 40-х годах Левин опубликовал в США ряд работ, среди них «Концепцию топологической психологии». Все они представляют собой попытку объединить гештальт-психологию с бихевиоризмом. Ряд положений этой концепции недвусмысленно свидетельствует о влиянии бихевиоризма.

Личность, согласно американизированным взглядам Левина, — это совокупность возможных и предполагаемых видов поведения. Задача топологической психологии заключается в установлении того, почему индивиды ведут себя в определенных условиях так, а не иначе. «Актуальная ситуация» теперь стала называться «психологическим пространством», которое, однако, не является объективным пространством, так как существует в зависимости от субъекта. Вместо слов «человек радуется» Левин стал употреблять такие выражения: «в жизненном пространстве» человека имеется что-то, что обладает «радостным качеством» и т. д. По меткому замечанию Гофштеттера, у Левина среда — «не Я» — есть такой продукт «Я», в который «Я» вошло полностью. Подобно бихевиористам, пытающимся установить закономерности поведения через связь «стимул — реакция», Левин начал теперь с помощью «целостности» определять поведение через «пространство».

В своих работах, опубликованных в США, Левин приводит многочисленные примеры подобного «объяснения» поведения человека, для чего он прежде всего перечисляет особенности «психологического жизненного пространства». По его мнению, «пространство» состоит из частей, «сфер», которые по отношению друг к другу могут быть чуждыми, родственными, связанными просто и сложно, прямо и опосредованно. Для обозначения

всех этих мыслимых возможностей связи частей «психологического жизненного пространства» Левин стал использовать топологическую символику, которая настолько заполняет его работы, что на первый взгляд они кажутся математическими, а не психологическими.

Левин обозначает факторы среды, удовлетворяющие потребности личности, в виде векторов, величина которых определяется их «притягательной силой», зависящей в свою очередь от потребностей человека. Складывая и вычитая векторы, он пытается в результате получить их равнодействующую, которая укажет направление и интенсивность поведения личности. В этом как раз он и усматривает конечную задачу своей теории.

Несмотря на «американский дух», топологические рассуждения Левина пропитаны гештальт-психологическими идеями — те же потребности, те же объекты, которые могут их удовлетворить, те же «напряжения», которые возникают в результате столкновения потребностей с объектами, хотя «напряжения» и выражены в виде векторов. Удивительно ли, что личность, которую он объявил в начале своей работы «совокупностью видов поведения», в конце концов стала пониматься им в сущности так же, как и другими психологами-небихевиористами: личность — это совокупность различных «сфер». «Сердцевиной» ее является «центральная сфера», которая «обросла» внешними «сферами», названными Левиным «сферами движений и восприятий». Ни о каком определении личности через ее поведение при этом нет и речи; «центральная сфера личности» у Левина напоминает понятия «душа», «персона», или «Я» в концепциях других психологов.

Топологическая психология Левина, центральный пункт которой составляет проблема личности, является идеалистической. Как уже сказано, идея «целостности», которую Левин провозглашает основой своей психологии, соответствует махистскому пониманию «элементов мира». Именно по-махистски Левин «объединяет» субъект и окружающую его среду (по его терминологии — «актуальную ситуацию», «психологическое пространство») таким образом, что в результате возникает какая-то особая сущность, которую он и пытается анализировать. В этой сущности субъект и «пространство» растворяются друг в друге, теряя свою специфику.

При материалистическом понимании единства организма и среды ни организм, ни среда не теряют своей качественной специфики и не растворяются друг в друге. Следовательно, «целостность», о которой пишет в своих работах Левин, лишь внешне напоминает тезис материалистов о единстве организма со средой, но по существу не имеет с ним ничего общего. Это подтверждается, между прочим, также следующим.

Для материалистов, когда они говорят о единстве организма со средой, тотчас же возникает вопрос: а что является ведущим фактором в этом единстве? И они отвечают на него: ведущим фактором является среда. Для левиновского тезиса о «целостности» вопрос о детерминации субъекта средой вообще снимается, так как и субъект, и среда (объект), по его мнению, существуют «на равных правах». Следовательно, идея «целостности» исключает проблему детерминизма из психологии. Не признавая определяющей роли среды (объективного мира) для психической деятельности, для развития личности, Левин провозглашает решающим фактором в формировании личности ее «внутренние» особенности, «напряжения». Тем самым он обнажает идеалистический индетерминистский характер своей психологии.

Сказанному не противоречит то, что в последние годы своей деятельности в США Левин стал больше писать о «психологическом пространстве», занимался его подробным анализом, одним словом, старался сделать свою концепцию более бихевиористской. Однако «бихевиоризация» концепции Левина осуществлялась главным образом по линии внешнего сходства и аналогий. Бихевиористы, в первую очередь ранние, были механицистами, т. е. признавали «стимулы» первичными, а реакции вторичными. Представитель гештальт-психологии, Левин никогда не соглашался с этим тезисом бихевиоризма; для него всегда основными были «напряжения». Этим и объясняется та непоследовательность в трактовке личности у Левина, о которой речь шла выше.

Таким образом, в понимании таких важных философских проблем, как проблема связи организма со средой, проблема детерминизма, от которого зависит решение других, производных психологических вопросов, Левин разделял позиции идеализма. В частности, понятие «напряжение» в концепции Левина используется

для подмены материалистического положения о закономерностях материального субстрата поведения, психики — мозга. Анализируя вымышленные «напряжения» и выдавая их за тот механизм, который обуславливает поведение человека, Левин тем самым, как и другие психологи-идеалисты (например, фрейдисты), уводит своих читателей от истинно научного понимания роли мозга, высшей нервной деятельности в определении поведения. Последнее для него — результат действия мифических психологических, а не физиологических механизмов. Игнорирование роли мозга и закономерностей его работы в концепции Левина — одно из следствий идеалистического, индетерминистского понимания им психики. Левин был идеалистом и в понимании личности, которую пытался рассматривать внеисторически, противопоставляя свою точку зрения марксистскому пониманию личности как совокупности общественных отношений.

Топологическая психология Левина в целом — яркий пример того, какой вид придают своим теориям некоторые психологи-идеалисты, приспособляющиеся к иным для них общественно-экономическим условиям.

Социометрия Дж. Морено. Другим «гибридным» образованием в новейшей психологии США является социометрия. Она возникла в 30-х годах в результате своеобразного «синтеза» психоанализа, парapsихологии, гештальт-психологии (т. е. европейских школ в психологии) с бихевиоризмом и прагматизмом. Этот синтез осуществлен на основе интуитивистской философии и теологии. Основателем социометрии является Дж. Морено, выходец из Австрии, а сторонниками — Е. Дженнингс, Т. М. Ньюкомб, М. Л. Нортуэй, И. Т. Зандерс, А. А. Зандин, Л. Зелени, Г. Гурвич и другие.

Из гештальт-психологии Морено заимствовал представление о «целостности». Индивид, по его определению, — это «целостность», называемая «социальным атомом». Как «целостность» низшего порядка, он вступает в контакт при помощи невидимых связей, получивших название «теле», с другими такими же «атомами», образуя «целостность» высшего порядка, или «социальную молекулу» («созвездие атомов», «социоид»).

Понятие «теле» как каких-то невидимых, нематериальных и неосознаваемых излучений, идущих от одного

индивида к другому, явно навеемо Морено одной из оккультистских лженаук, которую буржуазные идеологи именуют парапсихологией. Основным представлением этого мистического направления в психологии является представление о нематериальном и невидимом излучении («чистых мыслях»), испускаемом якобы людьми. Кстати сказать, Морено в своих работах дает высокую и лестную оценку парапсихологии.

Родственность понятия «теле» Морено парапсихологическому понятию «чистых мыслей», способных передаваться на расстояние от человека к человеку, становится еще более очевидной, если учесть, что «теле» у Морено не просто излучения, а флюиды, наполненные содержанием. По его мнению, «теле» — как бы сгусток эмоциональной энергии, существующей независимо от человека и определяющей его отношение к другим людям.

Из бихевиоризма Морено прежде всего заимствовал проблематику и метод. Главная задача новой науки, по его мнению, состоит в том, чтобы изучать внешние формы человеческих взаимоотношений, или иначе — «межличностные отношения» (задача формулируется совсем так же, как делают это бихевиористы, занимающиеся социальными вопросами). При этом Морено опирается на психоанализ Фрейда, к которому не скрывает своей горячей симпатии, называя его «великим эмпиристом», открытия которого, хотя и «доэкспериментальны», но тем не менее не являются «ненаучными»¹. Однако Морено не просто заимствует положения психоанализа, он перефразирует их в духе бихевиоризма: все, что у Фрейда было «внутри», он представляет как «внешнее». Определяя сущность подобной модернизации фрейдизма, Морено пишет, что он заменяет теорию психоанализа своей теорией, с тем чтобы придать «наивысшую степень объективности субъективным терминам» Фрейда², а процедуру беседы пациента с психоаналитиком заменить процедурой игры на сцене одного пациента с другим. Сделано было это для того, пишет Морено, чтобы спасти «умирающую психоаналитическую идеологию»³.

¹ См. Дж. Л. Морено, Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе, М., 1958, стр. 146.

² Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 53.

³ Там же, стр. 273.

Философские основы социометрии отчетливо выражены самим Морено. Он заявляет, что его идеи находятся в соответствии с философским кредо А. Бергсона. По его мнению, спонтанность, играющая столь большую роль в социометрии, подтверждает положение о «жизненном порыве» французского философа-интуитивиста.

Признавая метод бихевиористов, Морено не может не согласиться и с основными положениями его философской основы — прагматизма. «Прагматизм и социометрия... — пишет он, — развивались в исторической последовательности, первый готовил путь для второй. Прагматизм является, более чем другая точка зрения, самобытным философским течением, и социометрия, взятая в ее широком смысле, становилась и вырастала как самобытная социальная наука. Прагматизм и социометрия тесно связаны, они объединены доктриной измерений»¹. Эта близость прагматизма и социометрии не является случайностью: стараясь приобрести наибольшую популярность в США, Морено сознательно подстраивался под «дух» наиболее распространенной там философской системы.

Такова «родословная» американской «науки» социометрии. Самые реакционные философские и психологические теории, какие были созданы на протяжении длительного времени в Европе и Америке, Морено использовал для создания своей наукообразной системы. И эту новую «науку» Морено и его сторонники провозгласили последним словом современной буржуазной психологии и социологии! «Социометрия как наука является идеалом, — писал Морено. — Своим широким кругозором она охватывает все течения, но не отождествляется ни с одним из них»².

Можно согласиться с тем, что социометрия является крошкой, составленной из положений, выдвинутых различными школами и системами. Но считать этот «синтез» «идеальным», полагая, что в результате эклектического соединения произошел скачок и возникла «новая» наука, нет никаких оснований.

Американская школа неопрейдизма («психокультурный» фрейдизм Хорни и Фромма). Представители европейских школ в психологии, оказавшиеся в США, вос-

¹ «Sociometry» № 4, 1955, p. 95.

² Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 67.

приняли не только идеи бихевиоризма, но и философию прагматизма и других течений американской буржуазной философской мысли. Под их влиянием они «реформировали» традиционные для Европы теории, приспособив их к новым условиям. «Американизация» коснулась, в частности, фрейдизма, породив на свет американскую его разновидность — «психокультурный» фрейдизм. Его представителями в США являются немецкие психологи-эмигранты К. Хорни и Э. Фромм.

Появление «психокультурного» фрейдизма — это следствие действия социальных и идеологических причин, а не результат накопления каких-то новых фактов. «Психокультурный» фрейдизм возник не как дальнейшее развитие, а как «реформа» «классического» психоанализа, что подчеркивается его основателями, нередко выступающими с критикой ортодоксального фрейдизма. Демонстрируя свое отрицательное отношение к «классическому» психоанализу, К. Хорни вышла даже из психоаналитического общества и основала ассоциацию содействия прогрессу «реформированного» психоанализа, специальный институт и журнал. Со многими положениями «классического» фрейдизма не согласен и Э. Фромм — другой виднейший представитель «реформированного» фрейдизма.

Между «классическим» психоанализом и его «реформированным» американским «психокультурным» вариантом существуют известные теоретические разногласия. Однако в главном — по философским основам, по психологическим и психиатрическим взглядам — различия между ними незначительны.

В своих работах Хорни весьма часто ссылается на Бергсона, Кьеркегора и других философов-мистиков (как было показано, Фрейд тоже питал особую симпатию к философскому мистицизму), обильно цитирует буддистскую и даосистскую литературу, в которой она находит подтверждение своим взглядам. О философских симпатиях Фромма можно судить по многочисленным ссылкам на средневековых мистиков, по цитированию Кьеркегора, Ницше, Франца Кафки и Джулиана Грина. Все они изображали человека беспомощным существом, раздираемым сомнениями, противоречиями, чувством ничтожества, являющимся игрушкой в руках могущественных бессознательных сил.

Представители «психокультурного» фрейдизма весьма резко и часто выступают против положения Фрейда о главенствующей роли в жизни человека «эроса» и «тенатоса». «Теория либидо и все ее утверждения, — заявляла Хорни, — не имеют под собой научной основы»¹. Хорни и Фромм отвергают фрейдовское понимание «эдипова комплекса», который они называют спекулятивным и бездоказательным. «Эдипов комплекс не является биологически врожденным», «мы отвергаем все построения, базирующиеся на этой теории»², — писала Хорни, подводя итог своей критике «эдипова комплекса» в работе «Новые пути психоанализа».

Хорни с полным основанием отмечала, что представление Фрейда относительно личности и общества является механистическим и метафизическим, поскольку настоящее целиком выводится им из прошлого, не допуская появления нового. Вместе с Фроммом она подвергает справедливой критике фрейдистское игнорирование социальных условий бытия человека, в частности в происхождении неврозов, в вопросах семьи и брака и других. «Неврозы, — писала Хорни, — в конечном итоге являются выражением нарушений во взаимоотношениях между людьми»³, а не конфликтом мифических инстинктов.

Критика некоторых положений «классического» фрейдизма со стороны его «психокультурных» «реформаторов» обоснованна, но явно непоследовательна. Следует подчеркнуть, что цель этой критики заключается вовсе не в полном ниспровержении фрейдизма. Как писала Хорни, ее основная задача состояла лишь в том, чтобы устранить все сомнительные положения, сохранив при этом все «ценное», что имеется в психоанализе. «Поскольку многие мои интерпретации отличаются от фрейдовских, некоторые читатели могут спросить, надо ли считать мои теории психоанализом», — ставит она вопрос и дает на него такой ответ: «Если понимать под психоанализом все до единой теории, выдвинутые Фрейдом, то тогда изложенная мною... концепция не есть

¹ К. Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, New York, 1939, p. 68.

² Там же, стр. 84.

³ Цит. по кн.: Дж. Б. Фурст, *Невротик. Его среда и внутренний мир*, стр. 332.

психоанализ»¹. Далее Хорни отмечает, что, по ее мнению, психоанализ связан не со всеми понятиями Фрейда, а фактически лишь с одним — с понятием бессознательного, а также с определенной формой лечения неврозов, сущность которого заключается в доведении до сознания того, что было достоянием бессознательного. С этой точки зрения, пишет она, «моя система есть психоанализ»².

Какова же система «психокультурного» фрейдизма?

Основным понятием этой разновидности фрейдизма является понятие «культура». Трактуется оно широко и неопределенно, как все то общественное окружение, которое оказывает влияние на человека, на его психику, определяет его поведение и является причиной неврозов.

Подчеркивая влияние «культуры», ни один сторонник «психокультурного» направления в психоанализе, как правило, не дает в своих работах конкретного анализа социальной действительности, а если и дает, как, например, Фромм, то в искаженном свете и преимущественно прошлых периодов истории человечества. Кроме того, при решении ряда важных вопросов своей теории представители «психокультурного» фрейдизма забывают вовсе о «культуре» и о ее влиянии на личность, рассматривая последнюю вне окружающих условий среды.

По существу основные черты личности в концепции Фромма, несмотря на то что он часто ссылается на «культуру», представляются независимыми от внешних влияний. Многие проблемы, относящиеся к общественной жизни, писал он, не только могут, но и должны решаться с психологической и психоаналитической точки зрения (которая основывается на признании инстинктов, играющих решающую роль в жизни людей). Социология должна иметь свою базу в законах психологии. Не менее определенно по этому поводу высказывалась и Хорни. «Каковы бы ни были условия воспитания ребенка, если только он не дефективен психически, он сможет научиться противопоставлять себя тем или иным образом другим людям и, вероятно, овладеет тем или

¹ K. Horney, *The Neurotic Personality of our Time*, New York, 1937, p. IX.

² Там же.

иным ремеслом. Но в нем заложены такие силы, которыми он не может овладеть или которые не может даже развить посредством обучения. Вам не нужно, да вы фактически и не можете, обучить желудь тому, как ему стать дубом; при соответствующих условиях его внутренние потенции разовьются сами. Подобно этому человек, если даны соответствующие условия, стремится развивать свои особые, человеческие потенции»¹.

Подобные высказывания свидетельствуют о вопиющей непоследовательности представителей «психокультурного» фрейдизма: признавая в общем влияние «культуры», в решении конкретных вопросов они, как и Фрейд, остаются индетерминистами, отрицающими влияние внешней среды.

В соответствии со своими индетерминистскими установками, требующими признания «внутренних» факторов, играющих большую роль, чем факторы «внешние», Хорни в своих работах («Невротическая личность нашего времени», «Наш внутренний конфликт», «Новые пути в психоанализе», «Невроз и развитие человека») отмечает наличие некоторого «реального Я», обладающего бессознательными «жизненными силами». «Реальное Я», по Хорни, — это центральная внутренняя сила, общая для всех людей и тем не менее единственная в своем роде у каждого в отдельности человека, составляющая «глубокий источник роста». «Жизненные силы» «реального Я», писала Хорни, составляют бессознательные импульсы, которые по природе являются частично биологическими, частично социальными. Она называла их стремлением к безопасности и удовлетворению, полагая, что оба импульса являются не рефлексами, не навыками, а некоторого рода «эмоциональными стремлениями»². Наряду с импульсами она заимствует из «классического» фрейдизма понятия «вытеснения», «сопротивления», технику толкования сновидений, анализ явления «перенесения»³ и метод свободных ассоциаций.

¹ K. Horney, *Neurosis and Human Growth*, New York, 1950, p. 17.

² Там же, стр. 23—24.

³ Под «перенесением» Фрейд понимал такое якобы имеющее место явление, когда невротик на некоторых из окружающих его людей, в частности на лечащего врача-психоаналитика, направляет свое сексуальное бессознательное.

Как и Фрейд, Хорни полагала, что главной задачей ее концепции является установление динамики бессознательных импульсов, или влечений. Она утверждала, что установленные ею «эмоциональные стремления» не могут существовать вместе, поэтому одно из них подавляет (вытесняет) другое. Какую роль при этом играет «культура», Хорни вовсе не упоминает. Получается, что «динамика бессознательных сил» (как и у Фрейда) полностью отрывается от реальных жизненных противоречий и столь громогласно провозглашенной «культуры». Особенно ярко это противоречие бросается в глаза в трактовке неврозов.

Как уже упоминалось, неврозы Хорни считала порождением «культуры». Но как только она начинала объяснять механизм неврозов, так по существу становилась на прежние фрейдистские позиции. Невроз, по ее мнению, вызывается исходным чувством страха, который возникает под влиянием жизненного опыта в раннем детстве. В этот период внешние условия оказывают формирующее влияние на психику ребенка. Но после четырех-, пятилетнего возраста развитие психики ребенка осуществляется в силу собственных «внутренних» потенций. «Механизмом» невроза, по Хорни, является «внутреннее беспокойство», противоречие между «реальным Я» и идеализированным представлением о себе самом. «Я постепенно убедилась в том, — писала Хорни, — что созданное невротиком идеализированное представление о самом себе олицетворяет не просто ложное убеждение в своей ценности и значимости... При соответствующих условиях это представление вытесняет его стремление расти, реализовать свои наличные возможности»¹. Идеализированное представление о себе (род «идеального Я») Хорни отождествляет с божественным существом, которому противостоит «реальное Я» как «реальное существо». Если довести бессознательные импульсы до сознания больного, то, по Хорни, произойдет изменение личности, конфликт между двумя «Я» («божественным» и «реальным») будет преодолен и наступит исцеление.

Такова вкратце концепция психоанализа Хорни. Лишь в деталях отличается от нее «теория» другого

¹ К. Horney, *Neurosis and Human Growth*, p. 36.

видного представителя «психокультурного» направления — Э. Фромма, автора широко известных в США и других странах книг: «Бегство от свободы», «Человек в собственном представлении», «Психически здоровое общество», «Психоанализ и религия», «Забытый язык».

Как и Фрейд, Фромм полагает, что у человека имеется «сфера бессознательного», которая определяет мысли, чувства, поведение. Вся личность, по его мнению, — это проявление «дремлющих тенденций в человеческой психике, которые, так сказать, ждут случая для своего выражения»¹. Правда, в отличие от Фрейда Фромм утверждает, что «дремлющие тенденции» порождены не биологическими инстинктами, а социальными условиями, в частности капиталистическими общественными отношениями; однако, возникнув, они начинают «управлять» жизнью людей, уже не согласуясь с требованиями условий материальной жизни общества. И в этом отношении между биологизированными «инстинктами» Фрейда и социологизированными «тенденциями» Фромма нет существенного различия.

Фромм, как и другие представители «психокультурного» фрейдизма, считает, что в сфере бессознательного возникают противоречия и происходит постоянная борьба. Основой их является осознание того, что человек смертен, что рано или поздно ему придется умереть. В результате у человека появляется чувство беспокойства, недовольство, растерянность, скука. Возникновению этих чувств способствует то, что человек не понимает своего места в обществе, потерял смысл жизни. «Ему стали угрожать могущественные сверхчеловеческие силы — капитал и рынок. Его отношения с другими людьми, каждый из которых превратился для него в потенциального конкурента, сделались холодными и враждебными. Человек оказался свободным — это значит, что он стал одиноким, изолированным, чувствующим кругом себя одни опасности»².

Нужно отдать должное Фромму, что он рассматривает довольно подробно те последствия, которые имел капитализм для представителей различных слоев буржуазного общества; его анализ действительности более

¹ E. Fromm, *Escape from Freedom*, New York, 1941, p. 180.

² Там же, стр. 62—63.

тщателен, чем у Хорни, хотя и односторонен. Выводы, к которым он приходит, отражают сущность его миропонимания. Фромм полагает, что с переходом от средневековья к капитализму человек приобрел лишь «негативную свободу» (т. е. что капитализм освободил его от рабства, ничего не дав ему) и наполняющие его психику противоречия. Ранний капитализм с его частной предпринимательской инициативой частично ослабил действие этой «негативной свободы», монополистический же капитализм вновь усилил ее роль. Человек в капиталистических странах в эпоху империализма свободен, но его свобода ограничивается петлей, надетой на его шею. Этой петлей являются неосознанные, стихийно проявляющиеся экономические законы капитализма.

Односторонность социологического анализа Фромма заключается в том, что он не поднимается до классового понимания человеческих взаимоотношений в буржуазном обществе, беря, с одной стороны, видимые проявления капитализма, а с другой — абстрактного человека, не вскрывая его принадлежности к тому или иному классу.

Как и Фрейд, Фромм приходит в итоге своего анализа к выводу о доминирующем влиянии на человека «дремлющих тенденций человеческой психики». По его мнению, «негативная свобода» человека при империализме сделалась невыносимой. Из этого положения существуют якобы два выхода: либо бежать от всякой свободы вообще, либо подняться от «негативной» к «позитивной» свободе. Наиболее часто, считает Фромм, встречается при империализме первый путь спасения индивида от раздирающих его противоречий, вызванных «приобретенной свободой». Это объясняется тем, что психике человека будто бы присуща компульсивность — непреодолимое влечение именно к такого рода освобождению от бремени свободы, приводящее якобы к признанию диктатуры сильной личности и безропотному подчинению ей.

В раскрытии «механизмов» динамики компульсивных, бессознательных сил Фромм, как и Хорни, использует такие фрейдистские представления, как метод свободной ассоциации, анализ сновидений, «вытеснение» и другие. Всего он насчитывает три «механизма компуль-

сии»: мазохизм-садизм, стремление к разрушению (оба «механизма» заимствованы им у Фрейда) и конформизм автомата. Что конкретно понимал он под этими «механизмами»?

Один из компонентов первого «механизма» — мазохизм — обуславливает то, что человек хочет связать с кем-то свое «Я» даже ценою его утраты, отдать свое тело или дух на страдания и мучения, причиняемые либо самим же индивидом, либо другим, более могущественным лицом. Под влиянием этого «механизма» человек покорно и бездумно подчиняется более сильному человеку, делу или движению.

Садистский компонент — это стремление человека избавиться от своих чувств, от одиночества, страха, мучающего его, путем приобретения полного господства над другими людьми. В извращенном виде — это стремление унижить, подчинить себе другого человека. «Стремление к власти, — утверждает Фромм, — есть самое типичное выражение садизма»¹.

Второй «механизм», по Фромму, — непреодолимое стремление к разрушению. Это стремление рассматривается им как разновидность бегства от одиночества и бессилия. «Социальные условия, которые подавляют жизнь, порождают страсть к разрушению...»²

Третий «механизм» — автоматический конформизм. Под этим термином Фромм понимает особенность психики, когда человек принимает требования общества, в котором живет, хотя он с ними и не согласен; в результате он теряет собственное «Я». Иными словами, это другая разновидность бегства от бремени свободы, от одиночества и тоски.

Фромм, как и Хорни, полагает, что все открытые им «механизмы» бессознательного присущи каждому человеку, поэтому в капиталистическом мире все люди — невротики. «Западное общество — больное, а огромное большинство, если не все живущие в нем люди, в большей или меньшей степени психопаты, — утверждает он. — Так получилось потому, что разум, знания, истину, или, другими словами, рациональную деятельность,

¹ Цит по: Г. Уэллс, Фрейдизм и его современные «реформаторы». «Вопросы философии» № 1, 1960, стр. 121.

² E. Fromm, *Escape from Freedom*, p. 184.

сменила компульсивная, иррациональная мотивация. И все это сделала невыносимая негативная свобода, которую принес с собой капитализм»¹. Как видно из этого высказывания, Фромм, уточняя причины неврозов, действительно распространенных в «западном мире», исходит только из «внутрипсихических» факторов, игнорируя влияние «культуры», о которой до того говорил так много и подчас справедливо, критикуя капиталистические порядки. В соответствии с указанной точкой зрения Фромм считал задачей психоанализа доводить до сознания бессознательные стремления «Я» к «позитивной» свободе.

Как явствует из изложенного, точка зрения представителей «психокультурного» фрейдизма в главном и основном — в признании бессознательных импульсов и стремлений, которые фатально определяют поведение и образ мыслей человека, в признании конфликта, существующего в сфере бессознательного, — полностью смыкается с позицией «классического» фрейдизма. В самом деле, какая разница существует между инстинктами Фрейда, «реальным Я» Хорни и «компульсивными механизмами» Фромма? «Все это, — пишет Дж. Фурст, — лишь различные способы выражения той точки зрения, что внутренние силы личности являются главными детерминирующими факторами ее поведения»². И Фурст глубоко прав: действительно, никакой принципиальной разницы в этом отношении между Фрейдом и его современными американскими «реформаторами» не существует. В философском отношении их позиция является индетерминистской.

К каким следствиям приводит индетерминизм в психологии и социологии, можно судить по следующим рассуждениям Фромма, содержащимся в его работе «Бегство от свободы». Фромм берется в этой книге за объяснение многих социально-политических проблем. Так, он утверждает, что всякий общественно-политический строй порождается психологическими причинами. Фашизм возник потому, заявляет он, что бремя свободы сделалось для немцев нестерпимым и они решили спастись от него, приняв фашистскую диктатуру.

¹ Цит по: Г. Уэллс, Фрейдизм и его современные «реформаторы». «Вопросы философии» № 1, 1960, стр. 122—123.

² Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 64.

Непосредственной причиной прихода к власти фашистов в Германии был, по его мнению, автоматический конформизм. Компульсивное стремление немцев было усилено германской финансовой промышленной буржуазией путем расправ с неконформистами. Этим путем была достигнута нейтрализация рабочего класса Германии. Но приход к власти фашистов не был бы возможным, если бы их не поддерживали «средние классы». Это было достигнуто, по мнению Фромма, благодаря тому, что империалистические круги предоставили полную свободу compulsивному садистско-мазохистскому стремлению. Получается, что нацизм возник в Германии в результате не социально-экономических и политических, а лишь психологических причин. Последнее, по Фромму, будут иметь решающее значение и в последующей истории человечества. Единственный способ предотвратить их действие, писал он, заключается в том, чтобы установить психически здоровое общество. Оно должно отличаться от капитализма, раздираемого противоречиями. Каким же оно может быть? Фромм заявил, что новое, психически здоровое общество должно быть обществом социалистическим. Из этого вовсе не следует, однако, что Фромм стоит на правильных позициях; он чужд научной теории социализма. Фромм был и остается идеалистом в понимании закономерностей общественного развития, как и по специальным вопросам психологии, но вместе с тем он понимает очевидные преимущества социализма и то, каким тормозом для дальнейшего общественного прогресса является капитализм. Упоминая в своих работах о социализме, Фромм оставляет в тени многие политические, экономические и идеологические аспекты вопросов, связанных с социализмом; некоторые же из них он трактует чисто психологически: по его мнению, например, новое общество придет на смену капитализму в силу проявления compulsивных потенций человеческого бессознательного.

Идеалистические рассуждения Фромма, несмотря на то что он признает будущее за социализмом, направлены на подмену реальных, объективно действующих в обществе закономерностей вымышленными психологическими «механизмами».

Точка зрения Фромма в социологии в целом является не просто утопической, но антинаучной. Объективно она

направлена против марксистско-ленинского понимания закономерностей общественного развития, против положения о классовой структуре буржуазного общества и борьбе классов, против теории социалистической революции, научного взгляда на роль партии и т. д. Не удивительно, что, в ложном свете понимая механизм общественного развития, Фромм в конце концов приходит к пессимистическим выводам. Он считает, что атомная война неизбежна в ближайшем будущем, что нет никаких способов ее предотвращения, что ошибка Маркса заключалась в переоценке роли сознания людей и неучете их могущественных бессознательных влечений и т. п.

Концепция «психокультурного» фрейдизма, между взглядами отдельных представителей которого имеются некоторые отличия, полна внутренних противоречий и непоследовательностей: с одной стороны, они заявляют о «культуре» и ее влиянии на психику человека, но, с другой — игнорируют ее роль при конкретном рассмотрении каких-либо вопросов; они отвергают бессознательное в понимании Фрейда, но вместе с тем вводят иное понимание того же бессознательного; отрицают фрейдовскую динамику бессознательного, но заменяют ее своей динамикой, которая отличается от фрейдовской лишь терминами. Отрицание одних фрейдовских понятий и использование других, аналогичных в идейном отношении понятий делает концепцию «психокультурного» фрейдизма более запутанной и опасной, чем концепция самого Фрейда. Разговоры о «культуре», критика некоторых положений Фрейда создают видимость «реформы» «классического» психоанализа, что может привлечь на сторону представителей «психокультурного» фрейдизма некоторые круги в капиталистических странах, в первую очередь в США. Но вместе с тем на деле «психокультурный» фрейдизм протаскивает главные и основные порочные положения психоанализа. Это делает его даже более опасным, чем «классический» фрейдизм, в адрес которого ныне раздается немало серьезной критики в странах капитала.

Необихевиоризм. Не только взгляды американских психологов оказали влияние на концепции некоторых эмигрировавших в США немецких и австрийских психологов, но и наоборот, под влиянием европейских психо-

логов существенные изменения стал претерпевать и американский бихевиоризм.

В настоящее время в США наибольшей популярностью среди бихевиористов пользуются Скиннер, Толмен и Халл, выражающие новую тенденцию в развитии американского бихевиоризма, которую называют необихевиоризмом.

Как и все бихевиористы, необихевиористы считают, что психология должна заниматься изучением «реакций» организма на внешние «стимулы» (что выражается формулой $S \rightarrow R$). Напомним, что, согласно концепции «классического» бихевиоризма, в осуществлении «реакции» исключается какая-либо роль «психики» — чего-то «внутреннего», что выходит за пределы внешне наблюдаемых фактов. Однако на основании «стимулов» и «реакций» объяснить все формы поведения животных и человека оказалось невозможным, поэтому под влиянием европейских психологов необихевиористы стали пересматривать формулу $S \rightarrow R$, дополняя ее представлением о каких-то «внутренних» состояниях организма и вступая тем самым в противоречие с основной установкой «классического» бихевиоризма.

Особенно отчетливо эта противоречивость проявляется в концепции Халла. В работе «Проблема промежуточной вариативной величины в теории морального поведения» (1943 г.) Халл прямо заявляет, что полностью объяснить характер поведения, исходя из внешней стимуляции, невозможно. Бихевиористскую формулу $S \rightarrow R$ он предлагает поэтому видоизменить так: $S \rightarrow x \rightarrow R$. Здесь « x » — «промежуточная вариативная величина», которая, как пишет Халл, сама не наблюдается, но каким-то образом связана со стимулом и с реакцией, выполняя роль регулятора связи между стимулом и ответной на него реакцией. Этот « x » не является закономерностями нервной системы, которые, как утверждают бихевиористы, нельзя наблюдать. Вместе с тем « x » не является чем-то «внешним». В концепции Халла « x » представлен как какая-то нематериальная сущность, обладающая активностью и обуславливающая целесообразный характер реакции организма в ответ на стимулы.

Аналогичную точку зрения высказал и другой необихевиорист — Скиннер. В статье «Операционалистский анализ психологических терминов» (1945 г.) он упоми-

нает о «влечении» («стремлении»), которое «вклинивается» между «стимулом» и «реакцией», регулируя их связь между собой. Впоследствии он стал вообще говорить об «оперантном», т. е. спонтанном, независимом от внешней стимуляции поведении.

Третий известный американский бихевиорист — Толмен ввел в свою концепцию понятие о «планах», «предположениях», которые якобы имеются у животного в момент действия стимула и определяют собой характер ответной реакции. То же самое, но в иной форме провозглашают и другие необихевиористы. Так, Бернارد, Кэннон, Фриман пишут о «принципе константного внутреннего содержания», выполняющего роль «х»-ов и «планов» в концепциях Халла и Толмена. Эстес в своей теории поведения говорит об «эмоциональном состоянии», которое как психическое явление обуславливает обычные движения животного. Э. Хайдбредер в работе «Семь психологов», признавая за «эмоциональными состояниями» роль регуляторов поведения, утверждает, что подобная функция эмоций оказывается возможной потому, что удовольствие и неудовольствие заключают в себе «духовные силы». «Внутренние» состояния, опосредующие «реакции» в ответ на «стимулы», признают Хилгарт, Маркис, Торн и другие американские необихевиористы.

Все эти примеры говорят о том, что современные бихевиористы в своих теоретических рассуждениях пользуются понятиями из арсенала «традиционной» европейской идеалистической психологии. Контрабандой в виде «х»-ов, «чувства удовольствия», «интуиции» и т. д. они протаскивают представление о наличии у животных и человека каких-то нематериальных сущностей, обладающих активностью и регулирующих их поведение, мышление. Как отмечает П. Гофштеттер, понятия, подобные «промежуточной вариативной величине», ничем не отличаются от понятия душевной субстанции («души»). Говоря о выдвинутом Скиннером понятии «оперантного» поведения, он прямо заявляет, что оно напоминает античное определение «души», обладающей собственной активностью. Таким образом, критикуя необихевиоризм, Гофштеттер в общем правильно отмечает его внутренние противоречия и непоследовательность.

Эволюция бихевиоризма в сторону сближения с европейской идеалистической психологией происходила под прямым влиянием тех психологов, которые эмигрировали в Соединенные Штаты Америки после прихода к власти фашистов. Однако имеются причины, объясняющие, почему такое влияние оказалось возможным. Главная из них — практическая несостоятельность «классической» бихевиористской концепции, неспособность ее объяснить всю сложность поведения животных и человека.

Этот факт признают даже сами американские буржуазные психологи и философы. Критикуя бихевиоризм, они отмечают, что явления политической и экономической жизни со всей очевидностью показали, что человека нельзя представлять как совокупность инстинктов и мускульных навыков, что он не является бездумной машиной, как пытались представить его бихевиористы. Человек обладает сознанием, разумом и волей, с которыми приходится считаться правящим кругам Соединенных Штатов Америки.

Именно потому, что бихевиористы исключали из своей концепции понятия «сознание», «разум», «воля», идеологи американской буржуазии, многие философы, социологи и даже психологи-небихевиористы были готовы принять европейские психологические концепции в психологии, которые были по своей философской сущности идеалистическими, но более тонко объясняли сущность человека и «механизмы» его поступков. Психологические представления европейских психологов-идеалистов, как указывали некоторые американские психологи, в конце 30-х годов более соответствовали взглядам империалистической буржуазии, полнее отвечали ее запросам.

Однако важно отметить, что американские психологи-бихевиористы, чувствуя падение популярности своей концепции, не уступали без борьбы завоеванных позиций. Они предприняли попытки реформировать «классическую» концепцию бихевиоризма с тем, чтобы придать ей те черты, которые отсутствовали у нее прежде. «Модернизация» бихевиоризма была предпринята ими для того, чтобы не допустить вытеснения бихевиоризма европейскими школами психологии на американском континенте.

Таким образом, эволюция бихевиоризма во второй трети XX столетия — яркое свидетельство социальной обусловленности психологической науки.

Психология в Германии в период фашистского господства. Разгром немецкими фашистами традиционных направлений психологии сначала в Германии, затем в Австрии и других оккупированных ими странах как одно из звеньев той антидемократической, реакционной политики, которую стали проводить с первого дня прихода к власти «национал-социалисты» в Германии, вызвал бурю протеста со стороны ученых других капиталистических стран. Чтобы как-то уменьшить отрицательное впечатление от своих диких акций, фашистские главы решили срочно создать в Германии «свою» психологию. Одновременно «национал-социалистская» психология должна была служить «научным» «обоснованием» фашистской расовой теории и их каннибалистской политики.

Среди оставшихся немецких психологов нашлись такие, которые выступили в качестве основателей нового направления в психологии, получившего название «антропологической психологии», или «психологической антропологии». Можно назвать из них Йенша и Фолькельта, а также их сподручных — Тумлирца, Циллинга, Арнольда, Фишеля.

Немногочисленная группа «антропологических» психологов занималась экспериментированием, изучая проблемы ощущений и восприятий, мышления, навыков и особенно типологии личности. Однако, как показывает знакомство с их работами, они интересовались при этом не закономерностями психических явлений, а установлением «соответствия» между расой и особенностями ощущений, мышления и т. п. Цель «антропологической психологии», таким образом, прямо определялась теми классовыми задачами, которые были поставлены перед нею идеологами и политиками фашистского государства.

Каков характер экспериментальных работ немецко-фашистских «антропологических» психологов, можно судить по следующим данным.

В работе «Психофизические структуры у кур», принадлежащей бойкому перу психолога Арнольда, приводятся результаты его наблюдения и экспериментирования над курами различных пород. Автор работы прихо-

дит к выводу, что «нордические расы кур» более спокойны, солидны, южные же куры быстрее подчиняются курам «нордических» пород, так как у них имеются зачатки рабства. Йенш тоже уделял в своей деятельности внимание «куриному вопросу»: он написал «исследование» под выразительным заглавием — «Курятник как средство исследования и обоснования человеческих рас». На основе «экспериментов» Арнольда и Фишеля он приходит к выводу об «одинаковости» наследственности у животных и человека, о наличии расовых, наследуемых особенностей у «нордических» и «южных» пород животных, в частности кур, а следовательно, и у человека. Как прямо заявил Тумлирц, такие «исследования» имели основной задачей обосновать представление о господствующем положении нордической расы.

Эксперименты над человеком, которые проводили «антропологические» психологи, поражают своей примитивностью и претенциозностью. Так, Шлейер «изучал», например, находится ли в прямой зависимости от «типа» человека его способность набрасывать кольца на колышек. По его данным, такая связь определенно существует. Он различает два типа людей: тип *S* и тип *J* — плохой и хороший. Другие психологи применяли так называемый текст Геккмана. Он состоял в том, что испытуемому предъявляли бумагу, которая была запачкана кляксами. Испытуемых спрашивали, не усматривают ли они в бесформенном нагромождении пятен очертания какой-нибудь фигуры. Одни из них якобы всегда видели при этом рисунок, другие такой способностью не обладали.

Проводились и более серьезные исследования, но постоянно с той же целью — выяснить, нет ли каких-нибудь расовых особенностей у людей и нельзя ли найти способ определения человеческих типов. К их числу относятся опыты Фриша по измерению сопротивления кожи электрическому току, опыты с применением призматических очков, употреблявшихся при рассматривании вертикальных линий (при этом некоторые люди видят их искривленными), и некоторые другие.

Основываясь на «исследованиях», подобных экспериментам с курами, в соответствии с расовой доктриной германского фашизма Йенш провозгласил свою «теорию» типов человеческих рас. По его мнению, людей

можно разделить на пять типов: S_1 , S_2 , J_1 , J_2 , J_3 . Первые два типа являются якобы плохими, остальные — хорошими. Качество типа определяется качеством крови. Структурные признаки типов, писал Йенш, находят свое проявление и в высших, и в средних, и в элементарных душевных процессах; поэтому-то типы и поддаются будто бы экспериментально-психологическому выявлению. У хороших типов, по его мнению, наблюдается превосходство «глубинных, бессознательных сил» над разумом; такой тип мало связан со своим окружением и действует, прислушиваясь к голосу «инстинкта».

Провозглашение культа бессознательного, иррационального — таков второй мотив, навеянный непосредственно фашистской идеологией, роднящий «антропологическую психологию» с фрейдизмом.

Нет нужды в том, чтобы подробно критиковать вздорные, бездоказательные положения «антропологической психологии», основанные на фальсификации результатов некоторых экспериментов. Экспериментальные работы немецких психологов периода фашизма были повторены вскоре после их опубликования в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. По свидетельству советских, английских и других психологов, методика «антропологических» психологов не выдерживает никакой критики, а выводы не соответствуют тем фактам, которые они получили и широко разрекламировали. Экспериментально-психологическая основа их «теорий» — это видимость, камуфляж тех же самых расистских взглядов, которые составляли фашистскую идеологию.

«Антропологическая психология» является еще одним примером обусловленности психологических теорий нашего времени конкретными общественно-историческими условиями.

2. ПСИХОЛОГИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отличительной особенностью психологии в Западной Европе и в США периода второй мировой войны является то, что продолжала усиливаться тенденция к сближению между представителями европейских школ психологии и американского направления в этой дисциплине — бихевиоризма.

Было бы неправильным объяснять это сближение лишь тем, что они оказались в непосредственной близости друг от друга. Личные контакты, конечно, имели немаловажное значение при оформлении этой тенденции, однако самой важной причиной, побудившей к «европеизации» теорий американских психологов и к «американизации» некоторых европейских, является то, что ни те, ни другие не могли правильно объяснить полученные факты. Тенденцию к сближению следует рассматривать, таким образом, как результат банкротства, несостоятельности идеалистических психологических систем, как попытку одних идеалистов-психологов выйти из создавшегося кризисного состояния путем заимствования некоторых положений из арсенала других психологов-идеалистов, являвшихся их идейными оппонентами.

Вместе с тем перед началом второй мировой войны активную работу развернули как в фашистской Германии, так и особенно в США, Франции и Англии представители отраслевых направлений, в первую очередь военные психологи.

В течение второй мировой войны психология в европейских капиталистических странах вновь переживала период застоя, связанный с резким свертыванием экспериментальных и теоретических исследований, не имевших прямого отношения к войне. В Германии, Франции и других странах перед окончанием войны психологическая работа почти вовсе не велась.

Иное положение наблюдалось в новом мировом центре идеалистической психологии — в США. В течение всей войны психологи не прекращали своей деятельности, особенно те, которые были связаны с разработкой проблем военной психологии.

Большая часть университетских психологических лабораторий в той или иной степени работала на вооруженные силы. Общее число американских психологов, связанных с военной тематикой, достигало 80%. Что же касается того значения, которое имела деятельность представителей отраслевых направлений, в частности военных психологов, для дальнейшего развития психологии как науки, то оно было, по оценке даже самих буржуазных психологов, сравнительно небольшим. Тем не менее в целом психология в США, как ни в какой

другой стране мира, накапливала факты, развивалась. Мировой центр идеалистической психологии за годы второй мировой войны укрепился частично за счет ослабления позиций этой науки в других капиталистических странах.

За исключением укрепления психологии в США и ослабления ее в Европе, никаких иных изменений в этой науке за годы второй мировой войны не произошло. Однако сразу после войны в буржуазной психологии возникли некоторые новые тенденции. Обусловлены они были не «внутрипсихологическими» потенциями, а общественно-политическими причинами.

3. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ ПРОТИВ ПОПЫТОК «АМЕРИКАНИЗАЦИИ» ПСИХОЛОГИИ

Победа над фашистской Германией имела для психологии тройное значение. Во-первых, военное поражение фашизма вместе с тем означало его морально-политическое поражение, крах в глазах всего человечества фашистской идеологии, включая расистскую теорию, основанную на признании врожденных биологических особенностей людей («культ крови», «расы» и т. д.), т. е. биорасизма. Биорасизм же имел хождение в период второй мировой войны не только в фашистской Германии, но и в других капиталистических странах, так как являлся удобным идеологическим оружием в руках империалистической буржуазии. Он оказывал непосредственное влияние на психологию.

Во-вторых, разгром фашизма в Европе освободил подспудные научные силы, он дал возможность возобновить свою деятельность тем немецким, австрийским, французским психологам, которые не могли или не хотели работать при фашизме. В-третьих, после окончания второй мировой войны правящие круги Соединенных Штатов Америки, претендуя на мировое господство во всех сферах жизни, в том числе и в науке, повели открытое и активное наступление с целью «американизации» концепций европейских ученых, в частности психологов. Это обусловило возникновение новых взаимо-

отношений между европейскими и американскими психологами, которых не наблюдалось никогда ранее.

Авторы американского «плана Маршалла» в науке не стеснялись в выборе средств и не останавливались перед огромными затратами с тем, чтобы подчинить своему влиянию европейских ученых. Осуществление этой задачи, поставленной перед ними монополиями, разбогатевшими во время войны и жаждавшими господства во всех отношениях и во всем мире, казалось им легко выполнимым, выгодным бизнесом. Однако на деле им не удалось полностью достичь поставленной цели; подчас назойливое насаждение американских идей давало прямо противоположный эффект — вспышку антиамериканских настроений среди некоторых ученых Западной Европы.

В психологии попытки «американизации» представлений европейских ученых привели к следующим результатам. Некоторая часть психологов действительно подпала под влияние американских идей в психологии и сделалась пропагандистами американской социальной психологии, американского неофрейдизма, психологии труда, военной психологии. (Однако «европеизированный» необихевиоризм после второй мировой войны так и не получил в капиталистических странах Европы значительного распространения.) Другая же часть буржуазных психологов, не смея открыто выступить против поддерживаемого правящими кругами положительного отношения ко всему американскому, стала противиться «американизации» их теорий. В числе их находился уже упоминавшийся ведущий австрийский психолог П. Гофштеттер, автор большого числа работ по различным вопросам психологической науки, профессор Грацкого университета.

Чтобы привлечь «непокорных» европейских психологов на свою сторону, американские правящие круги пригласили их посетить США и познакомиться «на месте» с достижениями и превосходством американской психологии и американского образа жизни. В числе приглашенных находился и Гофштеттер. В течение года вместе с другими психологами он работал в различных американских психологических лабораториях. Организаторы этой поездки надеялись, что по возвращении европейские психологи будут расхваливать положение науки,

в частности психологии, в США и тем самым станут способствовать осуществлению планов «американизации» Европы. Однако расчеты американских правящих кругов не оправдались. Деньги они затратили, поездка в США состоялась, но эффект получился не тот, какой они желали получить.

Примерно через год после возвращения из Америки Гофштеттер опубликовал работу «Психология и жизнь» (1951 г.), в которой заявлял о процветании психологии в Америке и ставил это в укор тем, от кого зависит состояние психологии в Европе. Он рассматривал в этой работе много актуальных для зарубежных психологов вопросов, а именно: отношение психологии к практике, связь психологии с философией и религией, приводил новейшие экспериментальные данные, полученные психологами в Европе и Америке. Но все это он делал для того, чтобы поставить вопрос об отношении европейской системы психологии (имеется в виду психология в Западной Германии, Австрии и Швейцарии) к бихевиоризму.

Как же характеризует Гофштеттер взаимоотношение обеих систем психологии?

Рассмотрим эту проблему несколько более подробно, поскольку она имеет, по нашему мнению, важное значение для понимания современной буржуазной психологии.

Первым вопросом, выдвинутым Гофштеттером в его книге, является вопрос о связи любой психологической системы с той или иной религиозной доктриной. По глубокому убеждению австрийского психолога, англо-саксонская психология соответствует догмам кальвинистской церкви, пользующейся популярностью в США. «Бихевиоризм немыслим ни на католической, ни на лютеранской основе... Кальвинистская традиция Америки способствовала возникновению бихевиоризма»¹ — таково его категорическое утверждение. В противоположность этому центральноевропейская «традиционная» психология соответствует, по мнению Гофштеттера, доктринам католической и лютеранской церквей.

В своей книге Гофштеттер подробно обосновывает

¹ P. R. Hofstätter, Die Psychologie und das Leben, Wien-Stuttgart, 1951, S. 122.

этот тезис. Так, например, он отмечает, что кальвинизм и бихевиоризм одинаково относятся к оценке роли действия, деятельности в жизни человека, а «традиционная» центральноевропейская психология, подобно католицизму и лютеранству (между которыми в этом отношении нет разницы), в качестве центрального положения своей системы имеет представление о самостоятельном существовании особых «психологических» сущностей, «ценностей», «культуры», «Я» и т. д., которые являются первичными по отношению к внешнему миру и в конечном счете, как признает Гофштеттер, выражением божества.

Установив связь основных школ идеалистической психологии с господствующими в капиталистических странах религиозными доктринами (и это сделано им весьма убедительно), Гофштеттер ставит затем другой вопрос: может ли правоверный католик, к числу которых от причисляет и себя, терпимо относиться к психологии, которая соответствует кальвинизму? Вполне понятно, что Гофштеттер дает на поставленный вопрос отрицательный ответ. Он не скупится при этом на самые нелестные высказывания в отношении кальвинизма. Кальвинизм, пишет он, есть выражение «радости предпринимательства раннего капитализма», «утопия голландских разводителей тюльпанов»¹, обретших в США свою вторую родину.

Однако Гофштеттер критикует кальвинизм не за то, что он является одной из разновидностей ненаучного миропонимания, не за то, что он стал оружием в руках американской буржуазии, которая с помощью кальвинистской церкви стремится внушить простым людям своей страны, что каждый нищий и безработный может сделаться миллионером, если станет послушным, будет делать «бизнес» и беречь доллары. Он критикует его только за несоответствие догматам католической и лютеранской церквей, т. е. другим формам религиозного миропонимания.

Поскольку кальвинизм плох, Гофштеттер критикует и соответствующий ему бихевиоризм за отрицание «души», за акцентирование внимания на проблеме поведения и т. п. В своей книге он приводит факты, свидетель-

¹ См. *P. R. Hofstätter, Die Psychologie und das Leben*, S. 137.

ствующий о многих неудачах и ошибках американских бихевиористов.

Критика Гофштеттером кальвинизма и бихевиоризма свидетельствует о том, что он ведет борьбу с ними с позиций не подлинной науки, а идеализма. Эта критика — защита идеализма одного оттенка в противовес идеализму другого оттенка: он против психологии грубого американского предпринимательства на кальвинистской основе, но за психологию на католическо-лютеранской основе, за психологию «чистого духа», мечтательности, романтической таинственности и «беседы» с божеством, что так импонировало в свое время немецкому бюргеру. «Психология, — пишет Гофштеттер, — через теологию должна простирается к религии и высшему миру»¹. Психология вместе с религией должна, в понимании Гофштеттера, связать человека с богом.

Выступление Гофштеттера за союз психологии с религией не является случайностью. Оно имело место в то время, когда идеалистическая психология в Центральной Европе вступила в полосу острого кризиса. Такие психологи, как Гофштеттер, пытались и пытаются поднять ее авторитет, используя идейное родство идеалистической психологии с еще влиятельной в странах капитала религией.

ВЛИЯНИЕ ФРЕЙДИЗМА НА ИДЕЙНУЮ ЖИЗНЬ В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Современное состояние психологии в странах капитала характеризуется широким распространением фрейдизма и его различных разновидностей, оказывающих влияние на все стороны идейной жизни капиталистических стран. «Центром фрейдистского психоаналитического метода в настоящее время являются Соединенные Штаты Америки, — справедливо отмечает американский философ-марксист Г. Уэллс, — к тому же психоанализ распространяется по всему миру, куда он только может проникнуть. В США за последние тридцать-сорок лет психоанализ охватил почти все стороны жизни страны — от культурных областей (таких, как литература, театр, кино) до педагогики, производственных отноше-

¹ P. R. Hofstätter, Die Psychologie und das Leben, S. 271.

ний, благотворительной деятельности, медицины, экономики, социологии, антропологии и многих других, и он продолжает расти и распространять свое влияние»¹.

Социолог Фельдман, говоря о влиянии и популярности социологических воззрений Фрейда, заявляет, что американцы смотрят на психоанализ как на лекарство от всех страданий человечества, а многие видят в нем новую форму религии. В США выходит немало книг, в которых делается попытка использовать фрейдизм и неофрейдистские течения для объяснения различных общественных явлений, например: «Влияние Фрейда на социологию», «Влияние психиатрии (читай: психоанализа. — Н. М.) на антропологию», «Общество как пациент», «Социальные неврозы» (автор последней работы, Сейз, между прочим, всех, в том числе и себя, считает невротиками).

Показательно для фрейдистского засилья в идейной жизни капиталистических стран то, что на основе фрейдизма и неофрейдизма там возникли новые школы, направления и теории в философии и психологии. Одним из современных идеологических направлений, связанных с фрейдизмом, является психорасизм.

Психорасизм. В период после окончания второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки на основе фрейдистской концепции получил исключительно большое распространение новый вариант расовой теории, называемый психорасизмом. Психорасизм является одной из тех теорий, которая призвана объяснить многие социальные явления и которая пользуется симпатией и поддержкой со стороны правящих кругов и идеологов буржуазии.

Философской основой психорасизма является прагматизм; многие положения психорасисты заимствуют из фрейдизма, специальные вопросы они рассматривают исходя из данных американских этнографов, образующих так называемую историческую школу.

Характеризуя идейные истоки и основы психорасизма, в первую очередь следует коротко остановиться на исторической школе в американской этнографии, которая представляет собой по существу вариант «культурно-исторической школы» в немецкой этнографии.

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 42.

Сторонники последней считают, что культура — самостоятельно существующая субстанция, стоящая над народом. Как заявлял один из представителей этой школы, немецкий этнограф Фробениус, культура — продукт самой себя, она не создается народом, который является лишь пассивной суммой индивидов, усваивающих готовые «культурные ценности», а вырастает сама из себя. С точки зрения сторонников исторической школы в этнографии, общество — это совокупность «основных личностей», обладающих специфическими психическими особенностями. «Основные личности» они подразделяли на «выдающиеся» и «слабые». Между последними и обществом в целом нередко возникают конфликты; объясняется это, по мнению американских этнографов, не тем, что одни эксплуатируют других, а опять-таки особенностями психики: у «слабых» личностей психическая «неполноценность» компенсируется появлением тенденции к разрушению чего-либо в окружающей их среде (это положение заимствовано этнографами из психоаналитической школы Юнга).

Даже приведенные положения сторонников исторической школы в американской этнографии не оставляют сомнения в ее идеалистическом характере: американские этнографы вслед за немецкими искаженно представляют себе культуру наподобие какой-то самостоятельной субстанции; не признают роли народных масс в истории развития общества; исходя из ложных принципов, разделяют капиталистическое общество на «группы», игнорируя при этом классовый подход, и т. д. Именно эти ненаучные положения оказались весьма удобными для их синтеза с фрейдизмом.

Центральным положением психорасистов (А. Кардинера, Р. Линтона и других) является утверждение, будто психика человека формируется только в самом раннем детстве. Это убеждение, как нетрудно понять, заимствуется из «классического» фрейдизма, согласно которому именно в раннем детстве проявляется пресловутый «эдипов комплекс», от которого зависит характер личности. Однако в отличие от Фрейда под влиянием исторической школы в этнографии психорасисты утверждают, что формирует психику не «эдипов комплекс» и не половой инстинкт, а «культура», которая накладывает свой отпечаток, как они говорят, на «ранние

опыты детства». Под термином «ранние опыты детства» они понимают все, что можно сказать в отношении младенца: как он берет грудь матери, когда начинает самостоятельно ходить, проситься на горшочек и т. д.

Американские психорасисты и этнографы сосредоточивают усилия на том, чтобы детально проследить «ранние опыты детства» у различных народов. Так, К. С. Форд изучал протекание беременности, рождение и раннее детство у представителей 64 народов¹. Маргарет Мид с этой же точки зрения описала «психику» племени арапеш на острове Новой Гвинеи, К. Дюбуа посвятила свою работу «психике» некоторых народностей Индонезии. К каким же выводам пришли эти исследователи? Как пишет Мид, арапешы пассивны, безвольны, склонны к подчинению, потому что их слишком балуют в детстве грудью². В работе «Народ Алора» Дюбуа утверждает, что алорийцы обладают подозрительностью, отсутствием уверенности в себе, непостоянством, безынициативностью и т. д. в силу будто бы того, что детей поздно учат ходить³. Переоценку значения первых лет жизни ребенка для формирования психики допускает и Леон Зоул. Он заявляет, что войны, политические конфликты и внутренние социальные проблемы возникают в результате неправильных методов воспитания детей⁴.

Фиксируя те или иные особенности воспитания ребенка и сравнивая их с чертами психики взрослых, психорасисты не уделяют внимания социально-политическому анализу их образа жизни. Они устанавливают, как едят отсталые племена, но упускают из виду, что они едят. В объемистой книге Дюбуа лишь вскользь упоминается о голландском колониальном гнете, отсутствии элементарных человеческих прав у народа Алора, его плохом питании. Не учитывать всего этого при характеристике культуры алорийского народа — значит допускать субъективизм, произвол в научном исследовании, сознательно выбирать одни факты и игнорировать дру-

¹ См. *C. S. Ford, A Comparative Study of Human Reproduction*, 1945.

² См. *Margaret Mead, Sex and Temperament in Three Primitive Societies*, «From the South Seas», New York, 1939.

³ См. *C. Du Bois, The people of Alor*, New York, 1944.

⁴ См. *L. Saul, The Individuals Adjustment to Society*. «*Psychoanalytic Quarterly*», v. 18, № 2, 1949.

гие, которые нарушают «стройность» разделяемой исследователем «системы».

Как и американские этнографы, психорасисты (вслед за фрейдистами) утверждают, что психика ребенка после 4—6-летнего возраста «затвердевает» и не способна к дальнейшим изменениям. Поэтому раннее детство определяет собой все будущее людей. Известный в США психолог Александер отмечает в связи с этим, что «ранние опыты детства» могут быть такими, что в дальнейшем в любой социальной ситуации из ребенка получится преступник. Социальное положение индивида, утверждает он, определяет его поведение только в незначительной степени¹.

Таким образом, если биорасисты говорили о роковой предопределенности места и роли людей в обществе в силу каких-то биологических задатков, то психорасисты «подправляют» это положение, утверждая, что общественное положение людей предопределяется «культурой» в виде «ранних опытов детства». Но главное — идея о неизменяемости психики, мышления, форм поведения у взрослого человека, отрицание зависимости психических особенностей от условий среды и фатальная обусловленность их какими-то независимыми от его сознания силами — сохраняется психорасистами так же, как и их предшественниками — биорасистами.

Важным пунктом концепции психорасистов является их положение о том, что «культура», определяющая «ранние опыты детства», во все времена остается неизменной. Человек передает свою культуру, так же как свои гены, заявляет Клакхон и Келли². Столь странная особенность «культуры» объясняется психорасистами тем, что люди, оказывается, безотчетно, инстинктивно улавливают требования «культуры» и подчиняются им; при этом они не в состоянии самостоятельно изменить «культуру». Получается, что те самые «инстинкты», против которых психорасисты открыто выступали, протаскиваются ими с черного хода: без этого им трудно создать представление о неизменности человеческой природы.

¹ См. F. Alexander, *Psychoanalysis and Social Desorganization*. «The American Journal of Sociology», v. XLII, № 6, 1937, p. 784.

² См. C. Kluckhohn and W. Kelly, *The concept of culture*. «Science of man in the World Crisis», 1945.

«Теория» психорасизма, основанная на идеалистических посылах буржуазной этнографии, фрейдизма и прагматизма, нередко кажется некоторым не лишенной «здорового смысла»; обыденный опыт действительно свидетельствует о том, что многое в психике закладывается в ранние годы жизни человека. Однако вопрос не столько в признании или отрицании роли детства, сколько в признании или отрицании его фатального значения. Психологи-материалисты справедливо утверждают, что никакой фатальной предустановленности способностей, характера человека не существует, что все основное, свойственное человеку как личности, может быть воспитано в течение всей его жизни.

Материалистическая психология признает, что действительно в раннем детстве происходит процесс быстрого формирования психики ребенка. Психика взрослых людей претерпевает более медленные изменения. Но объясняется это не столько тем, что мозг человека в какие-то периоды способен более легко образовывать новые связи и разрушать старые, сколько различными условиями жизни человека. Для ребенка окружающая среда представляется чрезвычайно подвижной и изменчивой; это объясняется тем, что ребенок впервые сталкивается со многими явлениями, процессами нашей многообразной действительности. Для большинства же взрослых людей среда кажется несравненно более стабильной, более «привычной», обыденной. Поэтому прав Фурст, указывающий, что «причиной *кажущейся* медлительности изменений личности большинства взрослых людей является тот факт, что мы обычно живем при одинаковых общественных отношениях и обстоятельствах, в условиях одной и той же деятельности, что, по существу, имеет первостепенное значение для формирования наших взглядов, а все это ведет к сохранению у человека одних и тех же мыслей, чувств, оценочных суждений и побуждений благодаря постоянному подкреплению их повседневным опытом... Другая причина того, почему кажется, будто сознание взрослого человека изменяется крайне медленно, состоит в том, что мы обычно рассматриваем изменения, происшедшие за слишком короткий период времени»¹. В своей работе Фурст приводит убе-

¹ Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 174.

дительные примеры тех изменений, которые происходят в психике взрослых людей в прямой зависимости от изменяющихся социальных условий.

Данные материалистической психологии, основанные на большом числе наблюдений за людьми, находящимися в различных условиях, свидетельствуют о ложности утверждения психорасистов, будто психика людей изменяется лишь в раннем детстве, становясь затем «косной».

Психорасисты сознательно идут против многочисленных и общеизвестных фактов. Это делается ими потому, что они стараются выполнить социальный заказ буржуазии: подновить расовую теорию, сохранив ее сущность, с помощью расизма оправдать захватническую политику американских монополий, фальсифицируя причины отставания народов многих стран Азии и Африки.

Об этом откровенно сказал профессор Колумбийского университета Джон Берджес. Азия и Африка, заявил он, могут когда-либо достичь политической самостоятельности не иначе, как только путем подчинения «выдающимся нациям». С точки зрения психорасистов, не социально-экономические условия определяют уровень развития того или иного народа, а фрейдистские по своей сущности индивидуально-психологические «закономерности».

Провозглашая фатальную обусловленность психики человека «культурой», психорасисты утверждают, что она не может быть изменена представителями этой «культуры», поскольку они находятся как бы в ее плену. В то же время они допускают, что она может быть изменена другими, «пришлыми» людьми. На этом основании они оправдывают необходимость колониальной системы, рассматривают порабощение других стран американскими монополиями как «благотворное» явление: колониализм-де способствует изменению «культуры» отсталых народов, без этого они сами не смогут изменить своих традиционных «ранних опытов детства», а следовательно, и свою «структуру характера», образ мышления и все особенности психического склада.

Концепция психорасистов — яркий образец идеализма в психологической теории. В психорасизме сконцентрированы все наиболее типичные представления, которые разделяются самыми реакционными буржуазными пси-

хологами: о пассивности человека, о неспособности его изменять окружающий мир, и в особенности эксплуататорский общественный строй, о неизменяемости «культуры» (общества в целом) и психики людей. Отстаивая эти представления, психорасисты тем самым идут против фактов истории и положений научной психологии, оказываются в одних рядах с апологетами буржуазии, заинтересованными в фальсификации общественных явлений и в ложном свете освещающими исторический процесс. Выдвигая положение о фатальной предопределенности судеб людей, они тем самым принижают роль разума в жизни людей, роль народных масс — творцов истории — в общественной жизни и смыкаются с теми реакционными психологами, которые иным путем, иными способами (но по тем же идеологическим соображениям) организовали поход против разума, проповедают реакционные идеи о всемогуществе «лидеров».

Обветшалые идейки биорасизма, несостоятельность которого стала очевидной для самых широких кругов населения земного шара особенно после окончания второй мировой войны и краха немецко-фашистской идеологии, психорасисты наряжают в новые одежды.

Психорасизм нужен империалистической буржуазии для оправдания колониализма, невиданной эксплуатации народов Африки, Азии и других частей света. И сторонники психорасизма отлично понимают это. Не удивительно, что в свое время один из них потребовал от правительства США огромную сумму денег (примерно столько, сколько стоило для США изобретение атомной бомбы) для составления клеветнических по содержанию, колониалистских по духу, расистских характеристик всех народов нашей планеты.

Реакционная идеологическая роль психорасизма совершенно очевидна. Как и шовинизм, он используется империалистической реакцией «для разжигания националистических и расовых конфликтов, травли целых национальностей и рас (антисемитизм, расовая дискриминация негров, народов слаборазвитых стран), для затемнения классового сознания трудящихся, отвлечения пролетариата и его союзников от классовой борьбы»¹.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 53.

Проникновение фрейдизма в педагогическую психологию. За последнее время в психологической литературе различных капиталистических стран широко обсуждаются такие психолого-педагогические проблемы, которые имеют непосредственное отношение к социологической проблематике. В этой связи некоторые психологи (например, западногерманский психолог К. Альбрехт¹) считают, что педагогическая психология постепенно теряет свою специфику и «сходит на нет».

Вероятно, мнение Альбрехта является крайностью, однако в нем содержится правильная мысль: современная педагогическая психология все больше и больше социологизируется, сближая свою тематику с тематикой социальной психологии. Этот процесс происходит на основе внедрения фрейдизма и одновременно с падением влияния педагогической психологии. Так, Блетнер, Бузманн, Лерш, формулируя задачи вновь организованного в Западной Германии в 1954 г. журнала «Школа и психология», отмечают, что общественность их страны мало интересуется вопросами педагогической психологии. Психология находит применение в суде, но не в школе. В высших учебных заведениях тоже игнорируют «традиционную» педагогическую психологию.

Одной из проблем «социологизированной» педагогической психологии, привлекающей к себе внимание большого числа психологов в Западной Европе и в США, является проблема детской преступности. Актуальность ее объясняется резким возрастанием числа преступлений, совершаемых подростками в капиталистических странах, — фактом, который отмечают все буржуазные психологи. Так, видный английский психолог Мейс в работе «Изучение преступности у несовершеннолетних в городе» (1955 г.) считает, что в Англии детская преступность стала социальным фактом большого значения и своего рода «традицией».

В этой связи, естественно, одно из первых мест в работах буржуазных психологов занимает вопрос о причинах детской преступности. Единодушия у психологов на этот счет нет. Одни считают, что существует несколько причин, другие в качестве основной называют семейные отношения (Мейс и другие), третьи — «внутрипсихиче-

¹ См. «Schule und Psychologie» № 2, 1955.

ские конфликты» (английский психоаналитик Джексон, западногерманский психолог Херри и многие другие). Выдвижение в качестве причин детской преступности семейных отношений и «внутрипсихических конфликтов» навеяно фрейдизмом.

Наибольшее распространение при объяснении причин детской преступности получила третья точка зрения. Джексон, например, полагает, что агрессивность является естественным проявлением человеческого поведения. Вопрос для него заключается лишь в том, почему у одних детей эта агрессивность выражается в формах, приемлемых для общества, а у других — в преступлениях. Поэтому он подразделяет агрессивность на «позитивную» и «негативную». Правонарушители обладают «негативной» агрессивностью, выходящей за рамки семьи, у нервно-и душевнобольных «негативная» агрессивность остается в рамках семьи. Как заявляет Джексон, различие между больным и преступником весьма относительно: преступник является в какой-то степени нервнобольным. Точка зрения Джексона является фрейдистской, бездоказательной как по исходным представлениям, так и по конечным выводам.

На фрейдистских позициях стоят многие западногерманские и американские психологи, занимающиеся изучением причин убийств, совершенных детьми без всякого мотива (в психолого-педагогической литературе такого рода убийства получили название «бессмысленных убийств»). Все они полагают, что «бессмысленные убийства» совершаются в силу развязывания прирожденных садистско-агрессивных устремлений человека. Развязываются же они в силу снижения функции «сверх-Я» («совести»), что в свою очередь чаще всего обусловлено отсутствием в семье отца (результат гибели во время войны многих миллионов мужчин, а также разводов, сделавшихся особенно частыми после второй мировой войны), вследствие чего дети воспитываются женщинами.

Мнение о том, что между семейными отношениями и размерами преступности существует прямая связь, весьма распространено не только среди буржуазных психологов, но и среди социологов, педагогов, философов. В психологии исследованию и «обоснованию» этой точки зрения посвящены многие работы. В «Британском журнале по педагогической психологии» в 1955 г. на эту

тому было опубликовано несколько статей, в том числе статья Х. Льюис, озаглавленная «Дети, лишенные семьи». Льюис детально описывает все стороны семейной жизни, выводя из них черты характера ребенка. Наблюдение проводилось ею над семьями с перерывом в два года; параллельно изучались дети, находящиеся в детских домах. Автор утверждает, что дети, лишенные материнской любви, имеют испорченный характер, но раннее отделение ребенка от матери не обязательно ведет к превращению его в преступника. Тем не менее отделение детей до пяти лет от матери Льюис считает «предвестником» неблагоприятных особенностей в характере и будущей жизни ребенка.

Фрейдистские объяснения причин детской преступности несостоятельны в психолого-педагогическом отношении, так как основаны на субъективистских домыслах фрейдистов, и реакционны в идеологическом отношении. Делая упор на «внутрипсихическую» динамику, обусловленную семейными отношениями, некоторые особенности которых якобы фатально толкают ребенка к совершению аморальных поступков, психологи и педагоги-фрейдисты тем самым игнорируют роль социальных условий. Являясь индетерминистскими, их теории оправдывают капиталистическую действительность, возлагая вину за рост преступности в капиталистическом мире на «закономерности психики». Психологи-фрейдисты в своих работах упоминают, конечно, что подростки, взявшие в руки ножи или пистолеты, читали комиксы, в которых бесчисленное число раз описывались убийства, смотрели множество фильмов о гангстерах; однако не тлетворное влияние подобного рода литературы и искусства, не вся жизненная обстановка, по их мнению, является причиной роста детской преступности, а бессознательные силы и инстинкты. Таким образом, фрейдизм толкает психологов и педагогов на путь субъективистского истолкования причин тех явлений, которые являются социальными в своей сущности.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

После окончания второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки, а затем и в других странах капитала быстрое развитие получила социальная психология. Это объясняется тем, что в наши дни империа-

листическая буржуазия мобилизует все средства идеологического воздействия на массы, стремясь удержать их в духовном плену, пытаясь в искаженном свете представить эксплуататорскую природу капиталистического строя, раздирающие его противоречия. Социальная психология рассматривается как одна из тех наук, которая может снабдить буржуазию «рецептами» по регулированию в желательном для нее направлении «человеческих отношений» в капиталистическом обществе. Правящие круги империалистических государств поддерживают социальную психологию также и потому, что усматривают в ней ту «силу», которая способна противостоять распространению идей коммунизма.

В настоящее время в капиталистических странах Европы и в США нет единой социальной психологии; она представлена рядом школ, возникших как на основе теорий, созданных первыми немецкими, французскими и американскими социальными психологами, так и в результате работ современных буржуазных психологов — Морено, представителей психокультурного фрейдизма и других. У отдельных школ в социальной психологии нет единодушия и нередко происходят междоусобные распри, которые сами социальные психологи не прочь выдать за показатель «свободы мысли» в странах капитала, за «борьбу мнений» в целях «достижения истины». На самом же деле, как свидетельствуют факты, о которых речь пойдет ниже, разногласия среди социальных психологов несущественны. «Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами»¹ — эти характерные черты современной буржуазной идеологии, указанные в Программе КПСС, присущи и теориям социальных психологов.

Школы современной буржуазной социальной психологии, которые рассматриваются в настоящем разделе, условно можно подразделить на три группы: психолого-социологическую, социально-психологическую и микро-социологическую (социометрия).

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 53—54.

Психолого-социологическое направление. Представители его своей основной задачей считают отыскание и изучение социально-психологических фактов. Иными словами, они исходят из убеждения, что кроме индивидуально-психологических фактов существуют такие психические явления, которые одновременно являются и социальными. К этому направлению в первую очередь следует отнести школы социальной психологии во Франции и в Соединенных Штатах Америки.

В США наибольшее распространение получила школа социальной психологии, основанная на бихевиоризме. Представители ее считают своей задачей изучение взаимоотношений людей. В этой связи они понимают под «социальностью» (как еще в свое время Болдуин) общение людей друг с другом. В соответствии с этой установкой они исследуют структуру «групп» общества. «Группа», по их мнению, это сосредоточие человеческого взаимодействия, вместилище социальных процессов и изменений, область, где рождается личность, а потому — главная лаборатория психологов. Начиная с работ Ч. Кули в социальной психологии этого направления утвердилось понятие о «первичных группах» общества, т. е. самых простых, неразложимых социальных ячейках. К разряду этих «групп» Кули относил семью, группы, складывающиеся в часы досуга, соседей по квартире и т. п. По его мнению, в этих группах наилучшим образом проявляется чувство коллектива, все социальные свойства людей. Кроме «первичных групп» социальные психологи-бихевиористы различают также «вторичные группы» (цех, предприятие, учреждение как собрание людей).

Представители этой школы классифицируют «группы» также на другом основании — не по степени сложности, а по характеру организации. И с этой точки зрения они подразделяют их на «оформленные» и «неоформленные». «Оформленные группы» — это такие группы людей, которые организуются, например, администрацией и выполняют функции, предусмотренные уставом, наставлением и т. д. Бригада рабочих, цех, завод в целом — все это примеры разных «оформленных групп». За последние годы американские социальные психологи большое внимание уделяют изучению так называемых неоформленных групп — стихийно складывающихся групп совместно работающих людей на основании общности их

интересов и взглядов. Идея о «неоформленных группах» получила ныне столь широкое распространение, что стала использоваться представителями других школ социальной психологии, в том числе психологами и социологами, ведущими экспериментальные исследования в промышленности.

Социальные психологи бихевиористского толка считают, что всякая «группа» — собрание общающихся друг с другом людей. Поэтому важной задачей для них является изучение «внутригрупповых» отношений. При этом они настоятельно подчеркивают, что каждый член «группы» играет определенную «социальную роль», которая определяется в первую очередь задачами, стоящими в данный момент перед «группой», а также ее составом. Социальные психологи подробно описали различные «роли» членов «группы», в том числе и функцию «лидера».

Проблема «лидерства» и «лидеров» как частный случай «внутригрупповых отношений» привлекает особенно пристальное внимание социальных психологов в США. «Лидеры», по их мнению, своей деятельностью могут определить «психическое здоровье общества» — все, как сказали бы мы, классовые взаимоотношения в капиталистическом государстве.

Характерно для американских социальных психологов, что «лидерство» рассматривается ими как социальное явление, а следовательно, как результат общения людей в «группе». «Лидерство — социальный вопрос, — пишет Фрэзер, — заключающийся в определении отношений данной группы людей. Роль лидера может быть разной в зависимости от группы и ситуации. . .»¹ Выходит, что характер «лидерства» от самой личности не зависит.

Свое понимание «лидерства» социальные психологи бихевиористского направления противопоставляют теории других социальных психологов, которые полагают, что «лидерство» обусловлено не «внутригрупповыми отношениями», а исключительно «особыми» психическими качествами самого «лидера». (На такой точке зрения стоит большинство психологов в капиталистических странах Европы, где проводятся многочисленные иссле-

¹ J. M. Fraser, *Psychology, General-Industrial-Social*, New York, 1956, p. 240.

дования по определению индивидуально-психологических качеств, необходимых для «лидера» в промышленности, в армии и т. д.).

Наряду с изучением «внутригрупповых отношений», в связи с которым возникла проблема «лидеров», социальные психологи бихевиористского направления занимаются также «межгрупповыми отношениями». Из различных аспектов этих отношений они, в частности, особо выделяют ныне так называемый процесс приживания новых членов. Под «приживлением» они имеют в виду пополнение состава «группы» новыми членами, входившими ранее в другую «группу». Эта проблема является для них особенно актуальной в связи с большой текучестью рабочей силы, обусловленной безработицей.

Социальные психологи придают также большое значение изучению приемов и способов воздействия «лидеров» на других членов данной «группы» и даже иных «групп». Этот раздел получил специальное название — «психология пропаганды».

Как определяет американский психолог А. Эдвардс из университета Мерилэнд, пропаганда — это влияние на поведение людей с помощью слов или манипуляций какими-либо символами. Теоретическую основу такого рода понимания пропаганды составляет, таким образом, бихевиористская концепция «стимул — реакция».

Поскольку воздействие на людей словами как стимулами осуществляется не только при пропаганде, но и в процессе обучения, воспитания, социальные психологи ограничивают понятие «пропаганда» следующим образом: пропаганда — это процесс влияния меньшинства на большинство путем прежде всего внушения (тогда как обучение — это влияние большинства на меньшинство и без помощи внушения).

По мнению социальных психологов, пропагандисты-«лидеры» должны подбирать «стимулы» (по их терминологии, создавать «поле стимулов») так, чтобы помешать нежелательным видам поведения тех «групп», на которые рассчитана пропаганда. С этой целью пропагандист может, как гласит рекомендация Института пропаганды США (рассчитанная отнюдь не на широкую публику), игнорировать неугодные факты, упоминая только о тех, которые кажутся подходящими для него; исказить

факты или приводить вымышленные, с тем чтобы отвлечь внимание слушателей от нежелательных явлений, и т. п.

В той же рекомендации пропагандистам разрешается с целью создания более продуктивного «поля стимулов» привешивать обидные ярлыки своим противникам, чтобы вызвать отрицательное отношение к ним; при изложении «своей» программы не скупиться на такие слова, как «свобода», «мир», «ценность», с тем чтобы придать им «позитивный» характер; ссылаться возможно чаще на «положительные авторитеты». В инструкции также указывается, что пропагандист обязан играть в «народность», представлять свои личные мнения таким образом, будто они являются «мнением народа», разделяются большинством.

В разработке всей этой техники лжи и обмана принимали участие многие видные американские социальные психологи: Дуб, автор работы «Пропаганда; ее психология и техника», Лассуэл, опубликовавший книгу «Пропагандистская техника во время мировой войны», Ньюкомб, перу которого принадлежит книга «Личность и социальные изменения», где рассматриваются вопросы буржуазной пропаганды, а также такие социальные психологи, как Аннис, Н. Мейер, Брунтц, Фараго, Фримен, Г. Хартманн, Мокк, Ларсен, Петерсон, Терстон и другие.

«Психология пропаганды» — яркое свидетельство того, что деятельность социальных психологов бихевиористского направления не рассчитана на теоретизирование насчет «групп» и существующих «взаимоотношений» между членами «групп» и «группами», что авторы психолого-социологических теорий стараются применить свои взгляды к решению практических задач, притом так, чтобы это решение было выгодно правящим кругам империалистической буржуазии.

Кроме бихевиористской школы к психолого-социологическому направлению можно отнести также генетическую школу социальной психологии. Одним из видных ее представителей является О. Клайнберг. В работе «Социальная психология» Клайнберг пишет, что общая психология занимается изучением активности человека, социология — поведением «групп», социальную же психологию «можно определить как науку, изучающую поведение индивида, направленное на другого инди-

вида»¹. Такое понимание социальной психологии, казалось бы, ничем не отличается от бихевиористского; однако автор добавляет, что, вообще говоря, всякая психология — социальная наука. Это последнее утверждение является наиболее важным для понимания генетической точки зрения в социальной психологии.

По мнению Клайнберга, поскольку человек постоянно находится под влиянием «группы», все его поведение, весь он сам социально обусловлены. Это значит, что ни поведение, ни психические явления нельзя объяснить с точки зрения биологии или физиологии; это можно сделать лишь с позиций социологии, устанавливая, какие индивидуально-психологические особенности людей и каким образом видоизменяются под влиянием условий общественной жизни. Именно тем, утверждает он, как влияет «группа» на индивида, что приобретает он в результате этого влияния, какие «социальные» моменты существуют в ощущениях, памяти и других психических явлениях, и должна заниматься социальная психология.

Точка зрения Клайнберга является генетической. По его мнению, влияние «группы» на индивида возможно наблюдать и в мире животных. В связи с этим считается правомерным говорить о «социальности» поведения и психики животных. Сам Клайнберг полагает, что изучение животных «коллективов» дает благодатный материал для понимания «социальных феноменов» общества в их генетически простейшей форме. Он допускает также, что у животных имеются «элементы культуры» и даже зачатки «языка».

Одной из задач социальной психологии представители генетического направления считают изучение мотивов человеческого поведения. По их мнению, мотивы подразделяются на зависимые от среды и независимые. К первым относится родительский мотив, агрессивность, стяжательство, стремление к собственности, самоутверждение, самосохранение; ко вторым — сексуальность, ревность, запрет кровосмешения, любознательность и т. д. Так же, как и мотивы, подразделяются, анализируются и потребности. В целом личность представляется как конгломерат природных и «социальных» (тех, которые формируются в процессе общения, воспитания) свойств.

¹ O. Klineberg, *Social Psychology*, New York, 1948, p. 3.

Таковы проблемы, которые ставят перед собой представители психолого-социологического направления в социальной психологии, и некоторые из сделанных ими выводов. Каков же идеологический смысл их работ?

Прежде всего следует отметить, что социальные психологи бихевиористской школы придают своим теориям о «группах» общества не столько психологическое, сколько социологическое значение. Изучая «группы», они утверждают, что анализируют общество, подменяя тем самым весьма актуальный и остро стоящий перед буржуазными идеологами вопрос: существуют ли ныне в капиталистическом обществе классы? По мнению социальных психологов бихевиористской школы, никаких классов в марксистском смысле этого понятия в современных условиях в буржуазном обществе вообще нет и быть не может. Классы, деление общества на классы, пишет в этой связи американский социальный психолог Спротт, — это представления, порожденные абстракцией. В действительности, продолжает он, никаких классов нет и общество состоит из конкретных мужчин и женщин, обладающих определенными нуждами, намерениями, желаниями, находящихся в каких-то взаимоотношениях друг с другом и образующих «группы». Этими реальными людьми, их конкретными желаниями, взаимоотношениями и должны заниматься, по мнению Спротта, социальные психологи. Иными словами, ссылаясь на факт существования человеческих коллективов («групп») в любом обществе, внутри классов они извращают понимание буржуазного общества в целом. Употребляя понятие «группы» вместо понятия «класс», рассматривая любые отношения людей, которые могут служить основанием для их объединения в «группы», социальные психологи упускают из виду главное — отношение их к средствам производства.

Пропаганда идеи, будто в буржуазном обществе перестали существовать классы и остались лишь одни «группы», соответствует устремлениям тех защитников капитализма, которые, как отмечается в Программе КПСС, пытаются замаскировать эксплуататорскую природу буржуазного строя и приукрасить капитализм¹.

¹ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 52.

Социальные психологи бихевиористской школы своими теориями о «группах» общества оказывают немалую услугу этим откровенным апологетам капитализма.

Пороки генетической школы социальной психологии напоминают пороки концепции сторонников бихевиористской школы: и те и другие ложно истолковывают природу общества. Определяя понятие «социальность», социальные психологи генетической школы упускают из виду главное — общественный характер производства, разделение людей на антагонистические классы в буржуазном обществе. По их мнению, общественные явления «вырастают» из особенностей поведения животных. О каком же классовом подходе в рассмотрении «социальных» явлений может идти тогда речь? Социальные психологи генетической школы биологизируют человеческое общество. Усматривая зачатки «языка» уже у животных, они тем самым отрывают язык от труда; труду как важнейшему фактору формирования психики человека они не уделяют никакого внимания. Пороки теории социальных психологов генетической школы являются, в частности, следствием незнания ими (или непризнания) диалектической концепции развития.

Однако было бы неправильным не замечать и того «рационального зерна», которое содержится во взглядах представителей генетической школы социальной психологии, в частности Клайнберга. Уже давно психологизм-материалисты признают, что даже ощущения человека изменяются в соответствии с требованиями общественных условий жизни людей, в частности в соответствии с требованиями профессиональной деятельности. В этой связи можно согласиться с мнением социальных психологов генетической школы в том, что психология должна изучать психические явления в аспекте их социальной обусловленности.

В сравнении с другими теориями социальной психологии генетическая школа придерживается более прогрессивных взглядов на ряд важных для психологии, и социологии проблем. Так, например, Клайнберг справедливо считает, что рост преступности, числа психических заболеваний и другие аналогичные явления лучше объясняются, с социальной, чем с биологической или психологической точек зрения. Этим он подходит к правильному пониманию пороков капитализма, сущности и про-

исхождения войн. Склонность к войнам не присуща человеческой природе, они вызываются капиталистическим обществом, его экономикой, пишет Клайнберг. Расовая ненависть возникает не из-за биологических особенностей индивидов, а в силу исторических и экономических причин. Умственное развитие человечества, по его мнению, может быть улучшено путем хорошей постановки обучения, а не применением рецептов евгеники.

Позитивный психологический материал можно найти и в тех работах социальных психологов бихевиористской школы, в которых отсутствуют непомерные претензии на широкие социологические обобщения и содержатся факты, полученные экспериментальным путем, частные по своему значению (например, о структуре и особенностях различных коллективов и т. п.).

Социально-психологическое направление. Оно отличается от психолого-социологического тем, что своей главной задачей провозглашает объяснение общественных, а не психических явлений. При этом его представители широко используют данные психологии, касающиеся психики индивида, в частности фрейдистские положения, теория инстинктов и неопрейдизм. По существу такой подход означает подмену социологии психологией, в силу чего это направление иногда называют «психологической школой в социологии». Конечная цель, которую преследуют сторонники социально-психологического направления, заключается в апологетике капиталистического строя и в фальсификации общественно-исторических явлений. Как это делается ими, можно проиллюстрировать на примере известной в США и Англии школы социальной психологии, представителями которой являются Стагнер, Страттон, Мей, Райт и другие. Главной своей проблемой они объявляют «психологию войны и мира». При этом имеются в виду такие животрепещущие вопросы современности, как сущность и происхождение войн, средства и пути предотвращения новой мировой войны. Эти вопросы, с их точки зрения, входят в компетенцию психологии.

Факты истории говорят о том, что политика захватнических, разбойничьих войн вытекает из самой природы монополистического капитализма, из его экономических основ. Монополистический капитализм порождает усиление реакции во внутренней и внешней политике,

стремление усилить национальный гнет, нарушить независимость других наций и государств. Империалистические войны являются продолжением политики правящих реакционных кругов капиталистических государств, которая в свою очередь является не чем иным, как концентрированным выражением капиталистической экономики. Англо-американские психологи социально-психологического направления пытаются «опровергнуть» этот вывод марксистско-ленинской теории. При этом они исходят, конечно, не из проверенных фактов, характеризующих развитие общества, а из субъективистских психологических соображений. Так, в книге «Социальная психология войны и мира» американский социальный психолог М. Мей пишет, что угроза новой войны всегда связана с существованием и развязыванием у людей врожденных «ужасных агрессивных тенденций». Таким образом, война — это не общественное, а биопсихологическое явление. Само собой понятно, что такая точка зрения ничего общего не имеет с научным пониманием сущности и происхождения войн.

Не менее ненаучными, произвольными являются и другие положения англо-американских социальных психологов, занимающихся вопросами «психологии войны и мира». По их мнению, в психике человека имеются якобы особые механизмы, приводящие людей к войне. Ими являются следующие три «закономерные» свойства: стереотип, национализм и милитаризм. Однако не следует думать, что под вышеназванными терминами социальные психологи имеют в виду то, что обычно понимается в науке.

Райт, Мей, Дурбин и другие психологи утверждают, что человек механически воспринимает в готовом виде культуру общества, в котором живет. Типичные для определенной группы людей привычки и представления, нормы и правила поведения усваиваются человеком и составляют его «стереотип». С точки зрения определенного «стереотипа» линчевание негров, пишет Мей в упоминавшейся работе, нужно рассматривать как нормальное явление. Ударить по лицу негра для американской белой девушки с Юга, указывает он далее, — развлечение, а для других это может показаться жестоким.

Явление «стереотипа» в свою очередь определяет якобы две особенности человеческой психики: «проеци-

рование» и «черно-белое мышление», присущие будто бы всем людям без исключения. Сущность «проецирования» состоит якобы в том, что человек видит всегда в других людях те качества, которые находит у себя самого. Под «черно-белым мышлением» понимается такая «тенденция» психики, согласно которой будто бы все люди собственные неудачи объясняют кознями других лиц или народов.

Давая свое объяснение термину «стереотип», представители социально-психологического направления допускают тем самым неоправданную подмену содержания этого понятия. В современной науке под словом «стереотип» понимается определенная закономерность высшей нервной деятельности, заключающаяся в образовании систем связей в мозгу, соответствующих системе внешних раздражителей, а вовсе не способность людей вырабатывать определенные привычки и представления, как утверждают социальные психологи. (Привычки могут возникать, и социальные психологи не потому допускают ошибку, что признают их наличие; она заключается в неправильном объяснении привычек, в необоснованном рассмотрении привычек как факторов, обуславливающих психические особенности людей, их мышление.)

Еще более фантастически выглядят две другие «закономерности» психики. В книге «Международные заблуждения» Страттон определяет национализм как удобный собирательный термин для выражения внутренних желаний и импульсов: желания превосходства своей нации и подчинения ей других, стремления увеличить территорию, богатство своей нации и ущемить другую нацию. Страттон добавляет, что импульсы эти имеют «иррациональный», бессознательный характер.

Подобное истолкование понятия «национализм» ничего общего не имеет с наукой. Национализм, как известно, — это отнюдь не психологическое понятие, и выражает оно совсем не «психологическую закономерность», как утверждают англо-американские социальные психологи¹. Понятие «национализм» является достоянием общественно-исторических наук, оно характеризует

¹ Следует подчеркнуть, что англо-американские психологи говорят о «национализме» именно как о «закономерности» психики, а не в смысле определенного образа мышления, оценки событий и т. д.

определенную идеологию и политику буржуазии. Социальные психологи выхолащивают политическое содержание понятия «национализм», искажают его сущность. Подобная фальсификация имеет вполне определенный, реакционный смысл: она сбивает с толку простых людей. Стараясь обелить политику буржуазии, социальные психологи выдают ее за проявление каких-то индивидуально-психологических, общечеловеческих «закономерностей».

Такую же фальсификацию совершают социальные психологи и с понятием «милитаризм». Они полагают, что милитаризм — это не реакционная политика вооружения и подготовки к войне, которая осуществляется империалистическими государствами с целью порабощения других народов, завоевания новых земель, получения новых рынков сбыта и сырья. По мнению социальных психологов рассматриваемого направления, милитаризм — это «закономерность» психики индивида, которая заключается в высвобождении «дремлющей агрессивности» под влиянием военной пропаганды, речей «лидеров» и т. п.

Таковы основные положения психологов англо-американской школы социальной психологии, которая относится к социально-психологическому направлению. Не факты и обобщения составляют их основу, а произвольные допущения и измышления. При этом произвол, который вносят социальные психологи в понимание общественных явлений, отнюдь не безвреден. Основываясь на изобретенных ими «закономерностях», они выступают ревностными защитниками буржуазного строя, рьяно оправдывают империалистическую политику. «Потенциальный национализм — главный психологический барьер на пути утверждения мировой организации безопасности для коллективных действий против нарушителей мира во всем мире»¹, — утверждает Стагнер, старающийся с точки зрения психологии «доказать» необходимость подчинения всех народов господству американских монополий. «Фикция об абсолютном суверенитете должна уступить место осознанию необходимости ограниченной суверенности во взаимозависимом мире. Кооперация, сложившаяся во время войны, должна пе-

¹ R. Stagner, Nationalism. «The Encyclopedia of Psychology», New York, 1946, p. 406.

решагнуть все границы»¹, — продолжает он, ратуя за отказ народов от национального суверенитета и национальной гордости, пренебрежительно называя их «иллюзиями».

Реакционные психологи-субъективисты утверждают, что предотвращение войны возможно якобы путем простой «реорганизации» существующей системы воспитания. Для этого необходимо, по их мнению, чтобы люди умели как-то контролировать свои «дремлющие инстинкты» и вовремя их обуздывать. Сделать это можно якобы с помощью самонаблюдения. «Проникновение в самого себя — вот первая цель, — говорится в статье Стагнера, посвященной вопросам войны и мира. — Контроль и регулирование агрессивного напряжения в относительно конструктивном русле — вот важная задача»².

Подобными рецептами устранения угрозы новой войны американские реакционные психологи льют воду на мельницу миллионеров и миллиардеров, заинтересованных в подготовке войны, в ослаблении всемирного движения в защиту мира. Вместо привлечения к активной борьбе за мир самых широких народных масс всех стран они рекламируют пассивность и созерцательность, вместо подлинно действенных средств сохранения мира — заведомо ложные.

Но не только это преследуют, реакционные американские социальные психологи своими проповедями «проникновения в самого себя». Познание собственных «дремлющих инстинктов и тенденций», по их мнению, необходимо людям для того, чтобы уберечься от влияния революционизирующих идей современности, от идей марксизма-ленинизма. «Человек, который не может понять своих собственных эмоций и мотивов, — пишет Стагнер, — быстрее может поддаться пропаганде, основанной на экономических, религиозных и расовых предрассудках»³.

Как видно, не в меру большие надежды возлагают идеологи империализма на самонаблюдение! Их беспокоит распространение во всем мире освободительных

¹ R. Stagner, War and Peace. «The Encyclopedia of Psychology», p. 897.

² Там же, p. 896.

³ Там же.

идей марксистско-ленинской философии. Факты действительности не в пользу капитала. Поэтому-то они и проповедуют необходимость копания в собственных переживаниях, призывая тем самым людей к уходу от реальной действительности, от познания истинных причин бедственного положения трудящихся масс при капитализме. Пропагандой индивидуализма, якобы присущего природе человека и его психике, реакционные психологи пытаются ослабить воспитательную, мобилизующую роль передовых идей в жизни и борьбе трудящихся.

Таким образом, субъективистская социальная психология, развиваемая англо-американскими психологами, бесплодна в деле действительного улучшения жизни людей, в выработке более эффективных приемов обучения, формирования правильного миропонимания, в борьбе с предрассудками. Однако она совсем не бездейственна в реакционной практике идеологов империализма. Она служит одним из идеологических орудий в их усиленных попытках оправдать и «обосновать» существование капиталистического строя и захватническую империалистическую политику.

Таково истинное назначение субъективистских, ненаучных взглядов, развиваемых представителями социально-психологического направления в современной социальной психологии.

Микросоциология. Этим термином Морено и его последователи называют свою концепцию «малых групп» общества, основу которой составляет социометрия, о возникновении и основных понятиях которой речь уже шла выше. Они считают созданную ими «науку» опытной дисциплиной, в которой теория и метод находятся в единстве¹. Целью ее является, согласно их собственному заявлению, «исправление трений» между членами «групп» общества с минимумом усилий. Формулировка цели свидетельствует о назначении социометрии — это не просто умозрительная теория, по сути дела она претендует быть действенным средством укрепления буржуазных общественных отношений.

Сторонники социометрии называют свое изобретение «народной социологией, осуществляемой народом и для

¹ См. J. L. Moreno, Who Shall Survive? New York, 1953, pp. 39 — 126.

народа»¹. Основанием для такого заявления служит то, что социометрические опыты можно ставить в домах, школах, на фабриках — всюду. Доступность постановки социометрического эксперимента рассматривается, таким образом, как «демократичность», «народность» социометрии.

Микросоциологические исследования Морено и его последователей основываются на сборе показаний людей об их симпатии или антипатии по отношению к другим людям, с которыми им приходится вместе работать или жить. На основе субъективных высказываний социометристы создают «схему взаимоотношений» в данном коллективе. Эта схема расценивается ими как «зеркало микроструктуры группы». Морено полагает, что в тех случаях, когда фактические связи людей не соответствуют их симпатиям, возникают неврозы и конфликты. Как утверждают сторонники социометрии, группировка людей (на предприятии, в общежитии и т. п.) в соответствии с их личными симпатиями предотвращает проявление классовой борьбы и способствует повышению производительности труда.

Другим способом сохранения классового мира в буржуазном обществе является, по мнению сторонников социометрии, метод «психодрамы». Как безапелляционно заявляет Морено, «психодрама» — это давно искомая социологами «терапевтическая и политическая процедура, ставящая целью помочь индивидууму или группам лучше приспособиться к коллективу»². Иными словами, этот метод объявляется Морено средством преодоления антагонистических противоречий, раздирающих буржуазное общество.

Протекает «психодрама» следующим образом. Экспериментатор-«целитель» (социометрист) подбирает группу подвергающихся изучению или исцелению лиц. Он просит их выйти на сцену и представить в лицах какую-либо знакомую ситуацию. Исследуемые должны не только говорить, придумывая на ходу темы для разговора, но и действовать. При этом социометристы полагают, что подопытные будут переживать актуальную для них ситуацию, разыгрываемую на сцене, избавляясь тем

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 75.

² Там же, стр. 54.

самым от мучающих их идей, представлений, образов и симптомов. Говоря языком фрейдистов, во время действия (игры) сам собой осуществляется катарзис (освобождение больного от мучающего его недуга).

Главное, на что обращает внимание Морено, характеризуя свой метод «психодрамы», — это «спонтанность» индивида. «Задача состоит в том, как добиться от каждого человека максимального спонтанного участия»¹, — отмечает он. Спонтанность является, по его словам, альфой и омегой всей процедуры; благодаря ей обнажаются те недоступные для восприятия при помощи органов чувств «связи», которые якобы имеются между людьми и которые были названы Морено словом «теле».

Таким образом, методы, применяемые в микросоциологических исследованиях, исходят из теоретических предпосылок социометрии и преследуют те же цели, что и теоретические спекуляции социометристов.

Сторонники социометрии вслед за Морено полагают, что «человеческое общество имеет атомистическую структуру, аналогичную атомистической структуре материи»². Оно складывается, по их мнению, из таких крупных «единиц», которые доступны для человеческого восприятия. Этими «единицами» общества Морено считал «группы» людей, которые все вместе образуют, говоря его словами, «макроструктуру» общества. Однако, поскольку люди объединяются, как убеждает Морено и его сторонники, на основе невидимых «теле», то всякая «макроструктура» как бы надстраивается над соответствующей «микроструктурой», состоящей из совокупности «теле», обуславливающих возникновение «групп» и «межгрупповые взаимоотношения». Всякое расхождение «микроструктуры» с «макроструктурой» общества приводит якобы к конфликтам и должно быть поэтому устранено (методом «психодрамы» либо изменением «макроструктуры»).

Понимание общества, содержащееся в работах социометристов, — типичный образчик психологизма в социологии (общественные явления объясняются психологически, в данном случае мифической «микроструктурой» общества). Оно направлено против научного понимания

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 49.

² J. L. Moreno, Who Shall Survive?, p. 69.

общества, имеет целью доказать внеклассовый характер капиталистического строя, возможность примирения отдельных «групп» буржуазного общества и его улучшения без изменения экономических и политических основ.

Вместе с тем Морено и его сторонники пытаются достичь и других, более близких целей, например обосновать необходимость религии. Морено понимает, что борьба с марксизмом-ленинизмом должна вестись по всем вопросам идеологии, и сам открыто становится в решении их на реакционные позиции.

Защиту религии Морено считает и своим кровным делом, и своей особой заслугой. Религия, писал он, играет большую, полезную роль в обществе: она является средством успокоения «человеческих масс» (под этим выражением надо подразумевать трудящихся), страдающих от социальных и духовных беспокойств. «Психодрама» ближе всего подходит к религии со стороны ее психотерапевтического эффекта, утверждает Морено. Кроме того, человек — это «... нечто большее, чем психологическое, социальное или биологическое существо»¹. Его отличительной чертой являются «теле». Морено старается убедить, что в мире существует божество, с которым связан каждый индивид. «Поэтому я постулировал, что на первом месте должна стоять *теория божества*. К ней нужно прийти в первую очередь, и она необходима, для того чтобы придать значение жизни любой частицы вселенной, будь то человек или простейшее. Наука и экспериментальный метод, для того чтобы соответствовать своим притязаниям, должны быть применимы к теории божества или к какому-либо другому имени, которым мы обозначаем теорию высшей ценности. Я оказался в стратегическом положении, когда старые божественные ценности умерли, а агностицизм царствовал над человечеством в первой четверти XX столетия. Я, следовательно, мог создавать новые божественные ценности, в известной степени пренебрегая прошлыми построениями. Для меня теология стала тем, что это означает дословно, — наукой о самом боге, высшей ценности, а не о боге-творце, биографии святых или религии человечества»².

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 263—264.

² Там же, стр. 264.

Таковы откровенные признания Морено. Его рассуждения о «теле», «социальных атомах», использование ультрасовременных терминов фактически сводятся к банальности: новыми словами «обосновать» старые идеи о божестве и пользе религии, в квазинаучном свете представить закономерности развития общества для борьбы с марксизмом-ленинизмом.

Именно спасение современного капитализма Морено и его последователи считают своей важнейшей задачей. Морено понимает, что в настоящее время капитализм переживает период заката и гибели, что положение его является «отчаянным и критическим». Касаясь США, он усматривает причину кризиса в «низкой сплоченности» американской нации, что объясняется якобы слабой связью различных «групп» общества между собой.

Подобное понимание кризисного состояния капитализма совпадает с тем, как определяют его другие социальные психологи (например, Мэйо), занимающиеся психологическими исследованиями в промышленности и тоже ставящие перед собой задачи «урегулирования» «межгрупповых отношений» в странах капитала.

Однако планы социометристов по психологическому «исправлению» буржуазного общества путем «психодрамы» и приведения в соответствие «макроструктуры» с его «микроструктурой» являются, само собой понятно, утопическими. Психолог может, конечно, установить симпатии и антипатии рабочего, может таким образом подобрать бригаду рабочих, чтобы она состояла лишь из людей, которые симпатизируют друг другу, но разве этим путем можно ликвидировать антагонизм между рабочим и капиталистом? В лучшем случае (и на это, собственно, и рассчитывают психологи) можно создать видимость «классового мира», временно хорошим отношением к рабочим, путем заигрывания с ними создать у них настроение благодушия и терпимости. Но никогда социометристы и другие социальные психологи не смогут в действительности затушевать классовые интересы рабочего класса, принудить его отказаться от борьбы за осуществление своих экономических и политических целей.

Наибольшее распространение социометрия получила в настоящее время в США. В Нью-Йорке существует, например, специальное исследовательское учреждение по так называемой прикладной социометрии, занимаю-

щейся экспериментированием в школах, на заводах, — Институт Морено (ранее он назывался Институтом социометрии). В Европе социометрию рьяно поддерживает группа психологов и социологов во Франции (Г. Гурвич, М. Шуценбергер, П. Мокор, И. Мезоннев) и в Западной Германии (Р. Кёниг, П. Аттесландер, Х. Трейнен, Г. Штибер). В этих странах имеются социометрические лаборатории при некоторых университетах (в том числе и в Сорбонне). Сторонники социометрии имеют свои печатные органы: в США журнал «Социометрия» (выходит с 1937 г.), во Франции «Международные тетради по социометрии», редактируемые Г. Гурвичем. В Западной Германии популяризацией социометрии занимается «Кёльнский журнал социологии и социальной психологии».

Популярность социометрии среди некоторых кругов буржуазной интеллигенции объясняется рядом причин: тем, что сторонники социометрии призывают «...взять социальную судьбу в свои собственные руки...»¹ и улучшить существующие условия жизни при капитализме; тем, что они выступают против марксизма, которого боятся представители буржуазии (последним импонируют хвастливые обещания социометристов «ниспровергнуть» марксизм); тем, что некоторые сторонники социометрии выступают против войны и создания всемирного наднационального государства под эгидой США (это относится, в частности, к социальным психологам в США и Англии). Конечно, и Морено, и Гурвич (кстати сказать, являющийся одним из активных участников движения за мир во Франции) далеки от научного понимания причин и сущности войн; однако их выступления против «неслыханной растраты ресурсов, вызванной гонкой атомных вооружений»², отвечают глубоким чаяниям широких кругов общественности США, Франции и других стран.

Философская несостоятельность и реакционная идеологическая роль буржуазной социальной психологии. Несмотря на различия во взглядах отдельных социальных психологов, их позиция в философском отношении имеет ряд общих особенностей.

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 80.

² G. Gurwitsch, Déterminismes sociaux et liberté humaine, Paris, 1955, p. 289.

Прежде всего следует отметить, что буржуазные социальные психологи так или иначе искажают сущность общественных явлений и закономерности общественных наук. Основной порок их понимания «общественного», «социального» заключается в том, что они психологизируют и вместе с тем индивидуализируют общественные явления, общество в целом. По их мнению, «общественное», «социальное» равнозначно «психическому», которое признается свойством отдельного индивида. При этом, естественно, социальные психологи игнорируют производственные отношения, существующие между людьми в обществе. Основной ошибкой Маркса, по их мнению, является то, что он не рассматривал экономические отношения людей одновременно с психологическими. Психологические отношения людей они считают не «второстепенными», а тем, с чего следует начинать изучение общества.

Отрицая объективный характер общества и законов его развития, индивидуализируя и психологизируя общественные явления, буржуазные социальные психологи выдвигают такие положения, которые направлены против научной философии и истории. Так, например, социальный психолог Райт выступает против вывода о прогрессивном характере общественного развития. В работе «Исследование войны» он заявляет, что понятие прогресса в истории следует заменить понятием «длительное изменение»¹.

Подобное понимание процесса развития общества является проявлением общей тенденции буржуазных идеологов в оценке будущего. Факты свидетельствуют о справедливости убеждения коммунистов в том, что ныне пути общественного развития ведут к коммунизму. Идеологи же буржуазии пытаются представить будущее мрачным и ужасным, стараются убедить в противовес марксистско-ленинским идеям, будто прогресс в развитии общества вообще невозможен. «Идеи прогресса и эволюции, — справедливо заметил в свое время П. Лафарг, — имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств. Философы, историки, моралисты, политики,

¹ См. *A. Wright, A Study of War*, v. I, Chicago, 1947, p. 28.

беллетристы и поэты подавали свои писания и речи под соусом прогрессивного развития... Но к середине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм. Появление пролетариата на политической арене Англии и Франции породило в душе буржуазии беспокойство за вечность ее социального господства, — и прогресс потерял в ее глазах свое очарование»¹. Действительно, в наши дни буржуазия видит в будущем страшную угрозу своему существованию и ненавидит все прогрессивное, что свидетельствует о надвигающемся конце ее господства. Не удивительно поэтому, что буржуазные социальные психологи различных направлений стараются представить будущее человечества в самых мрачных тонах.

Буржуазные социальные психологи поддерживают и укрепляют неправильное представление о соотношении общества и индивида, считая отдельную личность главной движущей силой истории. Ненаучное понимание роли личности в истории — следствие буржуазного индивидуализма, являющегося порождением и опорой частно-собственнического способа производства. Социальные психологи находят «обоснование» буржуазному индивидуализму в «закономерностях» психики.

Увлечение социальных психологов различных школ проблемой «лидеров» тоже есть следствие распространения того духа индивидуализма, который господствует в идеологии и науке капиталистических стран.

С теоретико-познавательной точки зрения все определения буржуазных социальных психологов, которые они дают общественным явлениям, роли личности в истории, страдают такими пороками, как абстрактное социологизирование, феноменализм, эмпиризм и созерцательность.

Примером абстрактного социологизирования может служить понимание социальными психологами бихевиористской школы «общения» как наипростейшего социального факта. Слов нет, общения не бывает вне коллектива, и, чтобы вскрыть его особенности, необходимо знать, кто, с какой целью, с кем и когда общается. Общение в коллективе детей отличается от общения среди

¹ П. Лафарг, Экономический детерминизм Карла Маркса, М.—Л., 1928, стр. 24.

рабочих той или иной производственной ячейки, а общение последних между собой — от того, как «общается» рабочий с администрацией завода, на котором он работает. С этой точки зрения общение как процесс может обладать своими особенностями, зависящими от коллектива, ситуации и содержания. Однако американские социальные психологи к процессу общения подходят абстрактно: общающихся членов коллективов они рассматривают с общечеловеческой точки зрения, вне их реальных жизненных взаимоотношений, в число которых в первую очередь входит отношение человека к средствам производства, к тому или иному классу общества.

Примеры абстрактного социологизирования в изобилии можно найти в социометрии. Достаточно привести рассуждение Морено, касающееся «закона социального притяжения». «Социометрическая формула социального притяжения, — пишет он, — гласит: Народ 1 (P_1) и Народ (P_2) движутся по направлению друг к другу между местностью X и местностью Y в прямой пропорции к количеству даваемого (a_1) или получаемого (a_2) притяжения и в обратной пропорции количеству даваемого (u_1) и получаемого (u_2) отвращения, причем физическое расстояние (d) между двумя местностями является постоянным, а возможности общения между X и Y — равными»¹. Что это за «народ», «местность», «притяжение», «отвращение», как не пустые, бессодержательные абстракции?

Сказанное в отношении «общения», «социального притяжения» полностью относится и к другим понятиям буржуазных социальных психологов, которые сознательно избегают в своих работах конкретно-исторического рассмотрения явлений, требующего учета производственных отношений и классовой принадлежности людей. Социальные психологи не признают (или все еще не понимают), что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что «...общественное бытие определяет их (людей. — Н. М.) сознание»².

Абстрактное социологизирование в работах социальных психологов тесно связано с феноменализмом и эм-

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 207—208.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, стр. 322.

призмом. Социальные явления для них — это прежде всего внешне наблюдаемые факты. Они могут быть малосущественными или, наоборот, важными. Но для социальных психологов это не имеет значения, для них дело в самом феноменальном, внешне констатируемом, эмпирически наблюдаемом факте. Именно так они подходят к оценке «общения», «отношений» внутри «группы» и между «группами» и к другим проблемам.

Как подчеркивают сами социальные психологи, они не хотят, чтобы их теории рассматривались как призыв к изменению общества. Не удивительно, что эти теории отличаются созерцательностью. Вот что пишет, например, западногерманский психолог Штирн: «Америка стоит сегодня перед необходимостью решить две проблемы, связанные с прогрессивной индустриализацией страны: 1) проблему, вытекающую из постоянного усиления власти промышленных предприятий, промышленных объединений и профсоюзов, и 2) проблему внутрипроизводственного характера. Они касаются в собственном смысле социальных производственных отношений и рабочего законодательства в промышленности и лишь частично имеют отношение к повышению производительности труда»¹. Занятие и той и другой проблемами не предполагает, однако, заявляет Штирн, изменения существующих в США порядков или даже обоснования необходимости социальных реформ. Это означает, что психологи свою задачу ограничивают описанием, классификацией наблюдаемых на поверхности явлений и отысканием способов предотвращения социальных конфликтов.

Одним из проявлений идеалистического характера концепций буржуазных социальных психологов является их индетерминизм — отрицание влияния общественных условий на психику, поведение людей и переоценка роли «внутренних» факторов. К числу последних в первую очередь они относят разнообразные инстинкты. В буржуазной социальной психологии отчетливо выражается тенденция выдавать общественные явления за следствия реализации «внутренних», психических потенций личности. Характерна в этом отношении точка зрения западногерманского психолога и философа Ж. Гебсера. По его мнению, ответственность за возникновение войн

¹ *H. Stirn, Die informelle Arbeitsgruppe, Dortmund, 1952, S. 17.*

несут не люди, а их психические состояния. Психические силы, овладевающие якобы людьми, сильнее любой политической или административной власти, их невозможно изменить, а следовательно, невозможно и предотвратить «темное», по его выражению, будущее¹.

С политической точки зрения индетерминистские теории социальных психологов реакционны. Объяснив, что общественные явления можно якобы исчерпывающе объяснить психологическими факторами, они тем самым извращают истинные причины катаклизмов капитализма; сосредоточивая внимание на необходимости «усовершенствования» психики, они тем самым пытаются направить усилия людей, видящих пороки буржуазного общества и не мирящихся с ними, в сторону от единственно возможного пути создания справедливого общества — пути свержения капитализма и построения бесклассового общества. Характерно, что для спасения капитализма от неминуемой гибели, для «исправления» его пороков они рекомендуют шире пропагандировать религию, средневековые мистические теории, осуществить ряд реформ, нацеленных, однако, на сохранение частной собственности на средства производства.

Так, Э. Мэйо в работе «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» путь к спасению «западной индустриальной цивилизации» (иными словами, капиталистической системы) усматривает в дополнении ее элементами отношений, свойственных варварским племенам времен Римской империи. Конкретно идея Мэйо означает поддержку теории «корпоративного государства», выдвинутой в свое время Гитлером и Муссолини. Реакционны социальные рекомендации и французских социальных психологов (Гурвича и других), которые предлагают улучшить отношения между предпринимателями и рабочими путем таких реформ, которые позволили бы «включить» рабочих в число руководителей предприятия. По их мнению, тяжелая промышленность присоединяет к природной среде, окружающей каждого человека, некую «общечеловеческую техническую среду». В этой последней могут возникать и возникают «трения» между отдельными представителями общества. Трения могут быть устранены «гуманизацией» труда пу-

¹ См. *J. Gebser, Abendländische Wandlung*, S. 169.

тем создания различного рода увеселительных и просветительных клубов. Клубы якобы не только дают возможность удовлетворить личные интересы рабочего, но и порождают «центростремительное движение» к созданию «предприятия-коллектива», в котором «все равны» и «одинаковы». Наряду с другими мерами, преследующими «гуманизацию» труда, французский социолог Фридман рекомендует также введение в штат промышленного предприятия некоторого числа «запасных» рабочих, которые могут якобы создавать «здоровую» обстановку на предприятии и повышать настроение у рабочих благодаря тому, что подменяют время от времени основных рабочих у конвейеров. «Гуманизация» труда, по его мнению, достигается также «научной организацией труда», обсуждением среди рабочих вопросов социального обеспечения и тому подобными средствами, находящимися в руках буржуазии.

Буржуазные социальные психологи нередко говорят о своей «беспристрастности» и «объективности»; классифицируя те или иные явления, они не прочь указать, что учитывают различные их «связи» и «стороны». И на самом деле, в их работах перечисляются разнообразные детали и подробности, относящиеся к изучаемому явлению. Однако в силу своего идеалистического миропонимания они не видят главных, существенных связей, характеризующих общественную жизнь, и в своих конкретных работах топят главное в мелочах и несущественных особенностях.

Буржуазные социальные психологи считают, что быть «объективным» — значит быть разносторонним, «беспристрастным», оставаться подчас на поверхности фактов. Однако правильная оценка явлений и процессов требует не только разносторонности, но и проникновения в их сущность, идейной убежденности. Социальные психологи-идеалисты своим глубоко ошибочным пониманием «объективности» искажают научное понимание этой проблемы, оправдывая тем самым произвол в теории. Поэтому многие их положения необъективны, т. е. не соответствуют фактам, являются вымышленными. Необъективность, произвольность — один из главных пороков буржуазной социальной психологии.

Следует отметить, что кроме оправдания капиталистической действительности реакционные теории буржу-

азных социальных психологов о природе человека преследуют также и другую цель — борьбу со взглядами передовых психологов. Конечно, буржуазные психологи не в силах опровергнуть научные идеи. Поэтому они пытаются запугать общественное мнение своих стран «опасностями», которые якобы таят в себе прогрессивные психологические теории. «Если человеческая природа изменяема психологически, как утверждают некоторые школы современной психологии, — пишет в одной из статей американский психолог М. Янович, — то социальные последствия современной психологии будут чрезвычайно страшными и опасными»¹. В чем именно заключается «опасность» положения об изменчивости человеческой природы, американский психолог прямо не указывает, но это явствует из всего контекста его статьи: он боится, как бы вслед за усвоением данного положения люди не пришли к выводу о необходимости переделки изжившего себя капиталистического строя.

Противопоставляя научному пониманию истории, общественных явлений и личности свою психологизаторскую точку зрения, современные буржуазные психологи тем самым выступают против марксистско-ленинской теории. Многие из них откровенно признают, что их теории преследуют цель «ниспровергнуть» передовые, революционные идеи. К числу открытых противников марксизма-ленинизма относятся Дж. Морено, а также фрейдисты и их современные «реформаторы».

В первую очередь реакционные социальные психологи обрушиваются на марксистско-ленинскую теорию классов и классовой борьбы. «Маркс не был заинтересован в том, чтобы обнаружить основную структуру человеческого общества», и «даже не знал, что такая имеется»², — заявляет Морено. Ему вторят другие социальные психологи, занимающиеся изучением «малых групп» общества и считающие, что «группы», «теле» и тому подобные понятия будто бы «глубже» и «полнее» объясняют «структуру» современного капиталистического общества. Однако доказательств в подтверждение правильности своих взглядов они привести не могут; в их критике марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы много

¹ «The American Psychologist» v. 9, № 9, New York, 1959, p. 531

² «Current trends in Social Psychology», 1948, p. 157—158.

эмоциональных моментов и беспочвенных утверждений. Достаточно обратиться к фактам, чтобы стала очевидной полная несостоятельность их претензий.

Социальные психологи (особенно Морено) утверждают также, что неправильна и марксистско-ленинская теория революции; она, видите ли, противоречит их психологизаторским взглядам. «Замена господства одного класса другим, как например замена господства буржуазии господством пролетариата, является, — пишет Морено, — вторичным явлением»¹. Он полагает, что вопрос о власти не центральный вопрос социальной революции, что борьба рабочего класса и всех трудящихся какой-либо страны против капитализма не должна привести к установлению диктатуры пролетариата в той или иной форме. Более того, там, где к власти пришел трудовой народ, Морено считает целесообразным ликвидировать эту власть, с тем чтобы восстановить господство буржуазии. Необходимость захвата власти рабочим классом, трудящимися Морено называет «нелогичной» и всячески пытается доказать обратное, присоединяя свой голос к хору пропагандистов антикоммунизма.

Главной задачей современности Морено провозглашает создание для трудящихся такой обстановки, при которой они были бы довольны капитализмом; это можно сделать, по его мнению, в результате «социометрического» изучения трудящихся. Он считает, что создание новой «обстановки» было бы равнозначно по своим социальным последствиям революции.

Таким образом, социологические теории многих современных буржуазных психологов носят откровенно воинственный, неприкрыто реакционный характер. Извращение сущности социальных явлений, объективных закономерностей развития общества — это не просто «ошибка» в понимании тех или иных вопросов, а выражение классовой, буржуазной партийности социальных психологов.

Современная буржуазная социальная психология — наглядное свидетельство того, насколько многообразны виды и формы, методы и средства обмана трудящихся, используемые буржуазными идеологами. «Но суть их, —

¹ Дж. Л. Морено, Социометрия, стр. 216.

как говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — одна — защита отживающего капиталистического строя»¹.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Как уже упоминалось, с момента своего возникновения психология труда, занимающаяся конкретно-психологическими исследованиями, всегда встречала поддержку у монополистической буржуазии. Однако после окончания второй мировой войны характер деятельности представителей психологии труда и других психологов, имеющих отношение к промышленности, существенно изменился. Это было обусловлено в первую очередь теми переменами, которые произошли в самой постановке целей, преследуемых ныне психологами, а следовательно, и в используемых ими методах конкретно-психологических исследований. В результате появилось новое направление в психологии труда, которое отличалось от прежнего уже тем, что наряду с психологами в проведении конкретных исследований в промышленности стали принимать участие и социологи. Поэтому новые работы можно с полным правом назвать конкретными психосоциальными исследованиями.

Инженерная психология. Раньше, в предвоенный период, главное внимание представители психологии труда уделяли изучению условий труда, с помощью которых они старались поднять производительность труда (и, как было показано выше, далеко не всегда безуспешно), создать такие способы обучения, которые давали бы возможность лучше и быстрее осуществить «подгонку» рабочего к существующей технике. Ныне психологи, занимающиеся вопросами повышения производительности труда, одной из самых актуальных тем считают тему, которая получила название «человек и машина». Отрасль психологии, являющаяся дальнейшим развитием психологии труда и разрабатывающая эту тему, называется инженерной психологией.

Основной девиз инженерной психологии: не человек должен приспособливаться к машине, а машина, ее кон-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 53.

струкция — к человеку; только в том случае, если машина будет «удобной» для управления, человек может с ее помощью дать наибольшую выработку, наивысшую производительность труда. Особенно четко этот лозунг сформулирован видным английским психологом Ф. Бартлеттом. Если органы чувств и мозг человека должны дать точные результаты наблюдения за какими-нибудь процессами, а это осуществляется большей частью с помощью инструментов, то «эти инструменты должны конструироваться с учетом наилучших для большинства нормальных людей условий восприятия»¹, — писал он. Отсюда следовало, что психолог должен заниматься восприятием, но не абстрактно, как это делалось раньше, а в конкретной ситуации, на рабочем месте: у станка, в кабине шофера, летчика и т. п.

Исходя из своей целевой установки, представители инженерной психологии интенсивно исследуют ныне, какие из имеющихся уже элементов машин (приборов, органов управления и т. п.) лучше соответствуют психическим и анатомо-физиологическим особенностям человека. И в этой области они получили много интересных результатов, которые с успехом могут быть использованы конструкторами машин в любой стране. Так, английский психолог Дженкинс установил, что существует строгая зависимость между движением, осуществляющим регуляцию, способностью человека воспринимать показания приборов и быстротой, точностью управления машиной. Если, например, для уменьшения скорости протекания каких-либо процессов в установке, машине нужно повертывать ручку регулятора в направлении, противоположном вращению часовой стрелки, а стрелка прибора отклоняется при этом в направлении вращения часовой стрелки, то в этом случае рабочий часто будет совершать ошибки; необходимо поэтому переоборудовать управление установкой, машиной так, чтобы движение руки и отклонение стрелки прибора происходили в одном направлении. Дженкинс установил также, что степень точности управления машиной зависит от таких факторов, как длина ручек управления, сила, которую нужно приложить для их перемещения, и т. д.

¹ Ф. Бартлетт, Психика человека в труде и игре, М., 1959, стр. 27.

Другим аспектом работы представителей инженерной психологии является изучение причин ошибок в действиях человека, управляющего машиной. Английские психологи Фитс, Джонс, Вернон и другие установили, что существует определенная зависимость между показаниями приборов и ошибками. Они пришли к выводу, что нельзя помещать несколько стрелок на одном циферблате, хотя прибор и становится при этом более компактным, потому что от этого резко возрастает возможность ошибаться при восприятии показаний прибора. Человек может наблюдать сразу за несколькими приборами, если они имеют разные циферблаты. В этой связи представители инженерной психологии большое внимание уделяют вопросам расположения, градуирования приборов. Так, американский психолог Грехэм опытным путем установил, что хуже всего воспринимаются вертикальные шкалы, а с наибольшей точностью и скоростью — горизонтальные. Хоути и Тейн (США) доказали, что внимание летчиков в течение непрерывной работы одинаково как к приборам, находящимся в центре приборного щитка, так и к тем, которые находятся на его периферии.

Сторонники инженерной психологии в Англии, США и других странах исследуют также вопрос о том, где и как должны находиться инструменты на рабочем месте. По мнению Бартлетта, этот вопрос имеет существенное значение для повышения производительности труда. В результате экспериментов он установил, например, как следует размещать инструменты и приборы для станочников и рабочих других специальностей. Рычаги управления, которые необходимо быстро находить и правильно использовать, согласно рекомендациям Бартлетта, надо размещать ниже уровня плеча, но ненамного выше уровня пояса. Приборы наблюдения и контроля он рекомендует располагать не на горизонтальной, а на наклонной (но не вертикальной) панели и т. д.

Бартлетт является пионером комплексного исследования поведения человека в процессе работы, проводящегося в рамках инженерной психологии. Смысл его заключается в том, что испытуемого (шофера, летчика и т. д.) помещают в специально созданную экспериментальную кабину, имитирующую его рабочее место. Изменяя расположение приборов, рычагов и т. д., экспериментатор в конце концов получает данные о наиболее удоб-

ном, целесообразном их расположении. В 1953 г. Бартлеттом была создана одна из первых опытных кабин для изучения поведения шофера, а затем — поведения летчика. В результате изучения действий шофера Бартлетт смог составить рекомендации для автомобильных фирм о том, каким требованиям должно отвечать оборудование кабин грузовых машин и автобусов. Этими рекомендациями руководствуются ныне многие фирмы в Англии.

Таковы лишь некоторые из тех проблем, которыми занимаются представители инженерной психологии, и полученные ими результаты.

Серьезная научная экспериментальная работа, проводимая ныне психологами в капиталистических странах по инженерной психологии, преследует ту же цель, что и прежняя психология труда, а именно: обеспечение максимальной прибыли для предпринимателей. Однако объективные результаты их исследований представляют, бесспорно, интерес и для советских психологов, занимающихся проблемами, связанными с автоматизацией производства, созданием совершенных сложных машин и подготовкой кадров, способных управлять ими.

Экспериментальные психосоциальные исследования в промышленности. До 30-х годов текущего столетия социальная психология была отраслью психологии, которая занималась теоретическими исследованиями. Говоря о «группах» общества, решая те или иные социологические проблемы, социальные психологи были далеки от эксперимента и от конкретного анализа социальной действительности. После окончания мирового экономического кризиса в характере работ многих из них произошли изменения в сторону сближения с экспериментальной психологией и, в частности, с психологией труда. На повестку дня в социальной психологии была поставлена задача конкретно-социологического изучения таких вопросов, как «человеческие отношения», «рабочая мораль», «дух трудящихся» и т. д. Исследования подобного рода проводились главным образом на промышленных предприятиях.

Первоначально экспериментальными психосоциальными исследованиями в промышленности заинтересовались в Германии, затем они быстро были подхвачены в США, где им уделяется ныне чрезвычайно большое

внимание, и во Франции (среди французских социологов, занимающихся такого рода работами, следует упомянуть Фридмана, Гурвича и так называемых технократов).

Необходимость проведения исследований, которые были бы психологическими по методам и средствам исполнения и социологическими по тематике, диктовалась тем, что буржуазии после экономического кризиса 30-х годов было необходимо взять под контроль настроения, интересы, мировоззрение рабочих, чтобы искусственным путем, реформами, экономическими подачками и другими мерами сохранить капиталистические производственные отношения и создать видимость установления «классового мира». Именно эта задача — создание и укрепление духа сотрудничества — и провозглашалась социальными психологами, занявшимися конкретными психологическими исследованиями в промышленности, основной целью всей их работы. Они всемерно подчеркивали, что изучение «человеческих отношений» на предприятиях может помочь выработать такие меры, которые сделают рабочего счастливым, дадут ему удовлетворение от работы на предпринимателя и тем самым укрепят капиталистический строй. Однако эти заверения и обещания на самом деле не оправдались. Конкретные исследования, проводимые социальными психологами на предприятиях, свелись в сущности к решению той же проблемы, которой занимались представители психологии труда, — повысить производительность труда и обеспечить получение максимальной прибыли предпринимателями. Правда, социальные психологи пытались достичь этого иными способами, чем представители психологии труда, обращавшие больше внимание на то, как, каким путем, в каких условиях и какими орудиями труда производятся материальные ценности, а не на то, кто и почему их создает.

Каков же характер экспериментальных исследований, которые проводят ныне социальные психологи на предприятиях? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо охарактеризовать отдельно исследования американских и западногерманских социальных психологов, так как между ними имеются некоторые различия (особенно проявлявшиеся в период до второй мировой войны).

Исследования американских психологов. В США пионером экспериментальных социологических исследова-

ний в промышленности является Э. Мэйо. Свои работы он рассматривал выходящими далеко за рамки психологии труда или социальной психологии, считая, что умение привить рабочим «дух сотрудничества» означает упрочение существующего (буржуазного) строя.

Несмотря на то что экспериментальные работы в социальной психологии проводятся в США сравнительно недавно (с конца 30-х годов), ныне там возникло несколько отдельных школ, конкурирующих между собой. Школа Мэйо по-прежнему является ведущей.

Основное внимание американские социальные психологи обращают на роль в производстве «неоформленных групп». Классическим экспериментальным исследованием этой роли считается работа, выполненная Мэйо.

В течение длительного времени на одной из филаделфийских ткацких фабрик отмечалась большая текучесть рабочей силы, хотя зарплата там была не ниже, чем на других предприятиях. Для изучения причин такого явления и был приглашен Мэйо. Он установил, что технологический процесс на этой фабрике исключал необходимость общения рабочих друг с другом. Кроме того, работа отличалась монотонностью. Исходя из предположения, что среди рабочих должны быть «клики» («неоформленные группы»), которых на данном предприятии не было, Мэйо предложил устраивать в течение рабочего дня несколько коротких перерывов с тем, чтобы рабочие могли быть вместе. В результате такой реформы производительность труда возросла и текучесть рабочей силы снизилась до минимума. Все это Мэйо отнес за счет образования «неоформленных» рабочих «групп», а не за счет введения перерывов.

Аналогичное исследование было проведено в г. Хоторне (близ Чикаго) на предприятиях «Вестерн электрик компани» в 1924—1932 гг. Изменяя условия труда (освещение, длительность рабочего дня, перерывы), психологи старались выяснить, что больше влияет на производительность труда — эти условия или «моральные факторы». Их экспериментальные данные показали, что величина рабочего дня и число перерывов не являются решающими факторами в повышении производительности труда. Ее снижение и повышение определяются, по данным американских исследователей, в первую очередь «моральным духом» рабочих.

Экспериментальные исследования, подобные описанным, преследовали две цели: во-первых, установить, от чего зависит повышение производительности труда (выяснение этого вопроса роднило социальных психологов с представителями психологии труда, которые тоже стремились обеспечить получение капиталистами максимальной прибыли); во-вторых, открыть «социальные законы», позволяющие «мирными» методами выжимать пот из рабочих без риска вызвать обострение классовой борьбы. Империалистические монополии были заинтересованы в достижении как той, так и другой целей.

Какие же социологические выводы делались социальными психологами из результатов опытов, аналогичных тем, которые были проведены в Хоторне? Выводы их, как правило, имеют дальний прицел, но вовсе не обоснованы фактами. Так, Мэйо утверждал, что производительность труда находится в определенных пределах в зависимости от вида и рода социальных отношений в малой «группе», складывающихся непосредственно на месте. По его мнению, с изменением технологии меняется и структура «оформленных групп». Прежние «неоформленные группы» при этом распадаются (происходит перемещение рабочих), и это якобы в конечном счете подрывает социальный базис всего общества. Рабочие, чья «неоформленная группа» оказалась разрушенной, лишаются чувства безопасности, которое было у них ранее, так как они имели возможность общаться с другими рабочими и обсуждать положение на производстве. Кроме того, у них происходит ломка сложившихся «ценностей» — тех оценок окружающих событий, вещей, лиц, которые образуются в рамках «неоформленной группы» в результате общения. Вследствие всего этого у таких рабочих может возникнуть своего рода невроз — потеря внутреннего глубинного равновесия, хотя это ими и не всегда осознается.

Мэйо особо подчеркивает, что наличие «неоформленных групп» на предприятии следует рассматривать как надежное средство профилактики от неврозов среди рабочих. «Неоформленные группы» способствуют возникновению чувства безопасности, что уравнивает невзгоды и неприятности, которые приходится переживать людям. «Неоформленные группы» имеются на каждом предприятии, писал Мэйо, и являются естественным ус-

ловием «рабочей морали». С этой точки зрения в сохранении «неоформленной» структуры промышленных предприятий заинтересовано, по Мэйо, все буржуазное общество.

В социально-психологической литературе Мэйо известен чуть ли не как критик американской экономической системы. Что представляет собой его «критика», можно судить по следующим фактам.

По мнению Мэйо, американская действительность раздирается противоречиями, возникшими якобы в силу того, что материальное благополучие трудящихся повышается, а вместе с тем происходит и увеличение их потребностей. Однако американская экономика не в состоянии удовлетворить потребностей рабочих. Поэтому у них возникает глубокая разочарованность. К тому же технические новшества, вводимые в промышленность, разрушают старые общественные связи, способствуют тем самым возникновению хаоса в «межличностных отношениях» — так мягко пишет Мэйо об обострении капиталистических противоречий, обусловленных классовой структурой буржуазного общества и частнособственническим характером его экономики.

Наличие глубокой неудовлетворенности у американских рабочих отмечают и другие психологи, как американские, так и европейские. Например, упоминавшийся уже Фридман заявляет, что крупные промышленные предприятия, рассчитанные на серийное производство, делают рабочих рабами конвейеров и машин. Они никогда не видят в процессе производства окончательного результата своего труда, выполняя изо дня в день, из года в год одну и ту же незначительную операцию (например, высверливание в детали одного отверстия). Ныне, продолжает он, уже не усталость тела и мускулов является злом рабочего, а тоска, отсутствие интереса к труду и страх перед безработицей. Фридман отмечает, что монотонность работы на конвейерах является причиной того, почему подавляющее большинство рабочих не любит своего труда, просит, как правило, о переводе на другую работу и часто выбывает из строя из-за нервных и психических расстройств.

Фридман, конечно, далек от того, чтобы дать должную, научно обоснованную оценку всем этим фактам, потому что он заинтересован в первую очередь в обес-

печении интересов предпринимателей. Однако сам факт постановки им вопроса о психологических последствиях работы на капиталистических предприятиях заслуживает внимания; капитализм калечит людей психически — таков вывод, который непосредственно вытекает из того материала, который собрал французский социолог, знакомясь с американской действительностью.

О глубоких изменениях в психике рабочих, обусловленных капиталистическим способом производства, пишут и сами американские социальные психологи, например Джон Монро Фрэзер. Объясняя это явление, Фрэзер утверждает, что неудовлетворенность возникает якобы из-за плохого приспособления рабочих к работе и друг к другу, а вовсе не вследствие усиления эксплуатации трудящихся, наличия безработицы и т. д. Изучая причины «неприспособленности», Фрэзер пришел к выводу, что она возникает в результате следующих причин: несоответствующих физических данных, отсутствия должных навыков, слишком высокой интеллигентности, отсутствия специальных способностей, интересов, склонностей и некоторых других обстоятельств. Особенно сетует он на «слишком высокий уровень интеллигентности» известной части рабочих, которые из-за этого не удовлетворены монотонной, неинтересной работой.

Приспособление рабочих к «рабочей ситуации» Фрэзер называет «рабочей моралью». Он констатирует, что последняя обнаруживает тенденцию к постоянному снижению. По его мнению, существует два вида условий, определяющих «рабочую мораль». Первое — достаточный уровень материального благополучия рабочего, второе условие — «духовного порядка». «Мораль» станет высокой, полагает он, если труженик будет находить личное удовлетворение в повседневной рутине, если он почувствует, что делает что-то полезное для других людей. Тогда производительность будет высокой при самых плохих условиях труда, заявляет Фрэзер. Эмоциональное удовлетворение может заменить собой, таким образом, условия труда.

Фрэзер понимает, что высокая «мораль» не порождается сама собой, что ее нужно формировать. Как этого добиться? По Фрэзеру, единственный путь воспитания «морали» состоит в том, чтобы путем бесед, «кон-

тактов» с рабочими добиться повышения чувства «социальной ответственности» и усвоения целей, преследуемых предпринимателями.

Как выглядит воспитание угодной империалистической буржуазии «морали» у рабочих на практике? В настоящее время «воспитательная» работа такого рода проводится в США в организованном, административном порядке. На крупных промышленных предприятиях существует значительный по числу штат специальных «советников»-психологов, основной обязанностью которых является поддержание непосредственных «контактов» с рабочими и служащими; одной из форм «контакта» психологов с рабочими является беседа. Обычно она происходит в специально для этой цели выделенных помещениях, обставленных хорошей мебелью. Администрация предприятий и сами «советники» внушают рабочим, что они могут «просто так» посещать эти комнаты, «по душам» поговорить с «советниками» о всех вопросах, которые их волнуют, не боясь последствий и преследований, если даже они выразят недовольство администрацией предприятия, и т. п.

Социальные психологи полагают, что, предоставляя возможность рабочим «излить свои думы и чувства», они могут получать сведения о настроениях рабочих, а также путем беседы и убеждения оказывать на них свое влияние в интересах, конечно, предпринимателей.

Факты свидетельствуют, что подобная система обработки трудящихся оказалась по душе американским предпринимателям, которые не скупятся на средства для содержания штата «советников»-психологов. Так, например, чикагская фирма «Вестерн электрик компани» в течение ряда лет тратит почти 300 тыс. долл. в год на «воспитательные» цели. Это свидетельствует о том, какое большое внимание американские монополии обращают на одурманивание рабочих своей страны, как боятся они роста классовой сознательности пролетариата.

Экспериментальные исследования, проводимые социальными психологами в США, носят эмпирический характер. Об этом говорят сами психологи. Так, М. Янович в статье «Некоторые соображения об идеологии профессиональных психологов»¹ отмечает, что психо-

¹ «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954.

логи в США настроены против философии и избегают рассматривать фундаментальные теоретические проблемы своей дисциплины. Они думают, будто можно развивать психологию с позиций эмпиризма, что и приводит их к серьезным заблуждениям. Эмпиризм имеет своим следствием, пишет далее Янович, обособление психологии от других наук, погоню за самыми злободневными проблемами, которые решаются поспешно и ложно, в ущерб фундаментальным проблемам науки.

Оценка Яновичем основных пороков американской психологии в целом касается, конечно, и социологического ее направления. С ней можно согласиться, учтя, что постановка проблем социальными психологами на самом деле отнюдь не определена теоретическими соображениями или потребностями развития психологии, как это пытаются представить некоторые американские психологи, а полностью обусловлена необходимостью оправдания и поддержки капиталистического строя, «американского образа жизни».

Сам факт, что монополисты вынуждены прибегать к помощи психологов, с тем чтобы они способствовали укреплению «сотрудничества» между предпринимателями и трудящимися, чтобы они помогли обеспечить «социальный мир», свидетельствует о шаткости капиталистического строя.

Исследования западногерманских психологов. Центром психосоциальных исследований в Западной Германии является «Научно-исследовательский институт промышленной психологии и изучения личного состава» (сокращенно «Форфа»). Находится он в Брауншвейге, руководителем и создателем его является известный психолог Хорвиг.

«Форфа» противопоставляет свою деятельность представителям американской психологии труда, которых в Западной Германии называют приверженцами тейлоризма. Западногерманских психологов не удовлетворяет изучение внешних условий, влияющих на производительность труда, так как такого рода изучение, по их мнению, не имеет отношения к психологии, которая, как они говорят, «все же является наукой о человеке»; американские же психологи-бихевиористы исключают психические явления из сферы своих исследований. Лишь Мэйо и некоторые другие социальные психологи делают,

по мнению западногерманских психологов, то, что является «научным».

Главными задачами «Форфа» считает изучение того, как осуществляется «руководство людьми» и развитие «психологики». Последний термин означает «науку о методах и способах влияния на психику людей с целью их перевоспитания».

Промышленное предприятие западногерманские психологи представляют себе не как «техническую организацию» (эта сторона ими не принимается во внимание), а как сложно переплетенный и отчасти противоречивый социальный организм. Его социальный статут и внутренние взаимоотношения, гармония, целостность и противоречия оказывают прямое влияние на моральный дух рабочих, а следовательно, и на их производительность труда и даже на производимые ими продукты. В соответствии с этой установкой представители «Форфа» разработали «структуру» промышленных предприятий с «психологической точки зрения».

Завод, фабрика, по их мнению, состоят из ряда «групп», в том числе «неоформленных» (это понятие западногерманские психологи заимствовали у американских). Производительный труд западногерманские психологи называют «социальной деятельностью», которая осуществляется не в целях получения средств к существованию, а прежде всего в силу действия самосознания и «групповых интересов социального характера». Поэтому они хотят при изучении «морального фактора» полностью отвлечься от «бренных интересов» трудящихся и витать только в духовной сфере. С этой целью они отыскивают в первую очередь средства нематериального воздействия, которые способствуют повышению производительности труда. К их числу относится прежде всего «боязнь потери работы», хотя они признают, что этот фактор имеет «негативный характер» и, кроме того, изолирует, а не объединяет людей. Другим стимулирующим фактором являются различного рода моральные поощрения.

Своей важной задачей представители «Форфа» считают изучение настроений, мировоззрения, интересов рабочих, включая содержание их частных разговоров. На основе полученных сведений они проводят «индивидуальную терапию» рабочих, в которой принимает уча-

стие также и врач, чаще всего психиатр. Целью «лечения» является улучшение «морального климата» на предприятии, подъем у рабочих «охоты к труду», выяснение причин неудовольствий и их устранение путем разъяснения, подтягивания трудовой дисциплины и т. п.

Западногерманские психологи делают упор на изучение взаимоотношений между рабочими и на разработку мер по «руководству» ими. Для этого они организовали на предприятиях специальные курсы отдельно для руководящего состава и отдельно для различных категорий рабочих. На курсах излагаются главным образом сведения из социальной психологии о строении капиталистического общества и о «движущих силах» и «побуждениях» человека, практические сведения о том, как надо руководить людьми (для директоров и инженеров), чего нужно ожидать от начальников (для рабочих).

Характерно признание самих западногерманских психологов относительно политической направленности всей их деятельности: они всячески подчеркивают, что не посягают на устои капитализма. Как заявил один из них, они «просто желают улучшения существующего в Западной Германии порядка».

Отличие западногерманских экспериментальных психосоциальных работ в промышленности от американских заключается в том, что в них большее внимание уделяется теоретическим вопросам. Микросоциологические исследования в Западной Германии занимают гораздо меньшее место в работах психологов, чем в Америке. Лишь за последнее время западногерманских психологов привлекла к себе проблема «неоформленных групп». То, что делают американские психологи, западногерманским исследователям кажется большей частью второстепенным и несущественным, пишет Х. Штирн. В то же время работы западногерманских психологов расцениваются у американцев как «важные», но «спорные».

* * *

Конечно, различия между характером американских и западногерманских психосоциальных исследований в промышленности не являются коренными. Как в обла-

сти теоретических построений, так и в эксперименте социальные психологи капиталистических стран преследуют в сущности одни и те же цели: с помощью психологии укрепить капиталистический строй, преодолеть классовые антагонизмы, установить «социальное равновесие», обеспечить монополиям получение высоких прибылей, используя при этом мифические «закономерности» психики. Буржуазный, прислужнический характер экспериментальных исследований в промышленности проявляется настолько обнаженно, что не вызывает сомнения даже у самих психологов.

Передовые представители психологии в странах капитала понимают, что путь, на который встали ныне буржуазные психологи-экспериментаторы, ничего общего не имеет с задачами подлинной науки. Так, например, французские психологи, занимающиеся психометрическим обследованием рабочих на промышленных предприятиях, на съезде своего профсоюза, состоявшемся в 1952 г., решительно возражали против того, чтобы результаты психологических исследований использовались промышленными монополиями для проведения своей политики в отношении рабочих, а именно: в целях маскировки дискриминации рабочих на основании их принадлежности к профсоюзам, их политических и религиозных убеждений, в целях обоснования «правомерности» снижения заработной платы некоторым категориям работающих и интенсификации труда. Подобная практика, говорится в постановлении, недопустима. Она чревата тяжелыми последствиями для психологической науки и ее применения к жизни. Ее необходимо разоблачать и вести против нее борьбу¹.

Буржуазную направленность современных конкретных и психосоциальных исследований в промышленности, которые во все больших масштабах стали проводиться в капиталистических странах Западной Европы и в США, подвергает критике и английский психолог Херншоу. В своем докладе, прочитанном на XI Международном съезде психотехников (1953 г.), он поставил вопрос: должны ли психологи изготавлять рецепты, которые дают возможность бизнесменам увеличивать

¹ См. Д. А. Ошанин, Пути развития психологии труда в капиталистических странах. «Вопросы психологии» № 6, 1956, стр. 159.

доходы, или их задачей является создание науки, заботящейся о благе, здоровье и благополучии трудящихся? По мнению Херншоу, подлинно научная психология должна служить трудящимся, а не монополистам, занимающимся эксплуатацией чужого труда.

Конкретные психосоциальные исследования в промышленности — яркий пример того, как в капиталистических странах наука используется в интересах капитала и как результаты работы ученых, по своей сущности призванные улучшить жизнь людей, превращаются в свою противоположность — в средство еще большего угнетения и порабощения трудящихся.

4. КРИЗИС ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Кризис идеалистической психологии в капиталистических странах Западной Европы и в США возник вскоре после того, как психологи-экспериментаторы провозгласили свое отпочкование от философии. На протяжении текущего столетия о нем много говорили и говорят сами психологи. Так, в 1929 г. один из видных немецких психологов, К. Бюлер, в книге «Кризис психологии» заявил, что для психологии пробил решительный час, что психология вступила в кризис, от разрешения которого зависит вся ее дальнейшая судьба. Три года спустя на X Международном психологическом конгрессе в Копенгагене другой немецкий психолог, В. Кёлер, отметив возникновение в психологии большого числа школ и течений, выразил опасение за состояние этой науки. Если в ближайшее время, писал он, не будут найдены связующие нити психологии, она окончательно атомизируется. «Атомизируется» — это значит, что перестанет существовать единая психологическая дисциплина, которая распадется на ряд отдельных, не связанных между собой дисциплин.

Несмотря на многочисленные попытки, предпринятые и предпринимаемые сейчас рядом буржуазных психологов, вывести идеалистическую психологию из кризиса, последний, как с горечью признает П. Гофштеттер, все еще продолжается и в ближайшем будущем нет никаких перспектив на его окончание. Оснований для подобного пессимистического заявления больше чем достаточно.

Буржуазные психологи немало времени и сил уделяют выяснению причин хронического кризиса современной психологии в странах капитала, имея в виду идеалистические ее направления. Однако их объяснения в большинстве случаев отличаются поверхностностью и не в состоянии вскрыть истинных причин этого явления. Так, например, западногерманский психолог Г. Аншютц, отмечая, что кризис психологии проявляется во многих противоречиях, угрожающих распадом, в наличии многих направлений и методов в этой науке в наши дни, считает, что он порожден большим числом вопросов, вставших перед психологией в связи с теми изменениями, которые произошли в хозяйственной, политической, духовно-культурной и религиозной жизни общества (что это за «изменения», Аншютц не поясняет). Он утверждает далее, что кризис психологии возник из-за потери психологами «понятия души». Таким образом, психолог-идеалист непосредственную причину кризиса видит в отходе некоторых психологов в капиталистических странах от откровенно теологической концепции в этой науке, рассматривает кризис как результат отпочкования психологии от идеалистической философии. Но в действительности как раз сохранение идеалистических представлений в арсенале психологии, связь ее с идеалистической философией являются причинами того, почему буржуазная психология вот уже столько десятилетий не может сделаться подлинной наукой.

П. Гофштеттер выдвигает другое объяснение кризиса. Он полагает, что причинами его являются, во-первых, отсутствие в психологии особо выдающихся деятелей, а во-вторых, трудность психологической постановки вопросов и истолкования полученных фактов, поскольку они имеют «непосредственное отношение к теоретическим концепциям». Причины эти, следовательно, являются «внутрипсихологическими». Согласиться с таким объяснением нельзя. Почему, спрашивается, за две с половиной тысячи лет в психологии не было «особо выдающихся деятелей», тогда как в других науках за более краткий срок они появились? Разве «постановка вопросов», скажем, в атомной физике менее проста, чем в психологии? Эти и многие другие вопросы Гофштеттер оставляет без ответа, но они напрашиваются сами собой.

Приведенные высказывания буржуазных психологов о причинах кризиса их науки свидетельствуют о том, что у них отсутствует научное понимание этого вопроса.

Кризис психологии в капиталистических странах нельзя рассматривать вне тех общественно-исторических условий, которые его породили. Объяснять его одними лишь «психологическими» причинами было бы проявлением слепоты и субъективизма. Он порожден теми же процессами загнивания и разложения, которые характеризуют последнюю стадию в развитии капиталистической системы — империализм, являясь частным следствием общего кризиса, охватившего капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, политику и идеологию.

Кризис идеалистической психологии непосредственно связан с кризисом естествознания конца XIX — начала XX в. Философской сущностью его является переход ряда ученых, не умевших правильно истолковать новые факты, со стихийно-материалистических позиций на позиции идеализма и агностицизма. «Суть кризиса современной физики, — писал В. И. Ленин, — состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом»¹.

Бурное развитие естественных наук в начале текущего столетия, в частности физиологии, анатомии и других дисциплин, имеющих отношение к психологии, привело к упрочению материализма, обогащению психологической науки новыми фактами, подрывавшими прежние идеалистические представления, господствовавшие в психологии. «Современное естествознание, — отмечает в этой связи английский философ-марксист М. Корнфорт, — с самого своего зарождения стало угрозой для традиционных идей, особенно религиозных»². К числу таких традиционных идей относится идеалистическое представление о «душе», явившееся центральным понятием «официальной» идеалистической психологии.

Поскольку буржуазные психологи не хотели отказаться от традиционных идей, возникло глубокое про-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 245.

² М. Корнфорт, Наука против идеализма, М., 1948, стр. 50.

тиворечие между этими идеями и опытными данными, получаемыми вначале естествоиспытателями, а позже и самими психологами-экспериментаторами, в том числе и представителями прикладных направлений в психологии. Это противоречие составило основу кризиса идеалистической психологии.

Буржуазные психологи в Западной Европе и в США по-разному пытались преодолеть несоответствие между фактами, экспериментальным путем полученными данными, с одной стороны, и идеалистической теорией — с другой.

Значительная часть европейских психологов, особенно в Западной Германии и Австрии, либо отбрасывала факты вообще, либо фальсифицировала их, отрицала какое-либо прикладное значение психологии и становилась на путь безудержных спекуляций в духе прежних идеалистических психологических теорий. Фальсификации экспериментальных данных в психологии во многом способствовали новейшие идеалистические теории в естествознании, возникшие в период его кризиса.

Другой способ «преодоления» несоответствия между старой теорией и фактами использовался американскими психологами и представителями прикладной психологии. Этот способ — создание видимости отбрасывания вообще всякой теории, отрицание роли философии. Психология относится к числу таких наук, заявил один из лидеров современного бихевиоризма, Скиннер, которая может обойтись без какой-либо теории. На самом же деле заявления таких психологов об отказе от теории, философии в одних случаях являются лишь ширмой того, что фактически они разделяют самые реакционные философские взгляды (в чем не признаются или чего не понимают); в других же случаях означают обоснование голого эмпиризма, сбора и описания одних фактов без их истолкования, что приводит к ликвидации психологии как науки, ибо ни одна наука не может сводиться к простой регистрации полученных фактов и данных эксперимента.

Само собой понятно, что обе тенденции — и воскрешение тесной связи психологии с теологией, и отрицание роли теории, философии — не могли быть средствами спасения психологии от кризиса, который в настоящее время продолжается и углубляется.

Кризис идеалистической психологии связан также с той тенденцией буржуазной реакционной идеологии, которая заключается в требовании, предъявляемом буржуазным ученым, — найти средства любой ценой противостоять расширяющемуся влиянию материализма в науках. Это как раз та тенденция, которая порождает спекулятивные реакционные школы в философии и которая в буржуазной психологии привела к походу против разума, сознания, поддерживает распространение мистики и религии.

В настоящее время кризисное состояние современной буржуазной психологии имеет ряд характерных проявлений.

1. Существование множества разнообразных, преимущественно идеалистических школ и течений. Некоторые буржуазные теоретики утверждают, что наличие многочисленных школ в психологии (как и в буржуазной философии) — показатель процветания науки, свидетельство богатства идей и многообразных духовных интересов. Однако на самом деле, как было показано, множество школ — это показатель не прогресса буржуазной психологии, а того тупика, в котором она оказалась.

2. Возникновение разногласий в решении одних и тех же проблем, что является следствием субъективизма буржуазных психологов. Наличие разногласий некоторые буржуазные психологи не прочь выдать за иллюстрацию «свободы мысли» в странах капитала. В действительности же эти разногласия свидетельствуют об отсутствии у буржуазных психологов научного критерия и единой позитивной платформы для решения основных вопросов их науки. Вряд ли есть основания согласиться с мнением американского психолога Ф. Л. Гарримана, который считает разногласия даже по предмету психологии «больше проблемой семантики, чем реального исследования». Дело не просто в наличии разногласий, а в том, что психологи не изучают объективных закономерностей психической жизни человека, знание которых может оказать действенную помощь практике и обеспечить будущность психологии как науки.

3. Отсутствие позитивного решения проблем, что обусловило падение авторитета буржуазной психологии. Характеризуя психологию текущего столетия в от-

ношении ее теоретических основ, философ-позитивист Виттгенштейн в 1953 г. заявил, что, хотя в этой науке и используется экспериментальный метод, в системе психологических понятий царит сплошной хаос и отсутствует позитивное решение проблем. Он решительно высказался против того мнения, будто это объясняется «молодостью психологии»¹. Английские психологи Мейс и Петерс в статье «Психология и философия» (1958 г.) вынуждены были признать, что современная психология капиталистических стран устанавливает лишь «соподчиненность явлений», что среди психологов нет единого позитивного решения теоретических проблем².

П. Гофштеттер жалуется на падение авторитета и популярности психологов в Центральной Европе. Он пишет, что на вопрос «что такое психология?», который ему не раз приходилось задавать простым людям, он обычно получал маловразумительный ответ вроде: «Психология? Да... (пауза). А чем, собственно, она занимается?»³. Такое отношение к психологии на Западе Гофштеттер оценивает как типичное. Он считает, что в Центральной Европе психология находится в таком же положении, как папирология (наука о древних папирусах) и энтомология (раздел зоологии, изучающий насекомых). В Венском университете, сетует он, студентам приходится доказывать, что посещение лекций по психологии представляет собой даже меньший грех, чем курение. Не лучше положение идеалистической психологии в Италии; быть может, несколько большим авторитетом пользуется она во Франции и Англии.

Подобное положение идеалистической психологии в капиталистических странах Европы объясняется, в частности, весьма слабой связью ее с производством, в широком смысле — с практической деятельностью людей. Как заявляет сам Гофштеттер, западноевропейская психология больше связана с философией и теорией познания, чем с производством.

В Соединенных Штатах Америки на первый взгляд психология процветает. Тот же Гофштеттер, в течение года знакомившийся с состоянием психологии в США,

¹ См. *L. Wittgenstein, Philosophical Investigations*, Oxford, 1953.

² См. «*Philosophy in the Mid-Century*». Institut International de Philosophie, 1958.

³ *P. Hofstätter, Die Psychologie und das Leben*, S. 237.

отмечает, что «официальное мнение в США проявляет повышенный интерес к психологии и от нее, в лице ее представителей, ожидается действительное улучшение жизни»¹. Однако популярностью в США пользуется отнюдь не теоретическая (общая) психология, а прикладные ее отрасли, и отсутствие теоретических работ начинается пагубно сказываться на этих отраслях. Об этом можно судить по следующим официальным данным, опубликованным в американской печати. В 1953 г. психологические учреждения США заключили контрактов на сумму 10 955,2 тыс. долл., а в 1954 г. — всего на 8261,2 тыс. долл. Военно-воздушные силы США в 1953 г. ассигновали на специально-психологические исследования 4456,8 тыс. долл., а в 1954 г. — всего 1940,2 тыс. долл. Государственный департамент США в 1953 г. потратил на психологические исследования 329,2 тыс. долл., а в 1954 г. — 42 тыс. долл.

По поводу некоторого падения популярности прикладной психологии американские психологи уже начали бить тревогу. Они говорят о том, что период энтузиазма для них кончается. Известный американский психолог Д. К. Мак Клеелланд в статье «Пополнение ученых психологов»² отмечает, что среди американского студенчества психология перестает пользоваться популярностью и поэтому в психологию приходит мало способной молодежи. Он объясняет это, в частности, тем, что психологии недостает «доказательности» и «научного снаряжения».

Факты, сообщенные Мак Клеелландом, совпадают с тем, что говорил Гофштеттер о непопулярности психологии среди студенчества в Европе. Это показатель кризиса идеалистической психологии и в США, несмотря на практицизм отраслевых направлений в этой науке.

4. Процветание позитивизма, который составляет теоретическую основу быстро развивающихся прикладных направлений в буржуазной психологии. Распространение позитивизма в результате отсутствия единой теоретической платформы, дух эмпиризма, игнорирование теории (особенно в США), без которой невозможно буду-

¹ P. Hofstätter, Die Psychologie und das Leben, S. 237.

² См. «The American Psychologist» v. 9, № 12, 1954, p. 811—813.

щее любой науки, — отличительные черты современной буржуазной психологии.

Свертывание теоретической работы — характерный признак идеалистической психологии США. Американские буржуазные психологи проявляют все меньший интерес и желание заниматься вопросом о том, дает ли психология систематические знания, которые могут явиться основой руководства человеческим поведением, пишет М. Янович, выражая отношение американских психологов к решению теоретических проблем¹. Как отмечает Г. Уэллс, «...в американской психологии существует противоречие между высокоразвитой экспериментальной практикой и отсутствием научной теории, способной истолковывать накопленные, но относительно изолированные факты»².

Интересные данные о тенденции развития американской психологии приводит психолог Д. Вольфле. В статье, представляющей собой официальный отчет исполнительного секретариата Американской психологической ассоциации, он отмечает, что в 1948 г. 50% членов этой ассоциации работало в университетах и колледжах (а следовательно, так или иначе имело отношение к разработке теоретических проблем). В 1953 г. картина занятости американских психологов представляется уже иной. Преподавательской и научной работой в учебных заведениях занимается всего 28% всех психологов — членов ассоциации, а остальные ведут работы прикладного значения. Отношение к теоретическим исследованиям в психологии Америки — частный случай того пренебрежения к «чистым» научным работам, которое существует в этой стране. «Прогресс чистой науки не идет в ногу с развитием прикладной науки, — пишут американские профессора на страницах журнала «Сайенс». — Некоторые даже находят, что имеет место абсолютное сокращение теоретических исследований, что ведет к серьезному регрессу в познании нами природы»³.

Свертывание теоретической работы в американской психологии, с другой стороны, означает молчаливое признание американскими психологами невозможности решения на идеалистической основе всех тех теоретиче-

¹ См. «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 529.

² Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 261—262.

³ См. «Science» v. 125, № 3239, 1957, p. 144.

ских проблем, которые стоят перед психологией. Уход от решения коренных теоретических вопросов психологии — это показатель слабости американских психологов.

Необходимо отметить, что общая характеристика состояния современной буржуазной психологии как состояния кризиса не означает, что никто из психологов-идеалистов, занимающихся экспериментальными работами, не получает новых, подчас объективно ценных научных данных. Как свидетельствуют, в частности, международные психологические конгрессы, созываемые периодически в течение уже трех четвертей века, некоторые буржуазные психологи ведут исследования, представляющие определенный интерес для психологов-материалистов. Нельзя не отметить, что у ряда буржуазных психологов-экспериментаторов и деятелей прикладных отраслей психологии существует противоречие между их субъективными намерениями и тем объективным значением, которое имеют их работы. Субъективно они не хотели бы упрочения материализма, не разделяют материалистического понимания психики, но, подчиняясь объективному ходу вещей, они подчас приходят к материалистическим выводам. Конкретное выражение этого противоречия могут являть собой прикладные отрасли психологии. Субъективно эти отрасли подменяют общую психологию, отрицают ее и ставят себя на ее место, но объективно они укрепляют новыми фактами теоретические позиции материализма в этой науке.

ПОХОД ПРОТИВ РАЗУМА, СОЗНАНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ КРИЗИСА

Одним из свидетельств кризиса современной буржуазной психологии является возникновение антиинтеллектуалистической тенденции. Она выражается в разных формах: в распространении среди психологов теории инстинктов и теории фрустраций, в активизации деятельности представителей откровенно мистических и оккультистских школ (относящихся в странах Западной Европы и в США к психологии), в стремлении сторонников религиозно-психологических школ в идеалистической психологии расширить свое влияние на массы.

Антиинтеллектуализм в психологии не чисто психологическое явление. В период загнивания и разложе-

ния капиталистической системы антиинтеллектуализм и иррационализм сделались особенно модными среди идеологов буржуазии. «В результате социальных затруднений, — пишет Дж. Бернал, характеризуя состояние идейной жизни капиталистических стран, — в конце XIX в. стал воскрешаться антиинтеллектуализм, нашедший свое выражение в философских теориях Сореля и Бергсона. Инстинкт и интуиция стали расцениваться как нечто более важное, чем разум»¹.

Особенно активно против роли сознания в жизни людей, против разума выступают ныне идеологи империалистической буржуазии в Соединенных Штатах Америки. Они сознательно и последовательно культивируют у американцев неприязнь к умственному труду, объявляя интеллигенцию ответственной за все теневые стороны американской действительности.

Буржуазные психологи в походе против разума, сознания нога в ногу идут с другими идеологами империалистической буржуазии. При этом некоторые из них, в первую очередь американские, пытаются изобразить дело таким образом, будто они выступают против разума, сознания лишь потому, что проблема сознания являлась центральной проблемой «традиционной» идеалистической психологии, распространенной в капиталистических странах Европы и находящейся в состоянии кризиса. Отвергая необходимость изучения сознания, эти психологи не прочь представить антиинтеллектуализм как единственно возможное средство спасения идеалистической психологии от кризиса. На самом деле подобного рода утверждения являются лишь камуфляжем той антиинтеллектуалистической направленности, которая сделалась ныне типичной чертой реакционной идеологии империалистической буржуазии.

Кампания против разума, сознания особенно широко развернута ныне в Соединенных Штатах Америки. Именно там функционируют такие лженаучные общества, культивирующие мистику и иррационализм, как, например, Колледж астральной науки в Нью-Йорке, Общество парапсихологических исследований, Международный институт метапсихики. Кроме того, при Дьюкском университете имеется парапсихологическая лаборатория, с

¹ Дж. Бернал, Наука и общество, М., 1953, стр. 119.

которой сотрудничают психологи из Гарвардского, Стэнфордского, Колорадского университетов. С целью распространения мистики и иррационализма издаются специальные журналы, в которых систематически печатаются, например, сведения о связи дат рождения с положением звезд на небосводе и с ожидаемыми событиями в жизни отдельных людей и даже целых народов. «В Америке, — отмечает Берген Иванс, — имеется 25 тысяч практикующих астрологов, распространяющих свое учение при помощи ста ежедневных газет, пятидесяти ежемесячных журналов и двух ежегодников... Говорят даже, что существует движение, борющееся за назначение официального правительственного чиновника в качестве федерального астролога. Учитывая официальное признание других форм суеверий, можно предположить, что такое движение увенчается успехом»¹.

Специальные учреждения по распространению мистики существуют также в Англии (Диалектическое общество, Общество парапсихологических исследований), во Франции, Западной Германии и других капиталистических странах.

Психологи-идеалисты немало способствуют воскрешению и распространению средневековой схоластики, мистицизма и религии. Только за последние годы в Западной Европе и США вышли, например, такие «труды», как «Психология, парапсихология и мировоззрение» Г. Фрая, 1946; «Необъяснимое. Изучение магической картины мира» Г. Хартляуба, 1951; «Иррациональное и рациональное познание» Д. Рольфса, 1950; «Телепатия» и «Передача мыслей на расстояние» В. Кэрингтона, 1945 и 1946; «Ясновидение» Кардоса, 1951; «Психология астрологического символизма» Х. А. Штраусса, 1952, и многие другие. С прямой поддержкой оккультных «наук» в капиталистических странах из числа психологов-идеалистов выступали Дриш, Бендер, Урбан, Вальтер, Саллер, Месмер, Фехнер, Вебер, Фрейд, Джемс, Юнг, Клагес, Райн и другие. (Делалось это ими попутно и в специальных трудах.)

Поход против сознания, разума, в котором видную роль играют современные буржуазные психологи, —

¹ B. Evans, *The Natural History of Nonsense*, New York, 1946, p. 272.

яркое подтверждение того, что «неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, политику и идеологию»¹, что империалистическая буржуазия ныне использует любые средства для «прикрытия язв и пороков капиталистического строя»², для борьбы с ширящимся влиянием передовых, коммунистических идей.

Теория инстинктов. Поход против сознания в психологии выражается прежде всего в широком распространении в этой науке теорий и представлений, в которых в той или иной форме принижается роль сознания и вместе с тем превозносится значение инстинктов, бессознательных стремлений, побуждений, «горме» в жизни людей.

Различные школы буржуазной психологии имеют свои нюансы в решении вопроса о том, какие инстинкты, «силы» и бессознательные стремления считать ведущими в психике и поведении людей. Необихевиористы, например, считают правомерным относить к числу инстинктов лишь некоторые врожденные биологические формы поведения. Джемс и Мак Дауголл, хотя и являются представителями разных школ, соглашались друг с другом в том, что кроме биологических инстинктов у человека имеются еще и социальные инстинкты. Их мнение нашло горячую поддержку у ряда других буржуазных психологов. Фрейд, как говорилось выше, признавал наличие лишь двух инстинктов — «эроса» и «тенатоса». Все это свидетельствует о том, что среди буржуазных психологов нет единства мнения относительно числа и сущности того, что они называют «инстинктами».

В чем основной порок понимания инстинктов буржуазными психологами?

Научное определение понятия «инстинкт» исходит из признания, во-первых, необходимых, постоянных для многих поколений организмов компонентов условий существования; во-вторых, стереотипных при данных условиях среды форм поведения организмов, в-третьих, постоянных, из поколения в поколение передающихся по

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 25.

² Там же, стр. 36.

наследству, морфологически закрепленных нервных связей в мозгу. Говоря об инстинктах человека, можно было бы эту характеристику дополнить указанием на то, что инстинктивные формы поведения не являются осознанными.

Буржуазные психологи искажают подлинную сущность инстинкта и становятся на путь произвольных предположений. Основной особенностью инстинкта они считают отсутствие осознанности, сознательной мотивации, обуславливающей то или иное инстинктивное действие, и возможность совершать действие без предварительного научения. «Инстинкт, — писал Джемс, — определяется обыкновенно как способность действовать таким образом, который достигал бы известных целей, без предвидения этих целей и без предварительного приучения (или воспитания) к их выполнению»¹. Таким образом, понятие об определенных условиях среды и о специфических мозговых механизмах не включается им в определение инстинкта. При этом открывается возможность принимать видимость за сущность. Так и поступают по существу многие буржуазные психологи. Констатируя наличие у некоторых людей стремления к наживе, что является характерным порождением общества, где существует частная собственность на средства производства, не видя, чтобы кто-либо сознательно «учил» людей этому стремлению, они провозглашают его «инстинктивным». На самом же деле, если подойти с научной точки зрения к стяжательству, то нетрудно убедиться в том, что никаких соответствующих этому явлению врожденных связей в мозгу людей не было и нет. Стяжательство, конкуренция, войны порождены обществом, в котором существует частная собственность на средства производства. Кроме того, специфические черты той или иной общественно-экономической формации, обуславливающие возникновение у людей определенных психических особенностей, нельзя отождествлять с постоянными биологическими условиями существования животных, порождающих биологические инстинкты.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что не может быть никаких «социальных инстинктов», аналогичных биологическим инстинктам.

¹ В. Джемс, Научные основы психологии, СПб., 1902, стр. 309.

Общественные условия существования людей настолько быстро меняются, что не могут порождать соответствующих им инстинктов. Даже язык, который возник на заре человечества, и тот не стал «инстинктивной потребностью» людей; ему каждый человек выучивается с детства, и никто еще не родился на свет умеющим говорить.

Ненаучный характер понимания «инстинктов» в буржуазной психологии отмечали и отмечают ныне многие психологи, стоящие на почве фактов, в том числе даже и психологи-идеалисты.

Одним из критиков теории инстинктов в психологии является Дж. Мармор. В работе «Роль инстинктов в поведении человека»¹ он отмечает, что роль инстинктов в поведении человека совсем незначительна, что инстинкты в поведении даже низших животных не занимают такого места, которое им приписывается некоторыми психологами. Выступая на конференции, посвященной проблемам детства и детской патологии, состоявшейся в 1951 г., известный американский психолог-бихевиорист Т. Шнайерла отметил, что человеческая деятельность, включая мышление и ощущение, по своему характеру не является врожденной, инстинктивной. Другой критик теории инстинктов, Бернэрд, анализируя перечень предложенных разными психологами инстинктов, пришел к заключению, что многие из них сводятся к нелепостям, а другие оказались в списке инстинктов «явно по недоразумению».

Каков же действительный смысл в таком случае беспочвенных утверждений реакционных психологов о наличии у людей инстинктов, в том числе социальных, которые якобы определяют все их поведение и мышление?

Понять это совсем нетрудно. Если природа человека определяется главным образом инстинктами как чем-то постоянным, неосознаваемым, независимым от условий существования, тогда современная капиталистическая действительность не ответственна за те пороки и извращения психики людей, которые она порождает. Почему происходят войны, увеличивается рост преступности, чем объяснить расовую дискриминацию и эксплуатацию человека человеком при капитализме? Реакционные

¹ См. «Psychiatry» v. 5, 1942, p. 509—516.

психологи на все эти вопросы дают одинаковый ответ: все это обуславливается «инстинктами» человека. Войны порождаются «инстинктом драчливости», накопление капиталов в руках горстки монополистов — «инстинктом стяжательства» и т. п. Инстинкты человека неизменяемы, следовательно, нельзя преодолеть и все те отрицательные явления, которые типичны для капитализма. Так из «неизменности» психики людей реакционные психологи делают вывод о «вечности» капитализма.

Типичным выражением подобной точки зрения, основанной на признании врожденных инстинктов человека, является фрейдистское понимание сущности войн. Война, согласно точке зрения Фрейда, — это проявление инстинкта смерти, который присущ протоплазме вообще и встречается будто бы уже у наиболее просто организованных живых существ. Для того чтобы несведущим выяснить, каким же образом инстинкт смерти вдруг превращается в агрессивность, Фрейд сочинил следующую версию. Он писал: «Вследствие соединения одноклеточных элементарных организмов в многоклеточные живые существа удается нейтрализовать влечение к смерти отдельной клеточки и с помощью особого органа отвлечь разрушительные побуждения во внешний мир. Этот орган — мускулатура, и влечение к смерти проявляется, таким образом, — вероятно, впрочем, лишь частично — как инстинкт *разрушения*, направленный против внешнего мира и других живых существ»¹. Ясно, что такое «объяснение» — чистейший вымысел и выходит за пределы науки. Однако это ни в коем случае не уменьшает его идеологической вредности. Исходя из подобных представлений о «врожденном» характере человеческой агрессивности, идеологи империализма выдвигают теории о «вечности» и «неизбежности» войн, о соответствии их природе человека, ссылаясь при этом на незаслуженно раздутый авторитет Фрейда.

Интересен следующий факт. В 1932 г. А. Эйнштейн обратился к Фрейду с письмом, в котором обращал его внимание на симптомы угрозы безопасности и возникновения войны. Как явствует из письма, Эйнштейн считал Фрейда «знатоком инстинктивной жизни человека». Мне, как неспециалисту, писал ученый, кажется,

¹ З. Фрейд, Я и Оно, стр. 40.

что войны возникают вследствие «вожделения к ненависти и разрушению», существующего в человеке. Что надо сделать, чтобы помочь людям преодолеть эту склонность к взаимной ненависти? — таков смысл его письма. Ответ Фрейда на это послание гласил, что нет надежды на то, чтобы человеческие существа пресекли в себе заложенные в них агрессивные тенденции. Фрейд подчеркнул, что «идеальные мотивы часто служат камуфляжем склонности к разрушению». Человека «ведет» по жизни инстинкт смерти, он может иногда превратиться в стремление к разрушению. Этот инстинкт является неотъемлемой частью человеческой природы. Поэтому, писал Фрейд, войны вряд ли преодолимы. Если даже удастся направить врожденную агрессивность людей по иному пути, то тем не менее конфликт между цивилизацией и ненавистью людей все равно сохранится.

Содержание приведенной переписки, опубликованной в 1933 г. в материалах Международного института интеллектуальных связей, свидетельствует о реакционности воззрений Фрейда по такому важному вопросу, как происхождение и сущность войн. При решении этого вопроса Фрейд, как и при решении других проблем, не считался с фактами, не анализировал закономерностей развития человеческого общества, а занимался произвольными спекуляциями. Не удивительно, что социологические выводы, которые он делает, расходятся с действительностью. Но их идеологический и политический смысл очевиден. Чего стоит только следующее заявление Фрейда: мир, если он будет установлен, психологически приведет человечество к катастрофе! Естественно, что такого рода выводы вполне устраивают империалистов, заинтересованных в гонке вооружений и раздувании военного психоза.

Вслед за Фрейдом извращение общественных явлений на основе теории инстинктов допускают и его многочисленные современные последователи. Так, например, Кискер в США считает современное общество психологически незрелым, ввиду чего «наивно надеяться, что люди в наше время могут научиться жить в мире сами с собой и с другими людьми»¹. Ответственность за подобное отсутствие миролюбия он возлагает на

¹ См. «World Tension. The Psychopathology of International Relations», New York, 1951, p. 316.

инстинкты. Другой неофрейдист, В. Троттер, основываясь на изобретенном им понятии «стадного инстинкта», с его помощью объясняет все явления социальной жизни, в первую очередь классовую борьбу. Английский неофрейдист Монси-Кирль в своих работах пишет, что инстинкты определяют собой политические воззрения людей и события политической жизни.

Подоплека спекуляции буржуазных ученых на приписываемых ими человеку врожденных инстинктах, психических и бессознательных «комплексах» и т. п. уже давно разгадана прогрессивными учеными. Г. Уэллс в работе «Прагматизм — философия империализма» пишет, что вымышленные инстинкты служат для реакционных психологов средством, с помощью которого они обосновывают неизбежность войн, расовое неравенство, «естественность» линчевания негров, разделения людей на классы и т. п. В другой своей работе Уэллс отмечает: «В каждом случае психология, признающая инстинкты, используется в целях отвлечения внимания народа от поисков действительных причин политических и социальных условий... Психологические направления, основанные на инстинктах, поставляют большую часть того материала, который в различных формах используется империалистической идеологией»¹.

В тесной связи с представлением о врожденности и неизменности «социальных инстинктов» находится доктрина о врожденном превосходстве одних людей над другими, особенно широко распространяемая в США. Она используется, как пишет Уэллс, во-первых, для того, чтобы «оправдать и поддержать классовое господство». Во-вторых, для оправдания господства одной нации над другой. В-третьих, «доктрина врожденного превосходства применяется для того, чтобы разъединять трудящихся всех стран и тем самым усиливать политику «разделяй и властвуй». Доктрина врожденного превосходства мужчины над женщиной, мужского превосходства, является чрезвычайно эффективным дополнением к доктринам классового, национального и расового превосходства».

«Во всех своих формах, — продолжает Уэллс, — доктрина врожденного превосходства представляет собой

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 278.

идеологический столп классового общества и особенно капитализма эпохи империализма. Поэтому не удивительно, что всячески стараются защитить, рационализировать и поддержать эту доктрину»¹.

Выступление передовых ученых в капиталистических странах против ненаучного понимания инстинктов, раскрытие реакционного идеологического смысла теории инстинктов являются вместе с тем борьбой против тех психологов-идеалистов, которые выступают ныне против научной оценки роли сознания, разума в жизни людей. И чем успешнее их критика теории инстинктов, тем более слабыми становятся позиции современных обскурантов в психологической науке.

Теория фрустраций. Наряду с теорией инстинктов в арсенале психологов-идеалистов, возглавляющих поход против сознания, разума, находится также теория фрустраций — одно из новейших порождений идеалистической психологической мысли в США. Ее создатели (Доллард, Сьерс, Дуб, Миллер, Мауер) исходят из фрейдовского психоанализа и теории инстинктов. Суть их «теории» сводится к следующему. У человека имеются врожденные инстинкты, которые являются главными движущими силами человеческого развития. Внешние условия играют определенную (но не ведущую) роль в формировании человека, а следовательно, по их мнению, и в появлении тех или иных общественных институтов, соответствующих природе человека; однако роль их главным образом отрицательная (как и по Фрейду): условия среды препятствуют свободному и открытому проявлению внутренних побуждений человека, вызывая в нем агрессивные устремления. С этим «тормозящим» влиянием среды и связано понятие «фрустрация».

В одной из своих работ («Фрустрация и агрессия», 1939 г.) Роберт Р. Сьерс следующим образом поясняет, что такое фрустрация. Представьте себе ребенка, пишет он, желающего полакомиться вареньем, которое находится, как он знает, в буфете. Это желание его является побудителем ряда «инструментальных» действий, направленных на достижение заветной цели: подтащить к буфету стул, залезть на него и т. п. Но вот в комнату

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 123.

входит мать и запрещает брать варенье. Внутренние силы, толкающие ребенка на совершение «инструментальных» действий, не получают реализации, и у ребенка возникает фрустрация, выявляющая «дремлющие ужасные инстинкты». Ими является агрессивность, стремление нанести, как пишет Сьерс, «вред организму». Западногерманский психолог Курт Бонди утверждает, что фрустрация возникает при наличии затруднения (препятствия) на пути к намеченной цели: недостаток питания, отсутствие любви, недостаток средств для покупки нужной вещи и т. д. Когда появляется фрустрация, по его мнению, определить ее представляется возможным: в одних случаях она возникает, в других (при тех же условиях) нет. Причины фрустраций социальные. Особенно часто фрустрации возникают в детстве.

Сьерс перечисляет следующие формы «агрессии», возникающей на основе фрустрации: доносы, оскорбительные выпады, насмешки, убийства, самоубийства и т. д. При этом он считает, что не всегда агрессивное поведение следует непосредственно за фрустрацией; иногда оно откладывается на некоторое время, поскольку «организм» (этим термином он называет личность) занят выполнением другого действия, вызванного более сильным побудителем. Аналогичная задержка может возникнуть и тогда, когда агрессивные намерения «организма» встретят контрагрессию или сильное противодействие. В этом случае судить о наличии агрессии позволяют (и это идет явно от Фрейда) «скрытые акты агрессий» — насмешки, сновидения и т. п. Отдельные фрустрации, порождающие стремление к агрессивным действиям, которые не были немедленно реализованы, могут вызвать весьма сильную агрессивную реакцию, являющуюся как бы «суммой» несостоявшихся агрессивных актов.

По мнению создателей теории фрустраций, агрессия, встречая сильное противодействие, может быть направлена «не по адресу» или даже на самого себя. Совершение же тех или иных агрессивных действий способствует якобы «очищению» (совсем так, как трактовал это Фрейд).

Теория фрустраций «обосновывается» буржуазными социальными психологами экспериментально. Так, Сьерс

в 1947 г. опубликовал результаты своих экспериментальных исследований, выполненных над студентами, под заглавием «Реакция взрослых в ситуации фрустраций»¹. Он применил в своих опытах в качестве «препятствия» запрещение спать. В ответ на запрет студенты делали устные и письменные заявления, которые расценивались как «реакции», вызванные фрустрацией.

Большое место в фактическом «обосновании» взглядов сторонников теории фрустраций занимают этнографические исследования над индейцами, новогвинейцами и другими народами.

Такова вкратце теория фрустраций. Она по-новому реализует фрейдовское положение о перемещении «внутренней энергии» и внутриспсихическом конфликте, возникающем ввиду тормозящего и вредного влияния среды. Поэтому ей присущи все те пороки, которые свойственны фрейдистским взглядам и теории инстинктов, а именно: отрицание значения сознания и переоценка бессознательных сил, влечений, стремлений; непризнание решающего влияния общественных условий бытия на формирование психики человека, их роли в определении его мотивов поведения, потребностей и интересов.

Теория фрустраций пользуется в США и других капиталистических странах широкой известностью, так как позволяет оправдывать пороки капиталистической системы, объясняя их «фрустрациями» и врожденной «агрессивностью». Она имеет ныне много сторонников не только из числа психосоциологов. Так, Б. Малиновский, известный антрополог, в одной из своих обобщающих работ, говоря о психическом складе «туземцев», указывает, что они «легко фрустрируются»². В результате этого «врожденный инстинкт драчливости» превращается у них в «коллективную ненависть» и затем в «организованную, направленную борьбу». Исходя из этих положений, легко объяснить борьбу, которую ведут народы, поработанные империалистическими странами, не колониальным гнетом, не беспощадной эксплуатацией, не их растущим самосознанием и сплоченностью,

¹ R. Sears, Adult Reaction in a Frustration. «Readings in Social Psychology», New York, 1947.

² См. B. Malinowski, Sex and Repression in Savage Society, London, 1953.

а, видите ли, «трансформацией» «врожденной драчливости» в результате фрустрации.

За свое почти двадцатилетнее существование теория фрустраций претерпела некоторые видоизменения, касающиеся в первую очередь понимания последствий фрустраций. Американский психолог С. Сержент в работе «Реакции на фрустрацию» (1951 г.) отмечает, что в результате фрустрации далеко не всегда появляется агрессия. По его мнению, весьма часто в качестве следствий фрустрации бывают идентификация человека с другой личностью, различные компенсаторные реакции, подавление, отказ от решения, уход в мир фантазии и т. п. Агрессивность является лишь одним из следствий фрустрации.

Сторонники теории фрустраций ныне горячо спорят относительно того, можно ли воспитать ребенка, у которого не возникла бы агрессивность на основе фрустрации. Исследованию этого вопроса, в частности, посвящена работа С. Розенцвейга «Основы теории фрустрации» (1944 г.), в которой автор, основываясь на обильном фактическом, специально им подобранном материале, приходит к отрицательным выводам. Можно выработать, пишет он, «терпимость к фрустрации», но полностью освободиться от нее невозможно, следовательно, невозможно избежать и появления агрессивности.

В настоящее время социальные психологи пришли к мнению, что возникновение фрустрации, а значит, и агрессивности, определяется в конечном счете «структурой общества» — социальными условиями.

Объясняя происхождение войн, психолог Райт пишет, что динамически война характеризуется развязыванием и освобождением «ужасных агрессивных импульсов» в результате фрустрации. Дж. Доллард в книге «Фрустрация и агрессия» утверждает, что появление агрессии постоянно связано с наличием ситуации фрустрации. Война возникает, с его точки зрения, при обязательном стечении некоторых «социальных обстоятельств». Однако под этим термином он имеет в виду не политику правящих классов, не экономические потребности развития капиталистического общества, не антагонизмы между империалистическими государствами, а — и это весьма показательно — такие явления, которые ограничиваются

сферой отдельного индивида: крушение личных планов, надежд, появление чувства небезопасности, беспокойства и т. п. Само собой понятно, что подобное ограничение «социальных условий» является ненаучным, так как не вскрывает причин «крушения личных планов» и других личных «неприятностей».

Социальные психологи утверждают, что проснувшиеся «ужасные дремлющие силы» сами по себе слепы. Однако они могут «прозреть». В этом «прозрении» основную роль играют лидеры. Если лидеры, пишет американский психолог Стагнер, своими речами, газетными статьями и другими средствами распространяют взгляд, что «нашей группе» угрожает другая «группа», это направляет агрессивность по определенному руслу — на борьбу за новые рынки сбыта и сырья, на захват чужих территорий. Именно потому, что лидеры опираются в своей пропагандистской деятельности на скрытые потенциальные силы людей, их слова и убеждения оказываются сильнее, чем, как указывает тот же Стагнер, «противодействие большой группы».

Многочисленные работы сторонников теории фрустраций, посвященные проблеме происхождения войн, причинам преступности, объяснению национально-освободительного движения и другим актуальным вопросам современности, искажают истинные причины этих общественных явлений и не оставляют и тени сомнения в реакционности теории фрустраций. Как и теория инстинктов, она признает первоосновой всех человеческих поступков врожденный инстинкт («драчливость»); как и представители других реакционных теорий, сторонники теории фрустраций индивидуализируют и психологизируют общественные явления, объясняя их «внутрипсихическими конфликтами» бессознательных сил, вызванными противодействующим влиянием «среды». В ложном, ненаучном свете представляя причины войн и других общественных явлений, сторонники теории фрустраций одурманивают сознание людей и препятствуют тем самым распространению передовых идей о закономерностях развития общества.

Психология мистики и оккультизма. В капиталистических странах в походе против сознания принимают участие не только психологи-идеалисты, но и представители откровенно мистических и оккультистских школ,

относящихся к идеалистической психологии. Эти школы пользуются немалой известностью среди широких кругов населения США, Западной Германии, Франции и Англии, распространяя обскурантистские, враждебные науке представления и культивируя невежественные суеверия.

Одной из таких школ, о которой упоминается даже в серьезных психологических журналах, является школа по изучению «сверхчувственного познания». Результаты «исследования» этой «проблемы» изложены в работах многих психологов в США, Западной Германии, Франции — Урбана, Бендера, Тишнера, Райна. Методы изучения «сверхчувственного познания» соответствуют предмету изучения. К ним относятся опыты по чтению мыслей на расстоянии, расшифровка «вещих» снов и предчувствий, особенно сложным представляется (как об этом пишет Аншютц) столоверчение.

Западногерманский психолог Тишнер в книгах «О телепатии и ясновидении» и «Результаты оккультных исследований», изданных в середине нашего столетия, доказывает, что вместе с чувственным опытом, а также и помимо него человек получает некоторые данные, относящиеся к миру «потустороннего». Тишнер в своих работах «научно» определяет сущность телепатии и ясновидения. Телепатия — это такая дисциплина, пишет он, которая занимается изучением передачи чужого душевного содержания от человека к человеку, без всякого посредника в виде органов чувств. Ясновидение, по его мнению, отличается от телепатии тем, что имеет дело с такими «чистыми» «феноменами», которые никем никогда не воспринимались чувственно, но существуют реально в мире и определяют психику отдельных людей и их мышление. Иными словами, ясновидение — это знание о том, чего никто не знает и не может обычным путем узнать.

Как «установил» этот психолог, способность к телепатии и ясновидению бывает двух видов: спонтанная и экспериментальная. Спонтанная — в том случае, когда АСВ («сверхчувственное познание») наступает самопроизвольно, неожиданно, без всякого желания со стороны человека. Бывает это редко, замечает Тишнер, иногда раз в жизни. Люди делятся на две категории: тех, которые переживали хоть раз спонтанное проявление теле-

патии или ясновидения, и тех, кто никогда этого не испытывал. Экспериментальные телепатия и ясновидение вызываются специальной обстановкой. Их можно, так сказать, вызывать по заказу, но тоже не у всех людей.

«Классическим» исследованием в области «сверхчувственного познания» являются «труды» американского психолога И. Райна. В 1934 г. он издал сочинение «Сверхчувственное восприятие», а в 1950 г. — «Границы человеческого духа». В последнем исследовании автор использовал игральные карты в качестве экспериментального материала. Он занимался также отгадыванием сновидений. Подопытными объектами были студенты американских колледжей. Райн пишет, что он установил ряд «капитальных» фактов. Прежде всего то, что кофе повышает способность к телепатии, а пол испытуемых для «сверхчувственного восприятия» безразличен. Усталость, огорчения и тому подобные факторы снижают возможности «сверхчувственного познания». По сравнению с передачей мыслей на расстояние угадывание чужих мыслей, пишет он, — более пассивный процесс. Райн утверждает, что существуют различного рода телепатии: предметная — нахождение спрятанных вещей; психометрическая — когда испытуемый, прикасаясь к предмету, узнает его владельца, и другие.

Из подобного рода занятий Райн и другие «ясновидцы» заключают, что дух стоит над материей, являясь, таким образом, первичным.

В «исследованиях» психологов-мистиков используются не только спрятанные предметы и игральные карты. Представители кристаллоскопии, например, используют в своих опытах... тарелки. Смотря на них (а еще лучше на специально приготовленные кристаллы), они впадают в состояние транса, во время которого могут якобы «предсказывать» будущее и т. п.

Широкое распространение (и это нашло свое отражение в литературе) имеет ныне и хиромантия. «Наука» эта «определяет» судьбу человека по линиям на ладонях его рук.

Еще фантастичнее занятие «науками», называемыми авто- и ксеноскопией. Эти «науки» имеют якобы дело с таинственной способностью человека при неко-

торых условиях видеть насквозь или свое собственное тело (автоскопия), или тело других людей (ксеноскопия). Если бы такая способность действительно существовала у людей, то непонятно, почему до сих пор она не использовалась хотя бы в медицине вместо рентгеноскопии!...

В настоящее время немалое распространение имеет в странах капитала и астрология. Строго говоря, она ранее не относилась к психологии. Однако Юнг и Розенберг, один в 1944 г., другой в 1950 г., «опровергли» это представление. По их мнению, астрология — психологическая дисциплина. Она занимается предсказанием судьбы людей по положению звезд и другим космическим явлениям. Как же тут обойтись без идеалистической психологии! По мнению Юнга, Розенберга, Байера и других, занимающихся за рубежом гороскопом, человек, будучи частичкой космического универсума, якобы испытывает на себе влияние неведомых космических процессов, прямо определяющих его психику и судьбу. Подобное «влияние» из космоса оказывается, по мнению астрологов, и на животных, и на растения. Мнение это настолько оказалось популярным, что с 1926 г. в США стал издаваться специальный журнал, так сказать, в помощь занимающимся гороскопом. Под влиянием астрологии в 1935 г. немецкий психолог Рут Стульман переработала и издала вновь календарь, из которого следовало, что успех перечисленных в нем лиц был обусловлен «счастливой датой» или другими «случайностями», которых в календаре перечислено 12 тыс. Сделанное в 1935 г. не оказалось забытым. В 1944 г. в Германии был издан другой «труд» — «Рождение и одаренность», в котором в сущности продолжена та же астрологическая линия. Ярым сторонником гороскопа в Западной Германии в наши дни является Х. Штоссель.

В противоположность прежним утверждениям, согласно которым «предугадывание» с помощью «волшебного жезла» является оккультизмом, сегодня находятся «теоретики» и «практики» буржуазной психологии, которые объявляют, что такого рода «предугадывание» заслуживает особого внимания. Западногерманский психолог Г. Аншютц утверждает даже, что в силу существования «сверхчувственного познания» некоторые люди, взяв палку («жезл») в руки, могут, оказывается,

«нащупывать» ею полезные ископаемые в недрах земли. Палка якобы правильно ведет их к цели. В литературе, указывает он, описаны «случаи», когда такие люди «находили» залежи каменного угля, соли, железной руды и т. д.

Психологи, изучающие возможность «предугадывания» с помощью «волшебного жезла», «установили», что оно зависит от типа людей, их душевного состояния, тренировки, от погоды, времени года, дня и ночи. Оказывается также, что одни люди умеют «находить» источники воды, другие — каменную соль, третьи склонны определять залежи металлов. Правда, как признает Г. Аншютц, природа объективных раздражителей, которые имеют место в данных «случаях», еще не выяснена. Некоторые психологи допускают наличие «земных лучей», оказывающих вредное воздействие на организм, другие пишут о «неизвестных» влияниях, третьи ищут объяснение в космических и некоторых земных факторах, которые якобы взаимодействуют и вместе влияют на человека.

К числу явлений «телефизического» порядка относится также якобы имеющее место явление воздействия человеческой воли на неживые предметы, заставляющее их передвигаться в пространстве. Это — столоверчение, телекинез (перемещение предметов под влиянием психики), аппорты (повреждение предметов при воздействии на них психики) и т. п. Райн в своей работе 1950 г. с полной серьезностью допускает возможность повлиять волевым усилием на игральную кость, которую бросают на стол. Вот каков далеко идущий результат «исследований», выполненных на материале азартных игр!

Какими бы странными ни казались подобного рода «исследования» зарубежных психологов-идеалистов, тем не менее они имеют место. Деятельность психологов-мистиков выдается за «многообещающую», за «вполне реальную», «научную» и т. д. Занятие мистикой оправдывается тем, что психологам «тесно» в существующих ныне рамках, что они «могут» включить в орбиту своих исследований космические и прочие факторы.

Антиинтеллектуалистическая пропаганда в США и других капиталистических странах выражается, в частности, в распространении гаданий и других ненаучных

способов «предугадывания» судеб людей. «Ежегодно различным предсказателям судьбы выплачивается много сотен тысяч долларов, — отмечает Л. Гурко. — Для распространения их деятельности богатство и образование не имеют значения. Они одинаково пользуются успехом среди богатых и бедных, среди высокообразованных людей, так же, как и среди полуграмотных. Газеты с большим тиражом способствуют их популярности, ежедневно печатая гороскопы и анализы почерков... Посвященные астрологическому культу журналы, как почти все периодические издания, имеющие дело с мистическими и оккультными явлениями, преуспевают. Единственный вид книг в книжном магазине, о которых можно с уверенностью сказать, что они будут проданы, это издания, касающиеся оккультных и сверхъестественных вопросов. Во многих районах страны существуют «заклинатели» и «ворожеи»¹.

Психологи-идеалисты немало способствуют этой кампании по распространению суеверий и мистики. Одной из школ, занимающейся в прямом смысле слова гаданием и «предсказанием» судеб людей, является физиогномика, другой — витософия, которые «научно» делают то же самое, что и заклинатели и ворожеи.

Основные положения физиогномики были высказаны рядом европейских психологов: Х. Фрейером, Р. Касснером, Х. Штрелем, Ф. Ланге, Л. Еккштейном, Ф. Лершем, Л. Клагесом и другими. В наши дни они переиздают старые и пишут новые «труды» по физиогномике (например, Ланге — в 1952 г., Лерш и Касснер — в 1951 г.). Согласно точке зрения этих психологов между телесными и душевными проявлениями человека существует какая-то корреляция. При этом они указывают на факт сосуществования явлений, наблюдаемых в природе. Почему бы, с их точки зрения, не быть такой закономерной связи между конституцией и психикой? Мы говорим о выражении душевного в телесном, пишет Лерш, понимая под этим выражением лишь то, что мы судим об одной стороне однородных состояний на основании данных о другой.

Каковы же телесные данные, проливающие свет на «душевные» процессы? Сторонники физиогномики дают

¹ Л. Гурко, Кризис американского духа, стр. 204—205.

следующий перечень их: рост человека, его вес, упитанность, пропорции, форма черепа, рук, ног, форма носа, ушей, ногтей, зубов, глаз, губ, состояние мускулов, анатомические и физиологические особенности внутренних органов и т. д. Во всех этих данных, говоря словами Лерша, содержатся «следы выражения» психического, отражение «внутренних переживаний». Кроме «спонтанных знаков душевного значения», которые являются неосознанными, Лерш усматривает наличие также и «смысловых» знаков. К ним относится устный и письменный язык.

Примерно тех же взглядов придерживаются и сторонники витософии. Они утверждают, что форма черепа, цвет волос, строение зубов, температура выдыхаемого воздуха, форма рта являются будто бы «знаками» черт характера человека. По первым представители витософии судят о вторых.

На первый взгляд может показаться, что констатация факта «сосуществования» одних черт с другими — телесных с психическими — оправданна и правомерна. Некоторые внешние, конституционные особенности людей могут, например, соответствовать тем или иным чертам их характера. Но наука не может ограничиться лишь констатацией и описанием такого соответствия. Наука должна вскрывать реальные причины, лежащие в основе изучаемых явлений. Сторонники физиогномики и витософии тоже не желают оставаться на поверхности фактов; они претендуют на установление причинно-следственных отношений. Но как они делают это? Совершенно произвольно из факта соответствия некоторых черт телесной организации каким-то психическим особенностям людей они заключают, что «причина» такого соответствия находится в «непосредственном переживании», определяющем и телесные, и психические особенности людей. Никаких доказательств при этом они не приводят. Лерш признает, что основные представления физиогномики «восходят к донаучному жизненному опыту с его инстинктивной, непосредственной основой». Поэтому нет ничего удивительного в том, что положения физиогномики и витософии и на самом деле оказываются далекими от подлинной науки. Представители этих школ заменяют разум интуицией, неизбежную относительную ограниченность научного знания выдают за бессилие

науки вообще, с тем чтобы подчеркнуть «всесилие» и «могущество» мистики и интуиции.

Психологи-мистики в странах капитала, способствуя распространению суеверий, иррационализма, в своих нападках на науку получают поддержку со стороны представителей религиозно-психологических школ, а также тех «ученых», которые перешли на сторону откровенной мистики. Примером такого альянса может служить взаимоотношение так называемых парапсихологов и некоторых реакционных физиков и биологов.

Как уже отмечалось, парапсихология считается одним из самых «древних» ответвлений идеалистической психологии. Американские психологи утверждают, что ее истоки уходят в седую древность, когда людям чудились ведьмы, русалки и тому подобные призраки и они всерьез верили в их существование. На основании этой веры они заключают о существовании «бестелесной субстанции», о возможности чтения мыслей на расстоянии, общения с призраками. Однако с некоторых пор по вполне понятным причинам парапсихология стала утрачивать свое влияние. Книги, посвященные русалкам и духам, не раскупались. Тогда в защиту ее выступили отдельные биологи и физики.

Швейцарский биолог Фанни Мозер в 1950 г. выпустила специальную книгу «Заблуждение или истина?», в которой с серьезным видом пишет о «реальности настоящих призраков», о случаях «материализации привидений». Она определяет призраки как «одну из примечательных сторон человеческих сказок и верований», в которые человечество верит открыто или тайно, которых страшится сознательно или бессознательно; она усматривает в этих верованиях существование и проявление сверхъестественных сил, «вхождение чуждого мира в нас, как бы это на первый взгляд ни казалось невозможным».

Если защита мистики со стороны биолога Мозер носила бездоказательный характер и опиралась только на силу ее «авторитета» как представителя «естественных наук», то известный реакционный физик П. Иордан выдвигает «аргументы». В 1947 г. вышла его книга в защиту явлений, аналогичных парапсихологическим. Свои доводы он основывает на... принципе дополненности, выдвинутом рядом физиков. Он утверждает,

что согласно этому принципу мы не в состоянии одновременно исследовать два таких явления, как сознание и бессознательное. Когда мы осознаем что-либо, тогда автоматически исключается поток бессознательного; и, наоборот, в момент интуиции мы ничего не можем осознать. Поэтому-то так трудно установить парапсихологические явления; но они есть, есть на самом деле в окружающей нас действительности, убеждает своих читателей этот физик. С мнением Иордана полностью согласен другой физик — А. Лейнвебер. В 1952 г. он выпустил книгу «Спиритуалистическая гипотеза. Проблема явления в науке». В ней он отстаивает примерно те же взгляды, что и Иордан.

Так некоторые представители естественных наук используют «научные» аргументы и свой авторитет естествоиспытателей для защиты и модернизации откровенно реакционных течений в современной буржуазной психологии.

Поход буржуазных психологов-обскурантистов против сознания, в защиту мистики, оккультизма и суеверий — это одновременно и показатель кризиса идеалистической психологии, и попытка выполнить социальный заказ правящих кругов империалистических государств, которые кровно заинтересованы в любом «ниспровержении» науки, в любом способе затемнения сознания трудящихся масс, чтобы отвлечь их внимание от необходимости классовой борьбы, от идей социализма. «Новый мистицизм, — отмечает Дж. Бернал, давая социальную оценку антиинтеллектуализму нашего времени в странах капитала, — является... искусственным, нарочито выпестованным немногими для того, чтобы отвлечь внимание большинства от понимания социальных несправедливостей и превратить это большинство в покорное орудие реакции с теми трагическими и ужасными последствиями, свидетелями которых мы только что были (имеется в виду вторая мировая война. — Н. М.)... Это течение принимает разнообразные формы — от агрессивного клерикализма и атомного милитаризма до мягких, но опасных пессимистических теорий. Все они имеют между собой нечто общее. Все они проповедуют мысль, что положение человечества не может быть улучшено путем сознательного, разумного сотрудничества. Они требуют меньше знаний и больше веры;

они единоклюшны в своих нападках на страны, где люди собственными силами стремятся создать цивилизацию на научной основе. Они пытаются умалить значение того учения, которое ведет людей к этой цели, — значение философской системы диалектического материализма»¹.

В этом заявлении английского ученого-материалиста и прогрессивного общественного деятеля содержится глубокая правда: поход против сознания, антиинтеллектуализм направлен также и против передового научного мировоззрения, каким является марксистско-ленинская философия, и его широкое распространение следует рассматривать как одну из попыток противостоять влиянию передовых идей.

Идеалистическая психология и религия. Последовательные идеалисты в психологии всегда были связаны с теологией и религией. В настоящее время религиозно-психологические школы заметно активизировали свою деятельность. Их представители заговорили о необходимости восстановления былой прочной связи идеалистической психологии с теологией и религией. Этот призыв не является случайностью. В условиях обострения общего кризиса капиталистической системы в странах капитала к религии обращаются не только психологи-идеалисты, но и другие буржуазные ученые, а также деятели искусства. Одновременно с этим теологи осуществляют попытки «примирить» науку и религию. Все это происходит на фоне постепенного, все усиливающегося падения авторитета церкви и религиозной веры среди широких кругов трудящихся и интеллигенции.

Следует отметить также, что альянс буржуазных ученых с религией находит всяческую поддержку со стороны правящих кругов империалистических государств, заинтересованных как в восстановлении влияния церкви, так и в укреплении идеалистических направлений в науке. «Монополии щедро, — отмечается в Программе КПСС, — финансируют клерикальные партии и организации, эксплуатирующие религиозные чувства трудящихся, их суеверия и предрассудки»².

¹ Дж. Бернал, Наука и общество, стр. 11.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 53.

Двусторонняя тенденция, направленная на «синтез» науки и религии, является показателем и кризисного состояния буржуазной науки, и снижения популярности религии. Вместе с тем стремление к объединению определенной части буржуазных ученых с теологами является одной из форм того похода против сознания, в котором участвуют идеалисты-психологи. Распространение религии является одновременно способом борьбы реакционных сил в странах капитала против распространения передовых, прогрессивных идей, в первую очередь марксистско-ленинской философии.

Чего ожидают теологи и психологи от укрепления взаимных связей? Теологи хотят получить от идеалистов-психологов новые подтверждения существования в человеке нематериального начала — «души». Идеалисты-психологи рассчитывают с помощью религии обрести популярность хотя бы у части верующих.

В каких формах проявляется связь идеалистической психологии с религией? Прежде всего в факте существования религиозно-психологических школ. Наиболее популярны из них ныне три: католическая и лютеранская школы психологии, а также так называемая психология религии.

Многие американские психологи гордятся тем, что в год создания на американском континенте первой экспериментально-психологической лаборатории (1891) в США был открыт Католический университет. Показательно, что основателем его явился психолог Г. Рейт, в свое время учившийся у Вундта; в США он занимал ряд видных постов в психологических обществах и являлся редактором психологических журналов. Одним из ведущих предметов во вновь открытом «учебном» заведении была, как является и в настоящее время, психология. Там читается в общей сложности свыше 25 курсов по этому предмету, преимущественно в духе учения средневекового схоласта Фомы Аквинского. Поэтому психология, которую развивают и распространяют деятели Католического университета, называется неотомистской, или неосхоластической, психологией.

Современные психологи-неотомисты своей главной задачей провозглашают укрепление веры в бога и в прочие догматы католицизма. Они резко противопоставляют «философскую» психологию экспериментальной,

или эмпирической. Первая должна заниматься объяснением психических явлений и вырабатывать основные принципы психологии. Вторая — получать факты, поскольку в настоящее время, когда опытное знание приобрело столь большую популярность, нельзя полностью отказаться от экспериментирования в психологии. Однако роль экспериментальной психологии второстепенна, поскольку «жизнь, — как пишет Рейт, — не может быть проанализирована при помощи инструментов, лишенных жизни»¹. Данные, получаемые экспериментаторами, должны подтверждать «истины» «философской» психологии, установленные дедуктивным, умозрительным путем.

Неотомисты-психологи исходят из того утверждения, что у человека имеется «душа», которую каждый раз творит бог вместе с зарождением нового человеческого организма. «Душа» (наряду с телом) является «соосновой» человека. Взаимоотношение «души» и тела идентично взаимоотношению формы и содержания, как трактовал его Аристотель. В свое время В. И. Ленин писал, что «поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»². Эти слова полностью применимы и к неотомистам в психологии. «Душа», по мнению неотомистов, возникнув, остается бессмертной, и ей присущи predetermined «свыше» свойства, от которых зависит якобы все остальное в психической жизни, в каких бы условиях ни был человек.

Характерно для психологов-неотомистов, что, выдвигая подобного рода утверждения, они не приводят и, естественно, не могут привести никаких доказательств, голословно провозглашают свои умозрения «аксиомами».

По аналогии с религиозной точкой зрения о триединстве бога (бог-отец, бог-сын, бог-дух святой) психологи-неотомисты различают три вида «души» у человека: растительную, чувствительную и рациональную. Каждая из них обладает своими способностями и силами. Растительная «душа», говорят они, имеет отношение к питанию, росту и размножению. Чувствительная «душа»

¹ H. Reith, *An Introduction to Philosophical Psychology*, Prentice Halle, 1956, p. 5.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 365.

определяет чувства (все пять чувств, по их мнению, созданы богом и остаются со дня творения без изменения), ощущения (подразделяемые на внутренние и внешние), регуляцию движений. Рациональная «душа» определяет интеллект, который согласно представлениям психологов-неотомистов подразделяется на пассивный и познавательный, или активный.

Неотомисты различают низшие и высшие психические явления в соответствии с наличием разных «душ», имеющих у человека. Показателем «качества» психической функции служит ее свобода, независимость от материальных явлений и процессов. Наиболее свободными в их смысле являются познавательный разум и воля. Разграничение, градация психических сил — характерная черта для миропонимания неосхоластов, которые в церкви устанавливают строгую иерархию, полагая, что так требует вера в бога.

Основными чертами неотомистской психологии являются:

1. Функционализм. Неотомисты занимаются бесконечными классификациями и определениями отдельных функций «души» и ее проявлений. Это и понятно, так как они не ставят перед собой задачи установить причинно-следственные связи, которые определяли бы психические явления, и отрицают, что психика развивается, формируется. 2. Индетерминизм, т. е. отрицание решающего значения внешних условий в возникновении психических явлений. 3. Отрицание роли головного мозга как органа психики. 4. Понимание психики как особой субстанции, которая является всегда осознанной и закономерности которой потому познаются исключительно интроспекцией.

Все эти черты сближают неотомистскую психологию с идеалистическими школами в Западной Германии, Австрии, Швейцарии. Как и последние, неотомистская психология является реакцией на материализм в психологической науке.

Кроме католической, неосхоластической психологии в Соединенных Штатах Америки имеется так называемая лютеранская психология. Основателем ее является Гросс — один из деятелей германской реформаторской церкви начала прошлого столетия. Положения лютеранской психологии в деталях отличаются от неотомистской

психологии. Так, например, психологи-лютеране считают, что у человека имеется единая «душа», которая прямо противоположна телу. Однако субстанциональное понимание «души», естественно, при этом нисколько не преодолевается; напротив, оно подчеркивается с еще большей определенностью.

Так же как и неотомисты, психологи-лютеране утверждают, что «душа» является верховной силой, от которой зависят все качества и особенности человека. Они также говорят о различных способностях «души», которые подразделяют на два класса: познавательные (чувства, фантазия, воображение) и аффективные, природные (отвращение, страсть, которая может перейти в привычку, склонность и т. п.). Подобно неотомистской психологии, лютеранская психология занимается описанием способностей «души» человека, провозглашая интроспекцию единственным «адекватным» методом психологической науки.

Сравнение католической и лютеранской психологий показывает их принципиальное родство. Пренебрегая научными открытиями и фактами, представители этих школ своими спекуляциями распространяют религиозные представления о божественной природе человека и его способностей, о независимости психики человека от условий существования и т. п. Как хорошо известно, все эти положения уже давно опровергнуты наукой. Поэтому-то, видимо, сторонники католической и лютеранской психологий и не пытаются даже вступать в дискуссию с представителями научной психологии. Одни факты они совершенно игнорируют, другие неверно истолковывают, и это является теми способами, которые дают им возможность пропагандировать средневековую мистику и изжившие себя религиозные взгляды.

Но не только профессиональные богословы-психологи занимаются отстаиванием обветшалых религиозных догм. В капиталистических странах Европы и в США ныне существует многочисленная группа психологов-идеалистов, которые представляют так называемую психологию религии.

«Психология религии» — отдельная, самостоятельная отрасль буржуазной психологии. Оправдывая религию, «обосновывая» религиозные представления, она по существу играет такую же социальную роль в жизни бур-

жуазного общества, как и католическая и лютеранская психологические школы.

Как заявляет один из представителей «психологии религии» в США — профессор Колумбийского университета К. Дэнлоп, основная задача этого направления состоит в том, чтобы показать роль религии в цивилизованной жизни и пользу ее для общества и личности. Иными словами, «психология религии» предназначается для защиты религии в глазах простых людей капиталистических стран. Психологическое оправдание религии Дэнлоп считает «большой научной заслугой» этой школы.

Одним из первых вопросов, который рассматривают сторонники «психологии религии», является вопрос о том, существует ли в наши дни конфликт между наукой и религиозной верой. Психологи-идеалисты отрицают противоположность науки и религии. Так, Ф. К. Саммер из Гарвардского университета (США) заявляет, что конфликт между ними — это эпизод далекого прошлого, имеющий примерно столетнюю давность. Ныне никакой непримиримости между ними более не существует. Подобное утверждение противоречит хорошо известным всем фактам, в него не так-то легко заставить поверить людей. Поэтому психологи-идеалисты делают такой трюк: они изменяют само определение религии, делая его «научным». Так, Дэнлоп определяет религию как «любой вид сознательной жизни». Психология же, по его мнению, — это наука о сознательных процессах и их условиях. Отсюда следует, что любое изучение религии находится «в компетенции психологии».

Что означает подобное понимание религии? Здесь мы вновь сталкиваемся с той же тенденцией, которая отмечалась, когда речь шла о многих европейских и американских социальных психологах: сторонники «психологии религии» индивидуализируют и психологизируют общественные явления. Религия — это не психическое явление, она не есть ни его сторона, ни особенность психики¹. Религия — прежде всего общественное явление.

¹ Говоря об этом, вместе с тем нужно иметь в виду, что существуют, конечно, религиозные переживания, связанные с отправлением религиозных культов, которые могут быть предметом психологического изучения. Однако религиозные переживания нельзя считать ни корнями религии, ни одной из причин существования религиозных предрассудков и суеверий.

ние. Однако сторонники «психологии религии» вместе с другими идеалистами-психологами, в той или иной связи писавшими и пишущими о религии, выступают против научного понимания религии. Они наперебой пытаются представить религию либо как психическое явление, возникшее вследствие желаний (потребности) людей во что-то верить, либо как инстинктивное, врожденное чувство, своеобразный рефлекс, как особое проявление бессознательного (например, фрейдист О. Ранк).

Следует отметить, что с этим мнением представителей «психологии религии» и примыкающих к ним психологов не соглашаются французские социальные психологи. Они считают, что религия — это элементарная, древняя форма социальной жизни людей. Из религиозности затем вырастает научное мышление и, наконец, наука. Как утверждал Дюркгейм, научная мысль — это только более совершенная форма религиозной мысли; религия — источник культуры, морали, права, логики; благодаря религиозным обрядам человек будто бы смог познать законы природы, например причинность, установил такие понятия, как пространство и время.

Отличие точки зрения представителей социологической школы психологии во Франции от сторонников «психологии религии» состоит в том, что первые выводили происхождение религии из социальных явлений (которые они неправильно трактовали), а вторые, как упоминалось, истолковывали религию индивидуально-психологически. Однако и те и другие вопреки фактам полагают, что религия свойственна человеческой природе, существует вечно и играет положительную роль в жизни людей.

Показу «положительной роли» религии представители «психологии религии» уделяют особо большое внимание. Вера в потусторонние силы, в божество, писал В. Грюн в работе «Спасение души в свете современной психологии», является совершенно необходимой для нормальной психической жизни людей. Вера якобы обеспечивает возникновение более богатой «внутренней жизни». Выходит, что «внутренняя жизнь» не зависит от общественной деятельности человека; это мнение противоречит известным всем фактам, которые свидетельствуют, что духовная жизнь верующих отличается крайней бедностью, однообразием, в то время как жизнь,

например, советских людей, активно строящих коммунистическое общество и в своей подавляющей массе являющихся неверующими, разнообразна, интересна и богата. Духовное богатство человека зависит от богатства его действительных отношений, а не от глубины религиозной веры.

«Обосновывая» пользу религии для людей, К. Брай в работе «Тайные религии» указывает, что религия, как и любая другая вера во что-нибудь, может «спасти» человека от жизненных невзгод, помогает ему переносить неприятности путем выключения из реальной жизни. Того же мнения придерживается и Оппенгейм, заявляющий о «терапевтической ценности» религии. Религия нейтрализует человеческие потрясения, депрессию ума, последствия человеческого горя, пишет Гуслон. Религия приносит «комфорт в несчастье» и предохраняет от утомительности, вторит ему Крафт-Эббинг, а Шьелдеруп довольно пространно описывает то «счастье», которое дает верующему вера в бога. Усталый рабочий, пишет он, ложится отдыхать; он закуривает, постепенно все тревоги, заботы и неприятности оставляют его; он начинает забываться; наступает абсолютная гармония; нет больше индивидуального «Я»; нет больше запросов и желаний. Это и есть аналог того «счастья», которое якобы приносит религия.

Это «счастье» не в труде, не в борьбе за достижение реального счастья на Земле, а в религиозном экстазе, напоминающем отравление наркотиками, который отделяет человека от жизни и уводит в мир фантазии. Описание Шьелдерупом действия религии на человека лишний раз убеждает в том, что религия является родом «духовной сивухи», опиумом для народа.

Идеалисты-психологи не только дают свою оценку роли религии в жизни человека, но и придумывают конкретные «механизмы» влияния религиозной веры, молитв на сознание людей. Так, Рейк заявляет, что религия вносит «принцип экономии» в психическую деятельность, ограничивает поле сознания, уменьшает внутреннее напряжение и т. п. Тем самым вера в бога, по его мнению, предотвращает наступление сумасшествия.

О религии как средстве лечения психических и нервных заболеваний за рубежом написано немало книг. Три года подряд — в 1925, 1926, 1927 — европейские

психологи проводили широкую дискуссию на тему: «Границы между религиозной и научной терапией». Материалы этой дискуссии были изданы тремя томами под заглавием «Религия и душевные болезни».

В чем же смысл и каковы методы религиозной «психотерапии»? Коротко говоря, они заключаются в беседах, советах, инструктировании больных, в оказании на них личного воздействия. Упомянувшийся уже Грюн включает в качестве «лечебного» приема также изучение литургии. Главное, по его мнению, это проявление личного сочувствия и помощь больному, что якобы способствует возникновению у больного «глубоких мотивов», имеющих «руководящий спиритуалистический характер». М. Грегори в сочинении «Научная и религиозная психотерапия», изданном в Лондоне в 1939 г., подразделяет психотерапию на светскую (научную) и спиритуалистическую (религиозную). Он подчеркивает, что между ними много общего. Сила идеального исцеления, пишет он в этой работе, зависит от идентификации терапевта с пациентом, и это обязательно происходит на основе самого высшего из всех даров — любви. Противовесом «всеобщей любви», которую проповедуют психологи — сторонники религии, является «слепое пятно эгоизма». Преодолевается оно системой мер по самоотречению. Любовь и самоотречение — вот те два способа, которые должны быть использованы при лечении больных, пишет Грегори.

Следует отметить, что религиозные «психотерапевты» получают иногда внешне положительные результаты «лечения» больных. Однако улучшение в субъективном состоянии больного, как правило, нестойко и преходяще; достигается оно, как отмечает уже упомянувшийся Дж. Фурст, дорогой ценой: если больной до такого «лечения» имел шансы на выздоровление, то после «лечения» он их уже не имеет. Религиозные «психотерапевты», вместо того чтобы восстановить у больного нормальное, здоровое отношение к окружающей его среде, прививают ему искаженное миропонимание и тем самым укореняют его недуги.

Ненаучный характер религиозной «психотерапии» состоит в том, что она основывается на ложных и неправильных представлениях о природе и механизмах психических и нервных болезней. Так, например, Принцхор

в книге «Психотерапия», в которой он подвел «научную» базу под религиозную «психотерапию», утверждает, что причиной невроза является «увеличение эгоцентризма». Однако известно, что если даже эгоцентризм и имеет место при заболевании, то он не причина последнего, а следствие. В конечном счете причиной невроза являются окружающие человека внешние условия, которые действуют через его «внутренние условия» — через закономерности работы головного мозга. Не признавая этого доказанного наукой положения, религиозные «психотерапевты» остаются в плену субъективно-идеалистических представлений.

«Психология религии», религиозная «психотерапия» — это одна из форм союза идеалистической психологии с религией, показатель кризиса буржуазной идеологии, носители которой прибегают к средневековой мистике для пропаганды представлений, угодных правящим кругам капиталистических стран, форма борьбы против человеческого разума и передовых материалистических идей.

СУБЪЕКТИВИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одной из типичных черт, характеризующих современную психологию в капиталистических странах Западной Европы и в США, является субъективизм.

Субъективизм — это неумение или нежелание подходить к изучению объективной действительности материалистически (т. е. отражать ее такой, какой она есть на самом деле); это истолкование изучаемых явлений с позиций субъективного идеализма, допускающего произвольные, не соответствующие действительности заключения и выводы; это, наконец, преднамеренное или непреднамеренное отрицание объективного характера закономерностей исследуемых явлений, установление разного рода псевдозаконов, в результате чего и возникают беспочвенные, подчас фантастические и вздорные концепции, взгляды, на основе которых образуются даже целые школы и течения.

Субъективизм присущ не только буржуазной психологии. В капиталистических странах субъективизм — типичная черта почти всех, в первую очередь гуманитарных наук. Это объясняется общими для буржуазной

науки общественно-историческими условиями ее развития, общими задачами, которые выдвигаются перед учеными правящими кругами, определяющими жизнь и политику империалистических государств.

Примером субъективизма буржуазных психологов может служить решение ими вопроса о предмете психологии. Единство мнений на этот счет среди них отсутствует. Так, сторонники религиозных направлений в зарубежной психологии (неотомисты, лютеранские психологи и другие) утверждают, что психология должна заниматься изучением особенностей «души». Представители «понимающей», «объясняющей» психологии говорят об изучении «структуры душевного», которое переживается как целое. Близко примыкающий к этому направлению Г. Аншютц предлагает определить психологию как науку о феноменальных (бестелесных) сущностях, которые образуют содержание отдельного «Я» (т. е. сознание индивида). Г. Мэрфи видит в психологии «отражение природы и активности ума». Фрейд и неофрейдисты главную задачу психологии усматривают в определении «закономерностей бессознательного». Американские психологи-бихевиористы объявляют предметом изучения психологии поведение; некоторые из них полагают, что задача психологии состоит в том, чтобы найти единую, всеохватывающую формулу активности любого живого существа в определенных условиях среды. Сторонники социометрии считают, что психологи должны заниматься изучением «психологической географии общества» (под этим термином они имеют в виду совокупность «актуальных психологических компонентов взаимоотношений» — «теле», — которые будто бы определяют собой весь социальный строй общества).

Если даже в определении предмета и задач психологии среди буржуазных психологов существуют такие разногласия, то что же можно сказать в отношении решения ими отдельных проблем? Возьмем, к примеру, проблему личности. В психологической литературе за рубежом высказывалось мнение, что эта проблема — одна из самых трудных. Как отмечает в американской «Психологической энциклопедии» Петер А. Берточчи из Бостонского университета, некоторые психологи при решении этой проблемы разделяют религиозную точку зрения, считая личность воплощением «божественного

предопределения»; другие же сознательно ограничивают себя описанием отдельных черт личности, надеясь, что полное определение ее «придет само собой»; третьи считают определение личности не психологической, а лингвистической задачей. Почти у всех психологов, отмечает Берточчи, при определении личности возникают трудности по отграничению этого понятия от понятий «индивид», «темперамент», «характер», «самость» и других. Перечень разногласий между буржуазными психологами в отношении понимания личности можно было бы, конечно, продолжить. Но и сказанное убеждает в том, что в решении этой проблемы господствует субъективизм. В конце концов, как признают сами буржуазные психологи, это полностью дискредитировало проблему личности в глазах непсихологов.

Однако у психологов-субъективистов имеются не только свои нюансы в понимании личности, но и общая основа. Ею является идеализм в различных вариантах. Именно в угоду ему психологи игнорируют и искажают факты, создают различного рода произвольные концепции и теории.

В чем общий порок психологов-субъективистов в понимании личности? Прежде всего следует указать на абстрактность и индивидуализм. Никто из них не рассматривает личность как продукт общественных отношений. Для них личность — это какая-то абстракция, существующая вне времени, реальных условий материальной жизни общества, вне производственных отношений. Выдается ли личность за какой-то бестелесный феномен, как это делалось Брентано в Австрии, Ренувье во Франции, Уордом в Англии, Оллпортом в США; понимается ли она как «нейрограмма», согласно точке зрения Принса (США), или как-либо иначе — в любом случае личность представляет собою абстракцию. Главное, что должно характеризовать личность, в ней выхолощено. Этим главным, повторяем, является общественная природа личности.

Все буржуазные психологи в своих выводах, которые подчас резко отличаются друг от друга (например, понимание личности как «персоны» и как «биологического типа»), приходят к неправильному представлению, согласно которому личность — индивидуальная и внеисторическая единица, которая в сумме с другими такими же

единицами образует общество. Подобная оценка личности не соответствует действительности.

Внеисторическое, абстрактное понимание личности в психологии — это конкретное выражение идеализма. Идеалистическое понимание личности препятствует правильному осмысливанию положения конкретной личности в том или ином обществе, приводит к мысли, будто в буржуазном обществе «все равны», все имеют одинаковые интересы, цели, «нейрограммы» и другие личностные особенности.

Конечно, ограничиться лишь простой констатацией того, что субъективизм порождает хаос и разноречивость в психологии, было бы недостаточно. Необходимо попытаться вскрыть те приемы и методы, которые используют психологи-субъективисты, и показать, к чему это приводит.

Последовательные материалисты рассматривают предмет своего исследования таким, каким он есть на самом деле, т. е. объективно. Все их методы изучения явлений направлены на то, чтобы получить такие представления о предмете исследования, которые соответствовали бы действительному положению вещей в природе. Для того чтобы избежать искажения изучаемых явлений, ученый-материалист, применяющий объективный метод исследования, руководствуется следующими основными методологическими требованиями. Методика должна быть такой, чтобы ни приборы, ни сама постановка эксперимента не искажали изучаемых явлений; исследователь не должен выбирать из массы фактов лишь такие, какие ему выгодно иметь, а остальные отбрасывать; методика исследования должна гарантировать получение закономерных, а не случайных и не второстепенных фактов; при истолковании фактов исследователь не должен применять метод аналогии, опираться на частные, случайные факты; общие заключения не должны противоречить подавляющей массе фактов или быть необоснованными.

Иная картина наблюдается у психологов-субъективистов. Вот несколько примеров того, как некоторые психологи-субъективисты ставят эксперименты и «обосновывают» свои теории.

Использование случайных данных. Английский психолог Айсенк в 1954 г. опубликовал книгу под заглавием «Психология политики», в которой он на основании про-

деланных экспериментов пришел к «поразительным» выводам, с которыми не согласились даже некоторые буржуазные психологи и социологи (Рокич, Хэнли, Кристи и другие); они указали на «грубую работу» Айсенка, делающую его выводы предвзятыми и необоснованными. Эксперименты Айсенка заключались в следующем. Он подобрал четыре группы испытуемых, соответствующие якобы основным слоям общества, перед которыми поставил ряд вопросов. Основываясь на полученных ответах, он пришел к «выводам», что коммунисты обладают самыми неблагоприятными моральными установками, чертами характера и другими психическими особенностями личности, что средние слои населения Англии более чем наполовину состоят из лиц с законченным или незаконченным высшим образованием (тогда как, по официальным данным, их насчитывается всего 5%) и т. д. Все эти и другие «выводы» Айсенка были основаны на случайных, непроверенных данных. Во-первых, Айсенк в созданные им экспериментальные группы зачислил людей различной классовой принадлежности (например, к четвертой группе им были отнесены частично безработные, инвалиды, пенсионеры и деклассированные элементы). Во-вторых, для сбора материала он привлек студентов и слушателей курсов Рабочей просветительской ассоциации, которые, естественно, опрашивали в первую очередь своих знакомых, сверстников и близких, что, безусловно, повлияло как на состав испытуемых, так и на характер полученных ответов. В-третьих, Айсенк игнорировал образование, возраст и другие важные особенности испытуемых, которые могли влиять на их высказывания. Необоснованность его заключений была настолько очевидна, что американский психолог Р. Кристи вынужден был отметить, что «различия, установленные Айсенком между установками группы средних классов и рабочих, могли быть вызваны некоторыми другими факторами, не учтенными Айсенком, а вовсе не их социальной принадлежностью, которой он приписывает эти различия...»¹.

Таким образом, использование случайных данных, допускаемое психологами-субъективистами, приводит их к не соответствующим действительности выводам.

¹ Цит. по: М. С. Бернштейн, «Психология политики» — образчик фальсификации науки (О «психологических» исследованиях мистера Айсенка). «Вопросы психологии» № 4, 1957, стр. 181.

Преднамеренный подбор фактов. Выбор из имеющегося материала только тех данных, которые импонируют исследователю, соответствуют его взглядам, намерениям, и отбрасывание остальных фактов — это другой прием психологов-субъективистов, приводящий их к выработке произвольных представлений. Некоторые буржуазные психологи открыто заявляют о своей предвзятости в выборе и оценке фактов. Так, Фрейд от своего имени и от имени своих последователей писал, что в психоанализе «мы видим лишь то, что готовы видеть, то, что мы думаем увидеть. Мы игнорируем все, что не есть часть нашей гипотезы»¹. Другие же психологи предпочитают не говорить о своем отношении к «неудобным» им фактам, но и они игнорируют их.

Весьма показательно в этом отношении экспериментальное исследование мышления, проведенное представителями гештальт-психологии. Как известно, Вертгеймер, Дункер и Майер были первыми в истории зарубежной психологии, кто стал изучать реальное протекание мыслительного процесса при решении школьником учебных задач, при разрешении ученым научной проблемы, а не путем самонаблюдения, как раньше. Работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», изданная в США в год окончания второй мировой войны, представляет собой пример того, как именно проводились эти исследования, какие были получены результаты и как их интерпретировал автор.

При ознакомлении с этой книгой прежде всего бросается в глаза большое соответствие полученных фактических данных теоретическим положениям автора. Такого рода «совпадение» заставляет внимательнее разобраться в экспериментальных исследованиях, выполненных представителями гештальт-психологии. Результаты этого анализа следующие.

Представители гештальт-психологии считают, что «продуктивным» мышлением является такое, которое основывается полностью на наглядном материале. Если, например, школьникам или взрослым предложить найти сумму натурального ряда чисел ($1+2+3+4+5+6+7+8+9+10$), то таким «продуктивным» решением яв-

¹ Цит. по кн.: A. Salter, *The Case Against Psychoanalysis*, New York, 1953, p. 14.

ляется сложение попарно равноудаленных чисел (1 и 10, 2 и 9 и т. д.), установление факта, что суммы равноудаленных чисел равны, определение затем числа пар, после чего определяется общая сумма путем перемножения суммы двух равноудаленных чисел на число пар в данном ряду. Процесс мышления, который приводит к нахождению такого решения, Вертгеймер, Дункер и Майер называют «продуктивным», а все остальные способы решения задачи — «слепыми». В книге Вертгеймера и в работах других представителей гештальт-психологии анализируется исключительно «продуктивное» мышление. При этом создается впечатление, что испытуемые действительно отдают наглядному способу решения задачи особое предпочтение. Правда, сам Вертгеймер вскользь отмечает, что некоторые испытуемые вначале пытаются решать задачи каким-то другим путем, только он не принимал в расчет их попыток.

Проверка экспериментов представителей гештальт-психологии показала, что на самом деле никакого предпочтения к тем решениям, которые называются ими «продуктивными», у школьников не наблюдается. Некоторые задачи они вообще не могут решить «продуктивным» путем без помощи экспериментатора. Кроме того, далеко не все задачи решаются именно так, как пишет Вертгеймер. Многие из них вообще не имеют наглядного решения.

О чем свидетельствует этот факт? Он показывает, что экспериментатор умышленно подбирал только определенного рода факты, для чего он вмешивался в протекание мыслительного процесса испытуемых, наталкивая их на желательные ему способы решения задач и даже умышленно подбирал только такие задачи, которые решаются «продуктивным» способом.

Естественно, что эксперименты, проведенные на основе порочной методики, которая позволяет экспериментаторам выбирать только удобные факты, не могут служить фундаментом правильных обобщений и выводов.

Вопреки фактам. Отстаивание удобных буржуазным психологам умозрительных положений вопреки фактам можно проиллюстрировать на примере одного из прикладных направлений психологии в США, изучающего психические особенности негров и ставящего целью способствовать решению «негритянской проблемы». Суще-

ствуется оно не первый год и представлено рядом психологов: Кенеди, Мюрдалем, Анастаси, Пинтером, Витти, Леманом, Томпсоном, Гертсом, Штернером и многими другими.

Вначале сторонники этого направления целиком и полностью исходили из расовой теории. Они распространяли мнение, будто негры обладают худшими мыслительными способностями, криминальными тенденциями, эмоционально неустойчивы, самоуверенны, ленивы и ребячески-наивны. Однако примерно в 30-х годах текущего столетия они пришли к иным выводам. Прежде всего оказалось, что установить «чистые линии» в расах невозможно. Поэтому пришлось оставить старый расистский предрассудок о существовании «негрской крови». Далее ряд американских психологов установил, что для получения научных результатов о психических особенностях негров и белых необходимо «равенство воспитания». Негры же в США, как показал Гуннар Мюрдаль в книге «Негры в американской жизни», подвергаются дискриминации. Джонсон отметил, что дети негров — «продукты глупого и ограниченного мира»; Фрэзер в свою очередь пришел к выводу, что у негров плохие бытовые условия, в связи с чем многие из них развиваются с опозданием. О плохих условиях воспитания негров писал Юнг, на их низкий прожиточный минимум и плохое состояние здоровья указывали Штернер и Томпсон. В связи с этим для психологов возникла необходимость создания особых тестов для негров.

В 30-х годах Томпсон опубликовал ряд работ, в которых содержались данные о том, что никаких врожденных человеческих различий между американскими неграми и белыми американцами не существует. Этот вывод подтвердила Американская антропологическая ассоциация, записав в своей резолюции (1938 г.), что психологических и культурных различий у больших групп человечества не отмечается, хотя имеются врожденные отличия в физических особенностях. Между прочим, в этой резолюции было отмечено также, что антропология не находит научной основы для дискриминации людей на основе их расовой неполноценности, религиозной принадлежности и психической наследственности.

Как будто вопрос был выяснен. Однако не все психологи, изучающие «психологию негров», думают так.

Например, Герман Кенеди отмечает, что вывод о равенстве психических качеств у представителей разных рас в настоящее время является единственно возможным. Но, пишет он далее, мы должны держать наш «ум открытым» и быть готовым со временем доказать, что «в некоторых параметрах имеются все же заметные расхождения в психических особенностях» и негры все же отличаются в психологическом отношении от белых. Все дело заключается, по мнению Кенеди, в несовершенстве современной экспериментальной техники исследования! Такие же заявления делаются также Бауром, Фишером, Ленцем, Мальцбергом, Розенталем и другими американскими психологами. Тем самым они пытаются оправдать дискриминацию негров в США.

Выходит, что факты говорят об одном, а расистские убеждения некоторых психологов-идеалистов сохраняются. И это даже в том случае, когда они утверждают, что расовые теории не подтверждаются, что нужно заниматься только анализом фактов и т. д. На самом же деле, заявляя о своем «несогласии» с расистскими теориями, выступая даже с их критикой, представители направления, изучающего «психологию негров», протаскивают расистские взгляды, хотя они не соответствуют ими же полученным экспериментальным данным.

Видимость научного доказательства. Очень часто психологи-субъективисты создают видимость научного доказательства, приводя факты, из которых прямо и однозначно не следует то, что они преподносят в качестве заключения из обобщения этих фактов. Примером психологического направления, которое широко использует прием видимого фактического доказательства, может служить так называемая гео-космогоническая психология. Представителями ее являются Леман, Пехерсен, Хеллпах, де Руддер, Ейккштедт, Кауер, Роденвальдт, Шиттенхельм, Карри, фон Филиппсборн, Майер (основатель новой науки «биоклиматики»).

Каковы основные положения гео-космогонической психологии? В природе все взаимосвязано, человек — часть природы, поэтому он связан, в частности, с космосом; некоторые люди «чувствуют» перемену погоды, их настроение зависит от времени года, местности и других геофизических и географических причин; специально поставленные эксперименты показывают, что заучивание

наизусть текстов, скорость реакции человека на раздражители зависят от погоды и т. д.

Приведенные выше положения не вызывают в общем возражений. Из них-то представители гео-космогонической психологии и делают следующий расширительный вывод: у людей имеется «межпсихическая субстанция», которая «улавливает» влияние географических, климатических и космических факторов и вызывает соответствующие изменения в психике. Этот вывод прямо не вытекает из имеющихся фактов, на которые ссылаются сторонники гео-космогонической психологии. Рассуждения последних о всеобщей взаимосвязи явлений в природе, эксперименты по изучению влияния погоды и других факторов на психику людей (кстати, результаты этих экспериментов западногерманский психолог Аншютц, сочувствующий в целом этому направлению, вынужден назвать «малозначимыми») служат для создания видимости «научного доказательства» их теории, прямо связанной с концепцией «психологии духа», разрабатываемой западногерманскими психологами. Не удивительно, что научная ценность такого рода направлений в современной буржуазной психологии равна нулю.

Таковы некоторые приемы, которыми пользуются психологи-субъективисты. С точки зрения методологии их смысл заключается в том, что они освобождают психологов-идеалистов от необходимости изучать объективную действительность и дают им возможность создавать предвзятые, произвольные концепции. При этом критерием истинности взглядов, теорий психологи-субъективисты считают все, что угодно, только не практику, не соответствие идей объективной действительности.

Конечно, не все буржуазные психологи, допускающие произвольные выводы в своих теориях, сознательно и намеренно фальсифицируют факты и используют субъективистские приемы. Некоторые из них делают это в силу незнания требований научной, материалистической методологии. Однако для развития науки личные мотивы ученых, искажающих факты действительности, играют второстепенную роль; главное — то, что в результате субъективизма создаются произвольные, разноречивые представления и теории, обуславливающие возникновение хаоса в буржуазной психологии и приводящие к вырождению ее как науки, потому что подлинная наука

должна иметь дело с объективными законами, а не с фикциями.

Следует отметить, что за последнее время вопрос о порочной методологии психологов в странах капитала стал предметом специальной дискуссии на страницах ряда журналов, в том числе ежемесячника «Американский психолог». Опубликованные этим журналом статьи свидетельствуют, что многие американские психологи видят пороки психологов-субъективистов и понимают, куда они приводят их науку.

Так, М. Б. Смит в статье «О научной и профессиональной ответственности» отмечает, что весьма часто единственным основанием для выдвижения той или иной концепции в психологии служат «личные мотивы». Он указывает на односторонность психологов, обусловленную, по его мнению, их чрезмерным «энтузиазмом» в достижении какой-то цели, вследствие чего они получают именно те результаты, которые они желают получить, но которые могут и не соответствовать объективному положению вещей.

Второй причиной «безответственных действий» является, с его точки зрения, «абсолютизация» методов и средств психологического исследования. В силу такой «абсолютизации» психологи упрощают предмет своего исследования, не учитывают всех имеющих место причин и в результате приходят к ложным выводам.

Третью причину Смит видит в «абсолютизации» идеалов, разделяемых психологами, что приводит к тому, что они пренебрегают некоторыми важными фактами, не совпадающими с их представлениями. Другими причинами субъективизма являются, по Смицу, «бегство в релятивизм», «самоизоляция от противоречивых ценностей», «ограниченность интересов» и «профессиональное тщеславие». Все эти причины, пишет автор статьи, порождают «безответственность» психологов, т. е. создание ими таких теорий и представлений, которые являются ложными, субъективистскими¹.

Столь же критической является и другая статья, опубликованная на страницах журнала «Американский психолог». Она озаглавлена: «Некоторые замечания об идеологии профессиональных психологов». Ее автор,

¹ См. «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 513—516.

М. Янович, отмечает, что произвол в психологии объясняется тем, что психологи делают подчас утверждения, не заботясь об их обосновании фактами и не пытаясь защитить их. В результате они запутались в словесном творчестве и не в состоянии отличить вымысел, которому придали «научный характер», от правильных положений. Психологи, продолжает автор, часто не могут отличить также научное знание от «других типов социального знания, которые не имеют научного значения». «В результате психология стала одновременно и научной дисциплиной, и социальным евангелием, и трудно узнать, где кончается одно и где начинается другое»¹.

Обе статьи американских психологов интересны в том отношении, что вскрывают субъективистские приемы психологов-идеалистов. Что же касается «объяснения» причин широкого распространения этих приемов, то оно свидетельствует, что и Смит, и Янович не понимают гносеологической сущности субъективизма, заключающейся в том, что исследователь не считает своей задачей изучение объективной действительности, не признает практику критерием истинности знаний.

Правильное понимание причин субъективизма буржуазных ученых дается в работах передовых деятелей науки в странах капитала. Так, например, американский ученый-марксист В. Перло отмечает, что одним из основных мотивов деятельности американских ученых является погоня за материальными выгодами, личным авторитетом и славой. На это же указывает и Н. Винер, признавший, что люди, в руках которых находится управление наукой в США, заинтересованы не столько в развитии науки, сколько в получении различных благ для себя; они не стремятся сохранить тех молодых ученых, от которых зависит ее прогресс. Сказанное Перло и Винером относительно причин предвзятости, тенденциозности, а следовательно, и необъективности буржуазных ученых в США с полным основанием относится и к психологам-идеалистам.

Таким образом, субъективизм в современной буржуазной психологии объясняется социальными условиями, характерными для эпохи кризиса капиталистической системы. В этом отношении совершенно прав Дж. Бер-

¹ «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 528—532.

нал, который отмечает прямую зависимость между социально-экономической анархией, произволом, царящими в капиталистическом обществе, и разнообразными путанными рекомендациями и теориями в общественных науках. «В психологии, в политической экономии, в философии существует множество соперничающих друг с другом и отчасти эфемерных школ, большинство из которых не имело никакого чувства надежды, никакой цели и даже никаких интеллектуальных убеждений»¹. Эта путаница в общественных науках играет определенную классовую роль в буржуазном обществе: она сбивает с толку не искушенных в тонкостях идейной борьбы людей, внушает мысль о всеобщем «естественном» характере того разнобоя и неразберихи, которые якобы существуют и в природе, и в обществе, и в мышлении людей.

Субъективизм как явление, характерное для буржуазной науки, — это и следствие общего кризиса капитализма, его культуры, науки и вместе с тем идеологическое оружие в борьбе за умы широких кругов населения капиталистических стран, направленное против распространения передовых, революционных, подлинно научных теорий.

* * *

Кризис современной буржуазной психологии в капиталистических странах Западной Европы и в США — закономерное явление, представляющее собой конкретное выражение общего кризиса капитализма, а также показатель того, в какой тупик, к какому вырождению приводит идеалистическая философия тех ученых, которые стоят на ее позициях.

Психологи-идеалисты всегда пытались противостоять материалистическим представлениям в своей науке. Но после того как были созданы экспериментальные лаборатории и каждое новое открытие, сделанное в них, давало веские доводы против «традиционных» идеалистических взглядов, этим психологам все труднее было противиться объективному ходу развития их науки, которое приводило к победе материализма, и в то же время

¹ Дж. Бернал, Наука в истории общества, стр. 585.

сохранять видимость объективности, «нейтральности». Они открыто поставили идеалистическую психологию на службу империалистической буржуазии и оказались в состоянии хронического кризиса.

Выход из кризиса, в котором в течение уже полувека пребывают многочисленные психологи-идеалисты в капиталистических странах, только один: это безоговорочное отрешение от беспочвенных спекуляций на основе идеалистической философии, отказ от выполнения прислужнической роли по отношению к империалистической буржуазии и переход на позиции подлинной, передовой, материалистической науки, стремящейся к установлению объективной истины и служащей интересам всего передового человечества.

III. БОРЬБА ПЕРЕДОВЫХ УЧЕНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

1. БОРЬБА МАТЕРИАЛИЗМА С ИДЕАЛИЗМОМ В ПСИХОЛОГИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В психологической науке, как и в любой другой отрасли знания, борьба материализма с идеализмом имеет свои специфические особенности. Одной из них является то, что в течение длительного времени, вплоть до конца XIX в., материалистические психологические идеи развивались главным образом не психологами, а философами и естествоиспытателями-материалистами. Успехи естествознания и смежных с психологией наук, необходимость удовлетворить запросы развивавшихся производительных сил буржуазного общества привели к тому, что в психологии появились несовместимые с прежними идеалистическими представлениями новые, материалистические идеи, выдвинутые сторонниками «физиологической психологии» и прикладных направлений. Это не значит, конечно, что Вундт и другие психологи были материалистами; это свидетельствовало о начавшемся кризисе идеалистической психологии и порожденных им внутренних противоречиях в самой этой науке.

Распространение в психологии в странах капитала материалистических идей явилось одной из причин создания психологами-идеалистами новых школ. При этом

следует указать, что эти школы основывались на представлениях современной буржуазной философии и были не в состоянии создать законченную систему психологии. Каждая вновь возникшая школа психологии рассматривала лишь некоторый, ограниченный круг вопросов (фрейдизм — проблему бессознательного, гештальт-психология — проблему мышления, восприятия и т. д.)¹. Идеалистическое направление в целом показало свою полную неспособность дать ответ на актуальные вопросы своей науки, возникшие за последнее время в связи с работами ученых-материалистов.

Показательно, далее, что идеалистические школы современной психологии, как правило, вынуждены были принять экспериментальный метод исследования. При этом психологи-идеалисты нередко фальсифицировали результаты, полученные опытным путем, и тем самым дискредитировали науку. Тем не менее эксперимент, как уже отмечалось, оказался в руках психологов-экспериментаторов троянским конем: используемый для получения предвзятых выводов, он нередко приводил к прямо противоположным результатам, укрепляя в какой-то степени позиции материалистической психологии.

В конце XIX — начале XX в. в Западной Европе и в США материалистическое направление развивалось и упрочивалось главным образом «снизу», т. е. на основе получения новых фактов, а не за счет создания перспективных материалистических теорий. Отставание материалистической теории от накопленного фактического материала объяснялось своеобразием сложившегося положения в психологии (экспериментальные данные получали в значительном объеме психологи-идеалисты), а также влиянием позитивизма на многие «практические» направления философии.

Приведем несколько примеров того, что сделали для укрепления материализма в психологии эксперимента-

¹ В этой связи уместно возразить Г. Уэллсу, который на страницах журнала «Мейнстрим» в 1957 г. высказал мнение, будто возникновение в психологии множества школ объясняется отсутствием в начале XX в. физиологии высшей нервной деятельности. Уэллс прав в том, что незнание закономерностей материального субстрата психических явлений являлось одним из тормозов развития материалистического направления в психологии, однако это никак не могло явиться причиной разветвления идеалистической психологии.

торы, принадлежавшие к идеалистическому направлению в психологии.

Научное значение имеют результаты экспериментальных работ многих психологов-идеалистов, например Кёлера, Катца, Ревеши, изучавших константность восприятия величины, формы и цвета предметов человеком и животными. В фонд материалистической психологии входит закономерность забывания, установленная немецким психологом Эббингаузом и проверенная другими психологами (Пьероном, Родославлевым). (Эббингауз, например, установил, что выученный материал быстрее забывается в первое время, особенно за первые полчаса-час, в течение одних-двух суток, чем впоследствии. По истечении двух суток материал сохраняется в памяти в объеме, примерно равном четверти от первоначально заученного.)

Вкладом в материалистическую психологию являются результаты работы, предпринятой рядом психологов в разных странах: Скрипчером, Дэвисом, Свифтом, Мэнноном, Ван дер Вельдтом, Куком и другими, изучавшими перенос двигательного навыка с одной руки на другую. (Различными методами эти исследователи установили, что навык, выработанный одной рукой, обнаруживался при работе и другой руки, которая при выработке навыка бездействовала.)

В ряде случаев факты, установленные психологами-экспериментаторами, либо оставались ими без теоретического истолкования; без вскрытия причин, порождающих то или иное психическое явление (темпы забывания констатируются Эббингаузом, но механизмы, обуславливающие его, не выясняются), либо истолковывались феноменистически, поверхностно.

Однако было бы неправильно полагать, будто на протяжении второй половины XIX в. материалистическое направление в психологии во всех странах мира развивалось только «снизу», как в Западной Европе и в США. В России материализм в психологии того времени распространялся и «сверху». В трудах классиков русской материалистической философии, представителей передового отечественного естествознания содержится блестящая критика идеализма в психологии, а также позитивное решение ряда важных теоретических проблем.

Однако ни русские философы-материалисты XIX в., ни материалисты в других странах, несмотря на все то ценное, что они сделали для борьбы с идеализмом и для научного обоснования психологии, не смогли заложить прочного теоретического фундамента этой науки. Это было сделано в середине XIX в. классиками марксизма — Марксом и Энгельсом, создавшими диалектический и исторический материализм.

Учитывая особенности развития психологии в прошлом, в частности тот факт, что материалисты в этой науке являлись часто представителями других отраслей знания, современные психологи-идеалисты утверждают, будто в психологии никогда не было борьбы материализма с идеализмом, что развитие психологии происходило каким-то «особым» путем по сравнению с другими науками, что борьба материализма с идеализмом в психологии капиталистических стран — явление будто бы «новое», «внешнее» по отношению к этой науке.

Конечно, продолжительное слияние «официальной» психологии с идеалистической философией не могло не наложить своего отпечатка на состояние психологии. Как уже упоминалось, это проявлялось, в частности, в том, что «официальной» психологией до недавнего времени считались только идеалистические школы. Работы же материалистов замалчивались, не признавались «психологическими», а сами авторы подвергались преследованиям. Однако подобными искусственными мерами теологам и идеалистам не удалось «отменить» основной закономерности развития психологии как науки, заключающейся в том, что история психологии — это история борьбы материалистических идей с идеалистическими. В психологии и раньше шла борьба материализма с идеализмом, как идет она ныне. В психологии капиталистических стран, в том числе и США, имеются свои давние материалистические традиции (факт, который рьяно отвергают психологи-идеалисты).

2. ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ МАТЕРИАЛИЗМА С ИДЕАЛИЗМОМ В ПСИХОЛОГИИ СЕРЕДИНЫ XX В.

Современная эпоха, основное содержание которой составляет, как говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, переход от капитализма

к социализму, характеризуется борьбой двух противоположных общественных систем, охватывающей и сферу идеологии. В этой борьбе все новые и новые победы одерживает Советский Союз, весь социалистический лагерь. Все шире распространяется влияние господствующего в нем мировоззрения — марксизма-ленинизма. *«Новая историческая эпоха принесла подлинный триумф революционному мировоззрению пролетариата. Марксизм-ленинизм стал властителем дум передового человечества»*¹. Эта главная черта идейной жизни нашего времени наложила свой отпечаток и на особенности современного состояния психологии в капиталистических странах.

Как и в начале столетия, материалистическое направление, материалистические идеи в психологии капиталистических стран развиваются в значительной степени представителями других отраслей знания (материалистами-физиологами, философами и т. п.); как и прежде, психологи-идеалисты своими экспериментальными работами объективно укрепляют естественнонаучную базу материалистической психологии; как и в начале столетия, представители прикладных направлений в психологии стоят на позициях позитивизма и не желают заниматься (по крайней мере, на словах) теоретической работой. Однако современное состояние психологии как науки характеризуется в целом новыми, специфическими особенностями.

Центром мировой материалистической психологической мысли является ныне Советский Союз; больших успехов добились психологи-материалисты в странах народной демократии. Множатся ряды прогрессивных ученых в капиталистических странах.

Было бы неправильно предполагать, что в странах капитала существуют или могут быть «свои» материалистические «психологии». Таких «психологий» там нет, потому что вообще не может быть нескольких разновидностей материалистической психологии. Научное, материалистическое направление в психологии отличается своим идейным единством, обусловленным единой для всех истинных материалистов методологической основой — марксистско-ленинской философией. Естественно,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 51.

что не может быть сразу нескольких психологий, базирующихся на одном и том же методологическом фундаменте. Конечно, это не означает того, что в материалистической психологии нет своих школ. Школы — это специализирующиеся на разрешении каких-то вопросов группы ученых, имеющие свой подход к данной проблеме, свои приемы исследования и свое объяснение изучаемых явлений. Наличие таких школ — правомерное явление в материалистической психологии, как и в любой другой науке. Однако школы в материалистической психологии обладают общими идейными основами и их нельзя отождествлять со школами идеалистического направления в психологии, которые отличаются не только объектом исследования, но и своей методологией.

К сожалению, в капиталистических странах материалистическое направление в психологии представлено еще в общем слабо. Число сознательных, последовательных психологов-марксистов там сравнительно невелико. До сих пор часто психологи в странах капитала недостаточно еще знают марксистско-ленинскую философию.

После второй мировой войны в капиталистических странах значительно активизировалась борьба за материализм против идеализма в психологии со стороны передовых ученых. В ней принимали и принимают участие не только марксисты (А. Валлон, Р. Гароди, И. Мейерсон и другие — во Франции; М. Корнфорт и другие — в Англии; Г. Уэллс, Дж. Клайтон, С. Финкельштейн и другие — в США), но и просто либерально настроенные ученые (Б. Данэм, М. Коэн — в США, Ф. Бартлетт — в Англии, многие прогрессивные ученые Франции и других стран). Ведущая роль в этой борьбе принадлежит, конечно, марксистам.

Идеалистические, реакционные теории и взгляды в психологии разоблачаются как в непсихологических работах ряда ученых капиталистических стран (например, в книгах М. Коэна — «Американская мысль», Дж. Бернала — «Наука в истории общества», М. Корнфорта — «Диалектический материализм»), так и в работах, посвященных психологическим проблемам. К числу последних следует отнести книгу А. Валлона «От действия к мысли», изданную во Франции в 1942 г., работы американских ученых: А. Салтера — «Дело против психоанализа» (1959 г.), Г. Уэллса — «Павлов и Фрейд»,

Дж. Фурста — «Невротик. Его среда и внутренний мир» и другие.

Борьба материализма с идеализмом в психологии привлекла ныне широкие круги передовой научной общественности капиталистических стран. Это обусловлено тем огромным влиянием, которое оказывают на умы людей всего мира марксистско-ленинская философия, успехи Советского Союза и других стран социалистического лагеря во всех областях жизни, в том числе и в науке.

Психологи в странах капитала проявляют большой интерес к советской науке, в частности к достижениям советских психологов. Об этом сообщают все советские ученые, побывавшие за последние годы во Франции, Англии, США и других странах. Так, например, А. Р. Лурия, посетивший в 1957 г. Англию, отмечает, что «...английские психологи обнаруживают живой интерес к исследованиям, которые ведутся в советской психологии, выражают большое желание внимательно знакомиться с опытом, накопленным в нашей науке»¹. «На молодую латиноамериканскую психологию, — излагает свои впечатления от посещения латиноамериканских стран Б. Г. Ананьев, — оказывают сильное влияние психоанализ и семантизм, реакционная социальная психология и расистские концепции. К счастью, этому влиянию сопротивляются передовые ученые, которые ищут новых путей и обращают свои взоры к материалистической философии и социализму. Идейная борьба в латиноамериканской психологии приобретает все более острый характер. Прогрессивные психологические силы стремятся использовать в этой борьбе критическое оружие советской психологии. На многочисленных конференциях и в беседах мне задавали вопросы об отношении советской психологии к фрейдизму, ментиметрии и социометрии, о марксистском подходе к пониманию личности и сознания, о путях применения павловского учения в психологии, медицине и педагогике... В правильной информации о достижениях советской психологии латиноамериканские коллеги видят один из источников собственного развития, поскольку именно от советских ученых они ожидают

¹ А. Р. Лурия, Впечатления о психофизиологических исследованиях в Англии. «Вопросы психологии» № 1, 1958, стр. 140.

самых значительных вкладов в развитие мировой психологической науки. Они справедливо распространяют общее отношение к передовой советской науке и на советскую психологию»¹.

Интерес к советской психологии отмечается во всех странах мира. Однако нужно отметить, что психологи в странах капитала не всегда могут удовлетворить свое желание и потребность в ознакомлении с достижениями советских психологов прежде всего из-за незнания русского языка. «...Советские работы по психологии почти неизвестны английским ученым, не имеющим возможности познакомиться с ними в подлиннике из-за недостаточного владения русским языком»², — отмечает А. Р. Лурия. Еще хуже, чем в Англии, знакомы с достижениями советских ученых западногерманские психологи, не говоря уже о психологах стран Латинской Америки.

В распространении передовых, научных идей, в пропаганде достижений советской психологии большую роль играют международные конгрессы по психологии, в работе которых стали принимать участие советские ученые.

В 1954 г. в Монреале (Канада) проходил XIV психологический конгресс, на котором присутствовало около 2 тыс. делегатов различных стран мира, в том числе и Советского Союза. Зал заседания, в котором выступали советские ученые, был всегда переполнен. Аудитория встречала и провожала советских исследователей дружными аплодисментами, что свидетельствует об искреннем интересе значительной части западноевропейских и американских ученых к советской психологии и разработке психологических вопросов на основе учения И. П. Павлова.

В 1957 г. в Брюсселе (Бельгия) состоялся очередной, XV психологический конгресс, в работе которого приняло участие около 1200 психологов, в том числе и советские ученые. На конгрессе советский делегат Г. С. Ко-

¹ Б. Г. Ананьев, О развитии психологической науки в некоторых странах Южной Америки. «Вопросы психологии» № 1, 1959, стр. 164—165.

² А. Р. Лурия, Впечатления о психофизиологических исследованиях в Англии. «Вопросы психологии» № 1, 1958, стр. 132.

стюк подверг критике взгляды некоторых представителей гештальт-психологии, со стороны которых не последовало активной защиты; Г. С. Костюк и А. Н. Леонтьев критиковали также некоторые положения доклада Ж. Пиаже, имеющие отношение к теории отражения. Советские делегаты выступили на конгрессе с ценными научными докладами.

XVI Международный психологический конгресс был созван в 1960 г. в Бонне. В его работе тоже принимали участие советские психологи, доклады которых вызвали живой интерес у делегатов, отмечавших содержательность и глубокую научность изложенных советскими учеными проблем. Западногерманская пресса, поддерживавшая представителей «психологии религии», не могла возразить что-либо по существу против концепции, развиваемой советскими психологами, и в самой общей форме выражала свое несогласие с материалистическими взглядами, которые с трибуны конгресса излагались советскими учеными.

Психологические конгрессы играют важную роль в поддержке тех психологов в капиталистических странах, которые занимаются конкретными исследованиями; результаты экспериментов, в той или иной степени отражающих объективные закономерности психических явлений, обсуждаются на каждом очередном конгрессе, составляя то главное, чем обогащают эти встречи психологическую науку.

Нацеленность конгрессов на экспериментальные исследования — факт положительный, если учесть, что в психологии капиталистических стран имеет хождение чрезвычайно много «теорий», «гипотез», которые выведены отнюдь не на основании обобщения фактов и не в результате экспериментальной работы. В конечном счете правильно поставленное в методическом отношении экспериментальное исследование приводит к материалистическим выводам, к упрочению позиций материализма в психологии и к опровержению беспочвенных спекуляций психологов-идеалистов.

Положительное значение психологических конгрессов состоит также в том, что в их работе принимают участие не только психологи, но и физиологи, нейрофизиологи, представители других отраслей знания, смежных с психологией и далеких от психологических спекуляций

идеалистического характера. Экспериментаторы-психологи, как и ученые других специальностей, нередко активно критикуют идеалистические представления в психологии, превращая конгрессы в арену борьбы материализма с идеализмом. Уместно напомнить в этой связи, что в свое время на психологических конгрессах выступал И. П. Павлов, излагавший материалистические взгляды и беспощадно разоблачавший идеалистические представления о психике.

Не меньшее значение, чем психологические конгрессы, для распространения материализма в психологии капиталистических стран, для правильного понимания советской психологии имеют и посещения буржуазными психологами Советского Союза. За последние годы к нам приезжали психологи из Франции, Англии, США, Италии и других стран. В свою очередь советские психологи посетили эти страны, выступив там с докладами и приняв участие в работе симпозиумов и семинаров. Взаимный обмен делегациями способствует концентрации усилий психологов на разработке важнейших теоретических проблем научной психологии, торжеству материализма в этой науке.

Частично в результате объективного хода развития физиологии и экспериментальной психологии, частично под прямым влиянием советских психологов в настоящее время в странах капитала проблема изучения материальных основ психических явлений стала одной из самых популярных и интенсивно разрабатываемых. Этот факт имеет, естественно, большое значение для развития материалистического направления в психологии.

Влияние передовой советской научной мысли, с одной стороны, активные выступления марксистов в странах капитала с пропагандой диалектического и исторического материализма, с критикой реакционной идеологии империалистической буржуазии, с разоблачением идеалистических теорий — с другой, не проходят мимо буржуазных психологов, порождая в их сознании глубокие внутренние противоречия. Наличие этих противоречий — характерная особенность современного состояния психологии в странах капитала.

Внутренние противоречия, о которых идет речь, многообразны. Отметим два наиболее ярко выраженных их проявления.

По мере накопления фактов у части психологов, в первую очередь экспериментаторов, углубляется противоречие между этими фактами, с одной стороны, и разделяемыми ими философскими установками — с другой. Это приводит к тому, что многие из психологов-экспериментаторов являются материалистами «снизу» и одновременно идеалистами «сверху». Сказанное относится, в частности, к такому известному в США и других странах капитала психологу-бихевиористу, как Скиннер. Своими работами он в немалой степени способствует материалистическому пониманию закономерностей поведения. Однако выдвигаемые им теоретические положения находятся в противоречии с материалистическим учением Павлова. Сам же Скиннер вообще считает, что он не занимается «теорией», лишь «феноменологически» описывая факты. На самом деле он, конечно, не может избежать теоретических обобщений. Таким образом, слова этого психолога явно расходятся с его делами.

Другое проявление рассматриваемых внутренних противоречий — противоречие между субъективной оценкой собственных работ и их объективным социальным значением. Особенно отчетливо это противоречие выступает у социальных психологов. Как уже упоминалось, в своем подавляющем большинстве они разделяют ошибочные и вредные в методологическом отношении взгляды, например на происхождение и сущность войн. Создаваемые ими теории по существу направлены на оправдание войн. Вместе с тем некоторые буржуазные психологи, например упоминавшиеся уже М. Мей, Э. Фромм — в США, Гурвич — во Франции и другие, высказываются против войны, активно выступают в защиту мира. Налицо вопиющее несоответствие между реакционными социологическими взглядами этих психологов и их практическими позициями по одному из актуальных политических вопросов.

Успехи Советского Союза в строительстве коммунизма, притягательная сила советской мирной политики, достижения во всех областях науки и культуры — все это оказывает огромное влияние на умы людей в странах капитала. Буржуазные психологи не являются в этом отношении исключением. Показателен следующий факт: некоторые рьяные хулители советской психологии и противники марксизма-ленинизма из числа буржуазных

психологов в условиях возросшего международного авторитета страны социализма перешли от открытых нападок на советских ученых и развиваемые ими взгляды¹ к тактике осторожной, сдержанной критики, острие которой подчас искусно маскируется многочисленными ссылками на достижения и успехи советских ученых.

Знаменательно также, что за последнее время некоторые буржуазные психологи, сравнивая состояние психологии в Советском Союзе и в своих странах, стали яснее понимать социальные причины, порождающие многие кризисные явления в их науке. Так, например, на XIV Международном психологическом конгрессе виднейший американский психолог-бихевиорист Э. Толмэн во всеуслышание заявил, что в Соединенных Штатах отсутствуют условия для успешного проведения международных конгрессов, что в его стране распространены антиинтеллектуализм, ограничение свободы в науке. Заявление Толмэна справедливо и находится в полном соответствии с тем, о чем неоднократно говорили марксисты в США (Д. Уилкерсон и другие). Толмэн правильно понял, что наступление на свободу в науке, поход против сознания (антиинтеллектуализм) обусловлены социальными причинами — американской действительностью, а не психологическими причинами (например, «бегством от свободы»), как полагали и полагают американские психологи-идеалисты. Выступление Толмэна свидетельствует о серьезном недовольстве американской научной общественности реакционной политикой правящих кругов США. Нет сомнения, что в подобном процессе осмысливания последствий этой политики немалую роль играет пример Советского Союза, состояние и успехи советской науки, в том числе и психологии. Вместе с тем правильное понимание социальной действительности помогает ряду психологов в странах капитала понять реакционную сущность тех психологических теорий, которые оправдывают такого рода политику.

¹ Примером этого может служить грубое выступление на XIV Международном психологическом конгрессе американского психолога Г. Разрана, который обрушился на павловское учение и пытался дискредитировать его значение для научной психологии. Другим примером может служить многолетняя практика английского психолога И. Лондона, который специализировался на критике советской психологии и советских ученых.

Реакционные круги капиталистических государств, в первую очередь США, пытаются силой воспрепятствовать распространению передовых научных идей в сознании своих народов. Например, в 1950 г. прогрессивные деятели США перевели и издали в виде брошюры три статьи советских психологов: А. Леонтьева — «Задачи советской психологии», Г. Костюка — «Вопросы формирования личности ребенка», М. Ярошевского — «Буржуазные психологи США в борьбе за ликвидацию сознания». Власти одного из штатов возбудили судебное преследование члена местной коммунистической организации за распространение этой брошюры. Подобными репрессиями правящие круги США надеются повлиять на исход борьбы материализма с идеализмом в пользу идеализма, мистики и религиозного мракобесия.

В кампании против материализма активно участвуют и буржуазные психологи. «За последнее время пресса опубликовала много статей о советской науке, — констатирует американский психолог Р. Бауэр, — с целью возбудить у читателей чувство негодования... Они (советские ученые. — Н. М.) основываются на системе ценностей, к которой мы на Западе питаем антипатию»¹. Сказанное касается не только советской науки в целом, но и психологии, физиологии, особенно учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, не говоря уже о философии. Бауэр, например, прямо выражает недовольство тем, что советские психологи стоят на материалистических позициях и основываются на данных физиологии высшей нервной деятельности. «Научное достоинство теории они доказывают соответствием ее принципам материализма и Павлову»², — негодует он, ратуя за полную «свободу» психологии от передовой философии и материалистического естествознания.

Против учения И. П. Павлова, являющегося основой научной психологии, в настоящее время выступают и некоторые физиологи. Так, Э. Эдриан в работе «Наука и человеческая природа», отмечая, что павловская концепция основана на физиологии мозга, делает вывод: поскольку эта концепция стала ныне в СССР и других

¹ R. A. Bauer, *The New Man in Soviet Psychology*, Harvard University Press, 1952, p. XI.

² Там же, стр. 174.

странах знаменем материалистической психологии, она является более вредной, чем фрейдизм, хотя ее и нельзя полностью отвергнуть¹. Получается, что несогласие Эдриана с учением Павлова объясняется отнюдь не научными мотивами, а соображениями чисто идеологического порядка.

Далеко не все буржуазные психологи столь откровенны, как Эдриан. Многие из них ту же цель — принизить роль советской науки и советских ученых — пытаются достигнуть другими путями. Показательна в этом отношении уже упоминавшаяся книга М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», в которой рассматриваются особенности процесса мышления. По своему содержанию эта книга далека от философии и политики, но автор считает необходимым специально заявить в ней о своих идейных и даже политических симпатиях и антипатиях. Так, например, он говорит об отрицательном отношении к марксистской диалектике, хотя вопрос о том, что представляет собой марксистский диалектический метод, каковы его возможности, что дает он для психологии мышления и т. п., вовсе не является предметом рассмотрения в его книге. Попутно Вертгеймер одним росчерком пера лишает Д. И. Менделеева приоритета в открытии периодической системы химических элементов, приписывая его английскому ученому В. Пруту. Время от времени он, отвлекаясь от конкретно-психологического материала, начинает давать в своей книге рекомендации даже социально-политического характера: если не удастся изменить «структуру общества», т. е. капиталистический строй, то необходимо заменить цель, во имя которой велись неудавшиеся попытки (иными словами, трудящимся капиталистических стран нужно отказаться от достижения цели — свергнуть капитализм). Поступать так, как рекомендует Вертгеймер, следует якобы в силу непреложных законов «продуктивного мышления».

Экскурсы буржуазных психологов в область политики за последнее время — не случайное явление. Почти во всех специальных работах по психологии они так или иначе высказываются ныне в пользу капитализма, нападают на материализм и социализм.

¹ См. «Science» v. 120, № 3122, 1954, p. 679—684.

Многие буржуазные психологи в настоящее время откровенно признают, что их взгляды обусловлены социальной действительностью. Так, например, американский психолог Мак Клинг Лии констатирует, что психолог в условиях США находится в безусловной зависимости от общества и его профессиональное поведение свидетельствует о социальной ответственности¹. Того же мнения придерживается Ф. Уатт, высмеивающий тех буржуазных ученых, которые думают, что психологи свободны от влияния социальных и экономических факторов. Он считает, что такое представление является ложным, так же как и утверждение, будто науки, в том числе и психология, « витают высоко над землей », являются « нейтральными ». « Современная психология, — присоединяет свой голос к заявлениям этих психологов М. Янович, — берет свою ориентацию в значительной степени из социального контекста американской жизни. Идеология американских психологов похожа по своему характеру на американскую мысль и культуру »². Таким образом, многочисленные заявления американских буржуазных психологов свидетельствуют, что многие из них сознательно входят в лагерь воинствующих буржуазных идеологов и отказываются от всякой маскировки буржуазной направленности своих взглядов.

Реакционная буржуазия, находящаяся у власти в империалистических государствах, делает все возможное, чтобы принудить ученых своих стран активнее выступать в ее пользу. Так, например, без открытых заверений в своей приверженности буржуазии ученым в странах капитала стало трудно печатать свои труды, не говоря уже о том, что невозможно получить работу. Известно, например, что в США антрополог Уайнинг не мог опубликовать свое исследование о Новой Гвинее до тех пор, пока он не придал ему психорасистского характера: в « чистом », « беспартийном » исследовании буржуазные издательства не заинтересованы.

Так или иначе — по необходимости или в силу своей личной убежденности — психологи-идеалисты за последнее время стали определеннее выявлять свою классовую приверженность. Поэтому многие работы буржуазных

¹ См. «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 511.

² «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 516—522.

психологов теряют свою научную ценность. Их основное назначение, как указывает упоминавшийся уже американский психолог М. Янович, все более сводится к тому, чтобы «отражать и сообразовываться» с официальными (т. е. буржуазными) «культурными требованиями»¹. Понятно поэтому также и то, почему некоторые психологи-идеалисты, по признанию Яновича, «тяготеют к политикам и общественным деятелям, хотя они и редко привлекаются для непосредственной разработки политики, а используются чаще всего в качестве консультантов и технических работников»².

Однако, как свидетельствуют факты, ни репрессии, ни выступления реакционных психологов не могут уменьшить влияния советской науки на ученых и простых людей капиталистических стран. Прогрессивные деятели науки в США, Англии, Франции и других странах все активнее выступают против тех, кто клеветает на СССР, советскую науку и ученых-материалистов, показывая полную несостоятельность их злобных выпадов.

Психологи-материалисты, прогрессивные ученые в странах капитала усиливают борьбу против идеализма, мистики и реакции в буржуазной психологии. Они стремятся раскрыть широким кругам интеллигенции, всему народу своих стран идеологический и политический смысл идеалистических теорий в психологии; разоблачить наиболее вредное и вместе с тем наиболее популярное ныне направление в идеалистической психологии — фрейдизм и его новейшие разновидности; показать значение для научной психологии диалектического материализма и материалистического учения И. П. Павлова.

Деятельность прогрессивных ученых в странах капитала выходит за пределы борьбы с идеалистическими теориями в психологии. Это и понятно: за борьбой партий в области теории стоят классы с их интересами и устремлениями. Критика реакционных взглядов в науке не может не быть связанной с критикой социально-политических позиций их сторонников. Являясь отражением классовой борьбы, такая критика способствует повышению уровня политической сознательности масс.

¹ См. «The American Psychologist» v. 9, № 9, 1954, p. 528—532.

² См. там же, стр. 531.

3. ПЕРЕДОВЫЕ УЧЕНЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Передовые ученые капиталистических стран — философы, психиатры, физиологи, психологи — в своих работах уделяют значительное место разоблачению идеологической и политической сущности реакционных психологических теорий.

В статье «Идеологи умирающей системы» американский философ В. Джером отмечает, что после второй мировой войны идеализм стал агрессивным, активно борющимся за свою жизнь. «Для различных проявлений современного идеализма главным образом характерен не праздный самоанализ, не тоска по нирване, самопревращение в мумию в склепе древности, не самоотречение от жизни. Сегодня иррационализм активно вторгается в жизнь народа, ставя перед собой явно реакционные цели. Он является философией антидемократического лагеря крови и силы»¹. Идеологи буржуазии, пишет Б. Данэм, прежде всего занимаются апологетикой капитализма, которая представляет ныне не только систему идей, но и «организацию платных апологетов»².

Подобная оценка современного идеализма справедлива. С полным основанием марксисты, прогрессивные деятели науки в капиталистических странах переносят ее и на идеалистические теории в буржуазной психологии. «Социология и психология, — указывает французский философ-коммунист Р. Гароди, — все более и более подчиняются интересам класса буржуазии и в силу этого обречены следовать исторической траектории этого класса»³. За малым исключением, пишет английский ученый Б. Кермен в статье «Психология на службе реакции», все буржуазные психологи и психиатры призваны «служить реакционным целям, особенно в США и в несколько меньшей степени также в Англии»⁴. Теории биологических и социальных инстинктов, распространяе-

¹ «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», М., 1955, стр. 202.

² См. Б. Данэм, Человек против мифов, М., 1961, стр. 12.

³ Р. Гароди, Основные направления современной буржуазной философии во Франции. «Вопросы философии» № 1, 1954, стр. 165.

⁴ Б. Кермен, Психология на службе реакции. «Журнал невропатологии и психиатрии» т. LIV, вып. 4, 1954, стр. 309.

мые психологами, отмечает Г. Уэллс, независимо от личных намерений их авторов «...очень часто предназначаются для выполнения идеологических задач реакции»¹.

Прогрессивные ученые капиталистических стран разоблачают тот основной прием апологетики капитализма, который широко используют психологи-идеалисты. Последние утверждают, как заявляет Данэм, что существующее положение вещей при капитализме, «хотя и связанное с большими мучениями для людей, до известной степени оправданно, что оно, во всяком случае, неизбежно и что капиталисты ни в коем случае не несут ответственности за его возникновение»².

Что же, по мнению психологов-идеалистов, порождает пороки капитализма? Их ответ на этот вопрос Данэм называет одним из мифов, существующих в буржуазной идеологии. Это миф о порочной природе самих людей. Благодаря врожденным психическим качествам люди согласно теориям психологов-идеалистов не способны управлять своими делами более или менее разумно, вследствие чего возникают кризисы перепроизводства, безработица, классовая борьба и т. д. Данэм подчеркивает, что подобное лживое представление существует не потому, что соответствует фактам, а в силу своего реакционного общественного назначения. «Теория о неизменяемости природы человека, — резюмирует он, — преследует более важную цель, чем простая маскировка преступлений правящих кругов, а именно — защиту существующего общественного устройства. Она пытается доказать неизбежность капитализма, исходя из неизменной сущности природы человека и господства капиталистического строя в большей части мира»³.

Прогрессивные ученые капиталистических стран понимают, что проповедь реакционных психологических теорий тесно связана с тем походом против сознания, разума, который организован идеологами буржуазии и в котором принимают активное участие психологи-идеалисты. С глубокой убежденностью эти ученые показывают, что пропаганда бессознательного, мистики и иррационализма, раздуваемая рядом буржуазных психологов, яв-

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, стр. 158.

² Б. Данэм, Человек против мифов, стр. 12.

³ Там же, стр. 57.

ляется обратной стороной этого похода против сознания. Пропаганда бессознательного, отмечают американские прогрессивные ученые, ведется с тем, чтобы уменьшить влияние разума, создать впечатление, что он управляется иррациональными силами, внушить, что все трудности в жизни имеют не общественные причины, а коренятся в мистическом бессознательном, что они неизбежны, неодолимы. Интерес к бессознательному, продолжают они, не случаен в стране, где капитализм идет к кризису и где нужно создать впечатление о неизбежности войны: это — наступление на разум, одновременно терроризация интеллигенции, сожжение книг, растущий контроль над школами и университетами.

Достоинством теоретически-критических работ прогрессивных ученых в странах капитала является то, что они не просто разоблачают реакционную идеологическую сущность распространенных в буржуазной психологии взглядов. Вместе с тем они дают правильное объяснение общественным явлениям, которые ложно трактуются в теориях психологов-идеалистов.

Известно, например, что многие общественные явления последние индивидуализируют и одновременно психологизируют. Так, например, классовую борьбу, войны, преступность, психические заболевания и другие социальные явления они выдают за выражение «неврозов», «внутрипсихических конфликтов личности», проявление бессознательного и т. д. Суть всех подобных «объяснений» заключается в том, чтобы показать «естественный», «психологический» характер социальных последствий господства капитала.

Прогрессивные ученые разоблачают миф об индивидуально-психологической природе социальных явлений. В частности, Дж. Фурст убедительно показал в своем труде, что действительной причиной массовых психических заболеваний в США является американский образ жизни и реакционная пропаганда. «По меньшей мере раз в неделю мы почти в каждой газете можем прочитать если не все, то большую часть следующих положений: материальные вещи не имеют значения; счастье — это исключительно душевное состояние; не имеет значения, бедны вы или богаты, ибо неизвестно, что именно составляет духовное благополучие; коммерция ухудшается

по той причине, что у коммерсантов нет достаточного доверия друг к другу. Эти взгляды, согласно которым дух имеет абсолютное превосходство над материей, душевное состояние человека определяет все, а практическими делами управляют чисто духовные силы, являются естественным продуктом больного общества. Когда отдельный человек заимствует этот образ мыслей и применяет его к своим личным проблемам, он тоже становится больным»¹.

Фурст глубоко прав, объясняя причины неврозов социальными условиями жизни людей. Он прав также и в том, что многие психические явления, казавшиеся простыми и «естественными» (природными), на самом деле при внимательном анализе оказываются сложными и сложность их обусловлена общественными отношениями. Подобное же мнение высказывает датский ученый-марксист Э. Даниэльсен, который считает, что снижение числа психически больных возможно лишь путем ликвидации капиталистического строя и перехода к строительству социализма.

Передовые деятели науки в странах капитала подчеркивают, что не только теоретическая деятельность психологов-идеалистов оказывает тлетворное влияние на умы простых людей, но что и практическая работа их «связана с существующим строем слишком тесными узами»². Поэтому своими рекомендациями, всей своей практикой они тоже защищают интересы капиталистов.

Разоблачение идеологической и политической сущности реакционных психологических теорий и прислужнической практической деятельности ряда психологов является одним из звеньев в общей борьбе прогрессивных ученых капиталистических стран против антидемократической политики империалистических правящих кругов, против политики гонки вооружений и военного психоза. Так, в Соединенных Штатах Америки передовые ученые и деятели культуры, несмотря на угрозы репрессий, открыто высказываются против вмешательства правящих кругов в разрешение научных споров и применения при этом силы. В коммюнике Американского конти-

¹ Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 237.

² Там же, стр. 35.

ментального конгресса деятелей культуры (1954 г.) подобная политика насилия справедливо квалифицировалась как «инструмент в руках тех, кто стоит за культурную реакцию, за задержку научной мысли»¹. И понятно, что разоблачение в психологии теорий и взглядов, которые служат целям идеологической реакции, является вместе с тем ударом по той политике в целом, которую проводят господствующие классы.

4. КРИТИКА ФРЕЙДИЗМА И НЕОФРЕЙДИЗМА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Известно, какое большое влияние оказывает ныне на широкие круги населения капиталистических стран фрейдизм, или психоанализ, и его современные разновидности. Не удивительно поэтому, что разоблачение лженаучной сущности фрейдизма прогрессивные ученые США и других стран считают своей первостепенной задачей, называя фрейдизм «противником № 1».

Характерно, что в настоящее время заметно меняется отношение к психоанализу даже в среде самих фрейдистов. Становится правилом, что сторонники Фрейда в своих работах подвергают критике его взгляды, даже стараются в известной степени отмежеваться от него. Это — симптом внутреннего разложения фрейдизма.

Показательна в этом отношении книга Л. С. Фейера «Психоанализ и этика»². Печать в США разрекламировала работу Фейера как «первое исследование, посвященное изучению значения психоанализа для этики». Сам Фейер утверждает, что многие вопросы этики могут быть решены лишь с позиций психоанализа. Однако в своей работе он поместил главу (по объему равную почти половине всей книги), в которой подвергает критике социологические воззрения Фрейда, являющиеся, как известно, важной составной частью его доктрины.

Какой разброд происходит ныне в лагере психоаналитиков, весьма ярко показывает датский прогрессивный ученый Э. Даниэльсен. «Критика, которой подвергался

¹ «Masses and Mainstream», May 1953, p. 57—58.

² L. S. Feuer, *Psychoanalysis and Ethics*, Vermont, 1955.

психоанализ в течение длительного периода, и недовольство в рядах самих психоаналитиков, — пишет он, — привели к тому, что сторонники учения Фрейда шаг за шагом отступали от занимаемых позиций. Некоторые признают правильность той точки зрения, что взгляды Фрейда на общество не имеют под собой научной основы, но это, мол, не может отразиться на его остальных теориях. Другие утверждают, что они согласны с молодым, более оптимистичным Фрейдом, но отвергают культурный пессимизм пожилого Фрейда. Имеются и такие, которые готовы признать, что они не придают больше решающего значения сексуальным мотивам и не рассматривают первые пять детских лет предопределяющими для всей жизни. Наконец, часть фрейдистов заявляет, что они отрицают ряд основополагающих теорий, но признают полезность самой техники психоанализа...»¹

По существу нет почти ни одного положения психоанализа, которое не критиковалось бы кем-либо из лагеря фрейдизма. В настоящее время фрейдовская теория подвергается критике с точки зрения философской, медицинской, биологической, психологической, что уже само по себе свидетельствует о ее большой уязвимости.

Одним из первых вопросов, который рассматривается философами-материалистами в связи с борьбой против фрейдизма, является вопрос о том, чем объяснить столь широкое распространение этого лжеучения в странах капитала. Американский философ-марксист Дж. С. Клайтон дает на этот вопрос убедительный ответ. В статье «Некоторые вопросы борьбы против психоанализа» он отмечает, что психоанализ пользуется поддержкой в первую очередь со стороны буржуазии. «Это объясняется тем, что данная теория лучше других удовлетворяет запросы правящего класса в данный период загнивания капитализма. Общество, находящееся в состоянии прогрессирующего разложения и кризиса, вызывает рост душевных расстройств, несчастий, смятения и даже серьезных психических заболеваний, и поэтому интерес людей к причинам и лечению нарушенного душевного состояния имеет большое практическое значение. Правящий класс подсовывает свое решение этой проблемы

¹ Цит. по: М. Б. Косов, Марксистская критика психоанализа. «Вопросы философии» № 11, 1959, стр. 176.

через фрейдизм. Людям говорят на авторитетном, «научном» языке, будто их душевные недуги не имеют ничего общего с нездоровым развращенным обществом, в котором они живут, но скорее вызваны некими врожденными, неизменными биологическими, животными «инстинктами», подавляемыми в их «бессознательном» душевном царстве... Более того, так как психоанализ провозглашается наукой о душевном царстве, господствующая идеалистическая философия буржуазии с готовностью, хотя и молчаливо, согласилась с претензией фрейдизма на правильное объяснение истории человечества, общественного устройства и конфликтов, развития культуры. Таким образом, фрейдизм превратился в важное идеологическое оружие, используемое в борьбе против марксистского понимания истории, против метода классовой борьбы рабочего класса и против научного обоснования перспективы роста той части человечества, которая видит разрешение всех основных проблем в преобразовании общества на социалистических и коммунистических началах»¹.

Этот анализ причин популярности фрейдизма в странах капитала свидетельствует о глубоком научном и партийном понимании американскими марксистами реакционной сущности психоанализа.

Прогрессивные ученые в странах капитала активно разоблачают любые попытки представить фрейдизм как «материалистическое» учение или по крайней мере как имеющее некоторые материалистические черты и тенденции. Подобного рода мысль была высказана, в частности, американским психологом Скиннером, который, критикуя фрейдизм, называл его «детерминистской теорией». Этому мнению противопоставляет свою точку зрения Дж. Фурст. С глубоким пониманием дела, опираясь на факты, он показывает, что детерминизм фрейдовской концепции — кажущийся. На самом деле «психоаналитики никогда не отказывались от исходной фрейдистской тавтологии: инстинкты (или биология) создают психику, психика определяет общество, общество определяет психику»². Как видим, в основе этой тавтологии

¹ «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», стр. 282—283.

² Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 35.

лежит признание первичным не внешнего мира, а инстинктов. Таким образом, о материалистическом детерминизме фрейдовского психоанализа и всех его новейших разновидностей не может быть и речи, ибо такой детерминизм предполагает признание определяющего влияния внешней среды на психику.

Прогрессивные американские ученые подвергают критике фрейдовскую теорию за ее метафизичность. Согласно Фрейду факторы, определяющие личность, поведение и способности людей, во все времена одни и те же (инстинкты, комплексы и т. п.). Ни о какой общественной обусловленности личности, следовательно, нельзя говорить. Прогрессивные ученые отвергают это ненаучное, по своей философской сущности метафизическое положение психоанализа. Так, Фурст, основываясь на фактах, показывает, что психические явления, такие, например, как сознание, формируются под влиянием социальных условий, а не даны сразу в «готовом виде» и потому имеют свою историю возникновения и развития. В силу этого психические свойства не бывают одинаковыми у людей разных исторических эпох.

Прогрессивные ученые в странах капитала показывают несостоятельность и других методологических положений психоанализа. Особое внимание они уделяют анализу социологических воззрений Фрейда как наиболее реакционных и противоречащих науке.

Подробная критика взглядов Фрейда и его последователей на искусство дана американским марксистом С. Финкельштейном. В работе «Психоанализ и искусство» он отмечает, что существует три вида психоаналитических теорий искусства: Фрейда, Юнга и представителей «психокультурного» неофрейдизма. Согласно первой точке зрения художник — это невротик, который обладает исключительной и счастливой способностью придавать приятную «форму» своим невротическим грезам. Задачей психоанализа с этой точки зрения является анализ произведений искусства с целью обнаружения находящихся в их основе невротических симптомов. Согласно юнговской теории психоанализа искусство зиждется на «вечно достоверных» мифах и легендах, которые с древнейших времен существуют как «коллективное бессознательное». Художник бессознательно выражает «архаическое бессознательное»; вся

цивилизация, культура, искусство являются лишь внешней оболочкой этого «необузданного чудовища» («коллективного бессознательного»). С точки зрения Хорни, Фромма и других неопрейдистов каждый этап в истории общества имеет свой, ему соответствующий «культурный комплекс». Искусство воплощает и выражает этот «комплекс».

Финкельштейн отмечает, что фрейдовская и юнговская точки зрения получили наибольшее распространение в области критики произведений искусства; теория сторонников «психокультурного» неопрейдизма получила свое конкретное воплощение в драме и романе. «По-видимому, — пишет он, — это излюбленная лазейка для писателей, которые хотят показать, что они занимаются социальными проблемами, не ведая, однако, борьбы за их разрешение. Так по мановению руки социальные проблемы превращаются в «психологические»¹.

Как показывает Финкельштейн, империалистические круги поощряют занятия психоаналитиков проблемами искусства и культуры, потому что заинтересованы в их фальсификации. Психоаналитические теории культуры, подчеркивает он, «прямо или косвенно ведут к фашизму», а психоаналитики «предлагают свои услуги империализму, стремящемуся к войне, пытаюсь заменить свет мраком, знания — верой. Они провозглашают невозможность познания реальности, бессмысленность существования. Там, где эти теории оказывают действие на искусство, последнее становится кошмаром... Психоаналитические теории враждебны всему тому, что всегда составляло величие искусства, — реализму, просвещению и способности быть орудием прогресса человечества»².

Критика фрейдистских теорий культуры и искусства имеет чрезвычайно важное значение в условиях капиталистических стран. Даже не коммунисты, а просто либеральные ученые отмечают то тлетворное влияние, которое оказывает психоанализ на искусство. К сожалению, в настоящее время прогрессивные ученые в странах капитала еще недостаточно обращают внимание на разоб-

¹ «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», стр. 304—305.

² Там же, стр. 307—308.

ложение фрейдистских теорий искусства, литературы и культуры, не показывают во всей полноте конкретные формы их проявления в произведениях художников и их реакционное идеологическое значение.

Как упоминалось выше, в настоящее время фрейдизм подвергается обстоятельной критике и со стороны его биологических «основ». Известно, что Фрейд маскирует свои субъективистские взгляды, используя биологическую терминологию. Многие верят на слово его заявлениям о «естественной» природе бессознательных сил и о существовании у человека «инстинктов» смерти и удовольствия. Прогрессивные ученые — врачи и биологи — опровергают ложные утверждения фрейдистов.

Так, Фурст показывает, что все те акты поведения, мышления, которые Фрейд объясняет «проявлением» элементарных инстинктов, на самом деле имеют сложную природу и являются функциями всего работающего мозга. *«...Психические явления, такие, как мысли и чувства, — пишет он, — не являются основными свойствами нервных клеток. Эти более высокие психические явления возникают лишь как результат целостной деятельности всего мозга и могут возникнуть лишь тогда, когда деятельность мозга, в особенности деятельность его коры, определенным образом формируется, организуется и обуславливается активным социальным опытом»*¹.

Таким образом, американский психиатр и психолог утверждает, что психические явления не «выделяются» в готовом виде мозгом, а формируются в результате его сложнорефлекторной деятельности. Эта мысль разделяется ныне всеми учеными-материалистами.

Приверженцы психоанализа всегда считали, что обладают большим преимуществом перед сторонниками других доктрин потому, что якобы на их стороне практика — лечение больных по методу Фрейда. Свой метод лечения до недавнего времени они расценивали как неуязвимый для какой-либо критики. Поэтому нередко можно было слышать из их уст заявления о том, что, пока метод лечения больных применяется и дает результаты, фрейдизм как концепция не потеряет своего научного достоинства. Однако ныне резкой, уничтожающей критике подвергается и практика психоанализа.

¹ Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 57.

Одним из первых критиков практически-медицинской стороны психоанализа был в Австрии Ф. Виттельс. Он отметил, что психоанализ может иногда устранять симптомы, но отнюдь не излечивает при этом сам невроз. Часто, отмечает Виттельс, «пациент мирится со своей болезнью потому, что хочет сделать приятное своему любимому аналитику, который так потрудился для него. В этом ли лавры психоанализа?»¹ — законно ставит вопрос он.

Подобная оценка лечения больных по методу Фрейда некоторое время считалась фрейдистами «кошунственной» и необоснованной. Однако через четверть столетия в несостоятельности психоанализа убедились даже сами некогда рьяные его сторонники: О'Коннер, Реми, Фарелл, Майльс (он указал, в частности, что лечение функциональных расстройств нервной системы по методу Фрейда дает более плохие результаты, чем при лечении другими методами).

В США Л. Кьюбе в работе «Практический и теоретический аспект психоанализа» (1950 г.) признает, что лечение при помощи психоанализа требует обычно по меньшей мере пяти сеансов в неделю из месяца в месяц на протяжении нескольких лет подряд с весьма малыми шансами на успех. Мильнер сообщает о случае лечения при помощи психоанализа, который длился пять лет. Поэтому такое лечение помимо всего прочего практически является недоступным для подавляющего большинства трудящихся из-за своей высокой стоимости и очень редко доводится до конца.

А. А. Брилли, который до последнего времени являлся горячим поклонником фрейдизма и сделал чрезвычайно много для его популяризации в Англии и США, пишет, что его энтузиазм уменьшался, по мере того как он знакомился с практической ценностью психоанализа. За 11 лет он имел дело с 600 пациентами, довел психоанализ до конца в 69 случаях и «вылечил» четырех больных. Как сообщает А. Салтер, выступивший в 1952 г. в печати с критикой психоанализа, большинство больных, обращающихся за помощью к фрейдистам, не в состоянии довести лечение до конца и убегают с сеансов. Другой критик психоанализа в США, К. Лэндис, в

¹ Ф. Виттельс, Фрейд, его личность, учение и школа, стр. 175.

работе «Психоаналитические феномены» указывает, что если до лечения некоторые больные были почти нормальными, то сама процедура лечения психоанализом делает их невротиками. Дж. Фурст в свою очередь отмечает, что практические результаты, которые достигаются психоанализом, *«не выдерживают тщательной проверки...»* Хотя бывший пациент может субъективно чувствовать себя лучше, объективно он весьма и весьма часто оказывается в худшем состоянии, поскольку его лечение раз и навсегда эффективно воспрепятствовало пациенту уяснить себе, каковы те реальные трудности, которые лежат в основе его невроза»¹.

Таким образом, по свидетельству как самих психоаналитиков, так и прогрессивных деятелей медицины за рубежом, близко знакомых с психоанализом, практическая ценность последнего, о которой так много говорят фрейдисты, равна нулю. Более того, вопрос ныне ставится даже так: чего больше — пользы или вреда — приносит лечение психоанализом? Дж. Фурст, например, считает, как уже говорилось выше, что психоанализ наносит пациентам вред². Подобная «связь» психоанализа, как, собственно, и других идеалистических направлений в психологии США, с практикой есть выражение и показатель кризиса этих направлений, их практической бесплодности и бесполезности.

Практическая несостоятельность психоанализа породила интерес со стороны медиков к анализу теории неврозов, разработанной фрейдистами.

Как уже упоминалось, фрейдисты считают причиной неврозов «внутрипсихические» конфликты, обусловленные «бунтом» основных биологических инстинктов. Опровергая вымышленную фрейдистскую этиологию неврозов, американские прогрессивные ученые противопоставили ей материалистическую. Всякий невроз связан с расстройством нормальной нервной деятельности. Расстройство же порождается социальными условиями. Одиночество, постепенная утеря чувства локтя соседа, отсутствие товарищества, постоянная угроза лишиться работы, страх перед угрозой новой войны — вот те причины, которые, по мнению американского психиатра

¹ Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 264.

² См. там же, стр. 347.

Кунлейца, приводят американцев к тяжелым психическим расстройствам. И мнение этого психиатра справедливо. Причины неврозов и психозов кроются не в природе самого человека, не в биологических особенностях его организма, а в общественных условиях бытия людей.

Особенно продуктивной является теория неврозов Дж. Фурста. По его мнению, у невротика в результате определенных социальных условий, которые характеризуются в буржуазном обществе непримиримыми противоречиями, формируются особые нервные связи, неправильный подход к реальным условиям жизни, что и вызывает болезненные, невротические симптомы.

Таким образом, критика фрейдистской теории неврозов выходит далеко за пределы физиологии и невропатологии. И это совершенно правильно, так как одна медицина не в состоянии избавить людей от тяжелых недугов, какими являются неврозы. Цель истинно научной медицины состоит в полной ликвидации болезней, а этого можно достичь отнюдь не психоанализом, а путем социального переустройства капиталистического общества. Таково мнение прогрессивных ученых ряда капиталистических стран.

Борьба против фрейдизма была бы более эффективной, если бы в настоящее время в странах капитала не были влиятельными ученые, которые пытаются установить частичный компромисс фрейдизма с учением И. П. Павлова. В 1957 г. на конференции во Фрейбурге, посвященной рассмотрению соотношения фрейдовской концепции с учением о высшей нервной деятельности И. П. Павлова, идею такого компромисса поддерживали Микорей, Тайрих, Шейперт, Саллер и другие. Вряд ли следует говорить о том, что подобного рода попытки поддержать психоанализ не могут быть успешными. Павловское учение и фрейдизм несовместимы. Попытки «обосновать» правомерность психоанализа с точки зрения учения о высшей нервной деятельности не имеют под собой никаких реальных оснований.

Критикуя фрейдизм как реакционное учение, прогрессивные ученые в странах капитала вместе с тем подчеркивают (например, Дж. Клайтон), что психоанализ нельзя отождествлять с научной психотерапией и на этом основании отвергать ее право на существование в медицинской практике. В своей статье «Некоторые

вопросы борьбы против психоанализа» Клайтон указывает, что субъективное тоже можно изучать объективно, потому что оно базируется «на *объективных* законах материальной основы сознания — взаимодействии между условиями жизни индивидуума и деятельностью коры головного мозга»¹. На этой основе возможна научная психотерапия, которая отличается от психоанализа тем, что не стремится переводить «бессознательное в сознание», а старается образовать у пациента новые связи и изменить ненужные старые. «В лечении психически больного человека, — пишет Клайтон, — анализ его субъективного состояния имеет существенное значение для того, чтобы знать, какие из видов условных рефлексов следует изменить, или модифицировать. Но для того чтобы знать, каким образом наиболее эффективно воздействовать на условные рефлексы, необходимо понять, как действуют законы образования, модификации и торможения условных рефлексов в человеке при том или ином виде психического заболевания. Как только будет решена эта проблема, психотерапия окончательно станет на здоровую, научную основу»².

Клайтон прав, когда указывает на правомерность научной психотерапии и на павловское учение как ее основу. Однако следует возразить американскому ученому по одному пункту: не все заболевания, связанные с изменением психики человека, вызываются образованием вредных связей и отсутствием нужных. Это положение, на котором акцентировал внимание также и Фурст, имеет отношение больше к невротикам, чем к психически больным, нарушения высшей нервной деятельности у которых бывают подчас вызваны органическими или биохимическими (обменными) причинами. Таким образом, мнение Клайтона справедливо по отношению лишь к некоторым из психических заболеваний.

Защищая психотерапию, некоторые ученые в капиталистических странах, стремясь отойти от психоанализа и встать на научные позиции, допускают вместе с тем существенные ошибки. К числу таких ученых можно отнести американца З. Бера. Он, например, считает, что

¹ «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», стр. 285.

² Там же, стр. 296—297.

научная психотерапия является солидным и влиятельным инструментом по переделке среднего «класса» и превращению его в политически активного союзника рабочего класса. В своих работах («Принципы рациональной психотерапии», «Теоретическое основание и практика рациональной психотерапии») он утверждает, что в процессе психотерапии совершается качественный скачок в «социальной практике» пациента, изменяется его идеология, притом в сторону сближения с рабочим классом. Бер полагает даже, что психотерапевт может превратить «капиталистическую конкуренцию в социалистическую кооперацию»¹.

Заявления такого рода основываются на том мнении, что, поскольку неврозы социально обусловлены, лечение их означает перевоспитание больного, изменение его мировоззрения и оценки происходящих событий. Тем самым Бер допускает явные преувеличения, за что его точка зрения подвергается критике со стороны ряда американских ученых, в частности Б. Вильсона и И. Купера. В статье «Границы рациональной психотерапии» последние отмечают, что, конечно, нельзя отождествлять психотерапию с психоанализом и, подвергая критике фрейдизм, порочить первую. Однако психотерапевт не может коренным образом переделать всю психику людей, изменить их мировоззрение, как утверждает Бер, он может лишь внести в психику те или иные изменения. «Материалистически ориентированная психотерапия, — пишут авторы, — может принести пользу в социальном отношении в весьма ограниченных рамках»². Бера подверг критике также и Дж. Клайтон, который считает его точку зрения ошибочной.

Дискуссия, которая происходит вокруг проблемы психотерапии, показывает, насколько большое значение придают прогрессивные ученые, в частности американские, правильному, научному обоснованию этого метода лечения и необходимости при этом полного отмежевания психотерапии от психоанализа.

Содержательная критика фрейдизма с позиций философии, психологии, медицины, в которой принимают

¹ Цит. по: «Science and Society» v. XVII, № 4, 1953, p. 352.

² B. Wilson and J. Cooper, The Limits of Rational Psychotherapy. «Science and Society» v. XVII, № 4, 1953, p. 355.

участие как последовательные противники психоанализа, так и колеблющиеся сторонники, подрывает его популярность. Однако потребуются еще немалые усилия для того, чтобы полностью и навсегда развенчать фрейдизм в глазах всех людей в капиталистических странах и избавить их от тлетворного влияния его порочных представлений.

5. БОРЬБА ПЕРЕДОВЫХ УЧЕНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ПРОТИВ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ ИЗВРАЩЕНИЙ В ДЕТСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В деятельности передовых ученых в капиталистических странах важное место занимает критика идеалистических извращений в детской и педагогической психологии и в близко к ней примыкающей педагогике. Особенно большое внимание уделяли и уделяют этому вопросу французские ученые А. Валлон, Ф. Секле-Риу и в свое время П. Ланжевен. Отдельные правильные критические замечания содержатся в психологических работах английских, американских и западногерманских психологов. Тот факт, что наряду с именами психологов здесь можно назвать имена ученых других специальностей, в частности физиков, свидетельствует о том исключительном значении, которое придают этой проблеме передовые ученые в Западной Европе и в США.

Прежде всего передовые психологи различных стран разоблачают лживое от начала до конца заверение тех буржуазных психологов и деятелей педагогической науки, которые (как, например, западногерманские психологи Буземанн, Блетнер и Лерш в своей коллективной статье, открывшей первый номер журнала «Школа и психология» (1954 г.)) утверждают, будто педагогическая психология и педагогика не зависят от философии, чужды «мировоззренческой, политической, религиозной и всякой другой партийности»¹. Подобного рода заявления имеют целью скрыть истинную буржуазную приверженность представителей педагогической психологии в

¹ «Schule und Psychologie» № 1, 1954, S. 3.

капиталистических странах, выдать их деятельность за якобы свободную от классовых интересов. На самом деле, как уже отмечалось выше, это, конечно, совсем не так. Как и другие буржуазные ученые, многие представители педагогической психологии защищают классовые интересы буржуазии, создавая свои теории и «системы». Именно поэтому во Франции и не был принят и даже не допущен для широкого обсуждения проект реформы школы, созданный Ланжевром и Валлоном, в котором с особой силой и убедительностью показывалось, что в современной Франции существуют две системы просвещения — одна для буржуазии, другая — для народа. Среднее образование, писал в этой связи А. Валлон, — это по существу буржуазное образование, созданное для удовлетворения нужд капиталистического класса, это продукт культуры, которая исходит от него и которую он стремится увековечить. К тем же выводам о буржуазной направленности психолого-педагогических систем, выработанных психологами и представителями педагогики, приходят и некоторые социологи в США, Англии и других странах, которые, как и уже упоминавшийся Г. Эриксен, не являются коммунистами.

Прогрессивные психологи в капиталистических странах при определении задач педагогической психологии исходят не из догматических представлений (например, о врожденности психических качеств людей), а из педагогической практики. Для Валлона и других ученых педагогическая психология наряду с физиологией должна быть в школе не учебным предметом, а средством организации педагогического процесса и проверки его эффективности. В своей работе «Принципы прикладной психологии» Валлон подчеркивал, что практическое приложение психологии может сделать учебную работу более плодотворной, помогая создать новые и улучшить старые методы обучения, вытесняя эмпиризм и необоснованные рекомендации психологов (идеалистов. — Н. М.), которые он справедливо назвал «пророчествами». По мнению Валлона, научная психология и педагогика, дополняя друг друга, должны составлять одно целое, несмотря на то что каждая имеет свою собственную область и методы исследования.

Положения Валлона и других психологов-материалистов о необходимости тесной связи педагогической

психологии с педагогикой коренным образом отличаются от утверждений идеалистов в педагогической психологии, которые в последнее время тоже высказываются за необходимость союза педагогики и психологии. Суть этого различия заключается в том, что психологи-материалисты рассматривают педагогическую практику как источник тех знаний, которые составляют фонд научной педагогической психологии, и вместе с тем как критерий правильности делаемых заключений, тогда как психологи-идеалисты видят в союзе психологии с практикой прежде всего средство повышения своей популярности, область приложения собственных догматических положений.

В настоящее время передовые ученые в капиталистических странах острие своей критики обращают против традиционно-идеалистического представления, получившего широкое распространение, согласно которому психика человека является врожденной, а способности людей определяются прежде всего наследственностью, среда же может будто бы лишь способствовать их выявлению либо тормозить его. Против этой точки зрения в Западной Германии выступает психолог Мирке, утверждающий, что способности к теоретической или практической деятельности представляют собой лишь проявление более общей способности человека, которая формируется и изменяется под влиянием среды. Во Франции ценный экспериментальный материал, установленный в результате продолжительного наблюдения за развитием близнецов, обладающих одинаковыми биологическими задатками, был собран и обобщен директором лаборатории психологии ребенка в Институте психологии Зозо. Его данные показали, что в различных условиях у близнецов появляются психологические черты, делающие их различающимися друг от друга. Экспериментальные исследования французских психологов направлены против индетерминистического понимания процесса развития ребенка как развертывания его внутренних «потенций».

Французские психологи не только опровергают положения психологов-идеалистов о развитии ребенка, но и противопоставляют им свою точку зрения. Научно обоснованная концепция развития ребенка содержится, например, в трудах А. Валлона. Он убедительно показал, что известные особенности организма человека, а

следовательно и психики, определяются, бесспорно, наследственностью. Однако решающая роль в формировании личности, ее способностей и умений, интересов и склонностей принадлежит общественным условиям существования. «Общество является для человека необходимостью, органической реальностью, — писал он. — ... Личность получает свои определяющие характеристики из общества»¹. Поэтому Валлон считал неправомерным ставить вопрос так, как его формулируют обычно психологи-идеалисты: развитие ребенка определяется природой. Неверна, по его мнению, антитеза: развитие ребенка целиком и полностью обусловлено обществом. Где же истина? Правильный ответ на этот вопрос, утверждает Валлон, может дать диалектический материализм. В работе «Введение в изучение психической жизни» он подчеркивает, что ни психические, ни биологические особенности человека нельзя рассматривать изолированно, вне учета влияния среды. Задачей психологии и является как раз установление решающих внешних условий, которые обуславливают появление тех или иных особенностей человека. С этой диалектической точки зрения Валлон подходит и к решению вопроса о происхождении способностей.

По его мнению, не может быть способностей, которые можно было бы рассматривать «в чистом виде», вне связи с объектами, на которые эти способности направлены и в операциях с которыми они выявляются. «Ребенок не развивает свои способности в самих себе, — писал он. — Соответственно, мы не можем говорить о ребенке в чистом виде. ... о ребенке, которому можно было бы предоставить возможность просто и прямо развиваться»². Будучи членом общества, ребенок с первых дней жизни испытывает его влияние: не он сам руководит своим собственным развитием, способности его развиваются не «сами по себе». Общественный строй закрывает или открывает ребенку доступ к тем или иным знаниям, культурным ценностям, определяет его духовный кругозор и степень психического развития. То, что является биологическим в ребенке, опосредовано соци-

¹ Цит. по: *Ф. Секле-Риу*, Анри Валлон — ученый, борец, человек. «Советская педагогика» № 8, 1960, стр. 97.

² Там же, стр. 99.

альным, биологическое проявляется у человека не в форме, которую можно встретить на ступени развития животных, а в качественно иных формах, обусловленных и закрепленных обществом. Это не значит, конечно, заявляет Валлон, будто общество может «выработать» в человеке нечто такое, к чему у него нет биологических задатков (которые, добавим от себя, тоже развиваются и изменяются, испытывая общественное влияние).

Концепция, выдвинутая Валлоном, направлена против идеалистического понимания развития ребенка как выявления «внутренних потенций». Вместе с тем она показывает несостоятельность того представления, согласно которому изучение ребенка может быть ограничено лишь количественным измерением его умственных способностей, как утверждают психологи, применяющие метод тестов для отбора «способных» детей в те или иные учебные заведения и для прогнозирования их развития. По мнению Валлона, А. Леона и других психологов, для изучения психических особенностей ребенка необходим не метод тестов, а такой метод, который учитывал бы изменения в условиях среды, отражающиеся на поведении ребенка. Психологии, основанной на методе тестов, Валлон противопоставил свою «психологию действия», основанную на признании процесса развития, изменения психических особенностей по мере освоения ребенком окружающей его среды, в прямой зависимости от укрепления его действительных связей с окружающими его людьми и условиями.

Научное понимание развития ребенка французские прогрессивные психологи (Валлон, Секле-Риу и другие) противопоставляют тому порочному в своей основе представлению, согласно которому первые пять-семь лет жизни ребенок развивается только биологически и лишь затем претерпевает «социальные изменения». На основании оригинальных экспериментальных данных (полученных, в частности, Шпитцем) французские психологи утверждают, что биологическое и психическое развитие ребенка происходит одновременно со становлением его как личности, что биологическое в человеке неотделимо от психического и социального.

А. Валлон, Ф. Секле-Риу, А. Леон и другие французские психологи, уделяющие большое внимание вопросам детской и педагогической психологии, во всех деталях

проследили процесс развития ребенка, открыв в нем ряд стадий, или фаз. Свою концепцию о стадиях развития ребенка они противопоставили различного рода представлениям психологов-идеалистов, которые пишут в своих работах об «этапах развития» «внутренних потенций» человека.

Большой интерес в этом отношении представляет собой точка зрения Валлона. По его мнению, в развитии ребенка имеются такие стадии, которые не зависят от его желаний или биологических и психических задатков, а являются объективными ступенями становления ребенка как личности по мере развития его мозга, организма в целом. Эти стадии, фазы обусловлены общественными причинами, условиями бытия и наблюдаются в развитии каждого ребенка. Переход в психике ребенка от низшего к высшему происходит, пишет Валлон, постепенно, претерпевая качественные преобразования. На высших ступенях развития легко проследить то, что было достигнуто на низших. Такое представление о характере развития ребенка камня на камне не оставляет от вымученных представлений психологов-идеалистов о «развитии» психики ребенка как простом накоплении «психических качеств» или как спонтанном разворачивании наследуемых «потенций».

Стройная, хорошо аргументированная фактами концепция французских психологов о развитии ребенка как процессе формирования личности по существу направлена против одного из центральных положений идеалистической педагогики. В самом деле, «традиционным» для буржуазной психолого-педагогической мысли является положение о том, будто педагогика играет роль своего рода моста между обществом и отдельными личностями, имея задачей разработку способов и средств приспособления личности к обществу. Французские психологи во главе с Валлоном показывают несостоятельность такого понимания задач педагогики, основанного на индивидуалистическом представлении о личности. Человек, пишет Валлон, никогда не бывает просто индивидом, он всегда личность, которая имеет свои этапы, фазы становления. Поэтому задача педагогики не заключается в отыскании приемов приспособления индивида к обществу, а состоит в разработке способов воспитания личности. Отсюда следует, что основной задачей

школы является воспитание у детей социальных чувств, духа коллективизма и других качеств личности, а основной формой воспитания — воспитание в коллективе.

Однако если бы французские психологи ограничились только утверждением о необходимости воспитания в коллективе, то они сделали бы только полдела. Известно, что целый ряд буржуазных педагогов и психологов тоже ратует за воспитание в коллективе. Тем не менее, как показал Валлон, критикуя постановку воспитания в колледже иезуитов, коллектив используется ими не в целях формирования у детей наиболее ценных социальных чувств и качеств, в частности духа коллективизма, а для культивирования у них духа соперничества, чувства превосходства, основанного на признании расовой неполноценности части людей, и других психических качеств, угодных буржуазии. Таким образом, отмечают французские психологи, не всякое воспитание в коллективе дает положительные результаты; вопрос заключается, следовательно, не столько в форме, сколько в содержании воспитательного процесса.

Глубокая разработка реформы буржуазной системы воспитания, принятой во Франции, была осуществлена группой французских передовых ученых, возглавляемых сначала П. Ланжевром, а после его смерти — А. Валлоном. Составленный французскими учеными проект реформы народного образования являет собой образец творческого применения принципов диалектического материализма к проблемам детской и педагогической психологии.

В данной работе нет возможности дать сколько-нибудь полный анализ этого «Проекта». Однако целесообразно, видимо, остановиться на некоторых основных принципах, лежащих в его основе.

Авторы «Проекта» исходили из того, что обучение является процессом, протекающим по объективным закономерностям, в основе которых находятся закономерности психического развития ребенка, детерминированные общественной средой. Тем самым французские ученые решительно противопоставили свою точку зрения всевозможным теориям «свободного обучения», широко распространенным в капиталистических странах.

В «Проекте» указывается, что расовые отличия, существующие между людьми, не влияют на успешность

обучения детей. Ребенок цивилизованного француза или представителя отсталого племени Центральной Америки в надлежащих условиях в равной степени может усвоить все культурные ценности нашей эпохи. Соответственно этому Валлон выдвинул лозунг: «Поставить всех детей без различия касты, национальности, расы в условия, обеспечивающие полный расцвет их личности»¹. Этот лозунг был направлен против фрейдистской переоценки роли раннего детства, против психорасизма с его фатальным влиянием «культуры» и имел большое революционизирующее значение для педагогики в капиталистических странах.

Передовые французские ученые в своей теории обучения ведущую роль отводили учителю, школе, обстановке, в которой ребенок находится вне школы, т. е. факторам, обусловленным экономическими, политическими и историческими обстоятельствами. Главным из них является учитель. Он служит как бы проводником ребенка на пути к знаниям и вместе с тем его воспитателем. Обучение, считал Валлон, является как бы двуединым процессом. Выдвижение тезиса о единстве обучения и воспитания, о роли учителя в этом сложном, ответственном и почетном процессе направлено против теорий обучения психологов-идеалистов, которые противопоставляли обучение воспитанию и принижали роль учителя.

«Проект» перестройки народного образования Ланжевена и Валлона содержит в себе и другие ценные, научно обоснованные рекомендации методического, воспитательного порядка.

Трудно переоценить значение той большой борьбы с идеалистическими представлениями, которые ведут ныне прогрессивные ученые различных капиталистических стран. Значительный вклад в разработку основ материалистического направления в детской и педагогической психологии внесли французские психологи во главе с А. Валлоном. Установленные учеными-материалистами факты, сделанные из них на основе марксистско-ленинской философии выводы и обобщения представляют бесспорный интерес и для советских ученых, которые, работая в условиях социализма, могут осуществлять на

¹ Цит. по: *Ф. Секле-Риу*, Анри Валлон — ученый, борец, человек. «Советская педагогика» № 8, 1960, стр. 98.

практике положения своей науки, преследующей гуманистические цели — воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

6. УЧЕНИЕ И. П. ПАВЛОВА О ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ
С ИДЕАЛИЗМОМ В ПСИХОЛОГИИ
И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ОСНОВА
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В настоящее время в борьбе с идеализмом в науке передовое материалистическое естествознание играет все большую и большую роль. В этой связи в первую очередь следует указать на учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, которое, как отмечают прогрессивные деятели науки всех стран, имеет для них и конкретное научное и методологическое значение.

Именно под влиянием павловского учения в настоящее время почти во всех капиталистических странах у ряда психологов появился интерес к физиологическим исследованиям основ психических явлений и к анализу материального субстрата психической деятельности. Так, например, в некоторых английских лабораториях, пишет А. Р. Лурия, ознакомившийся с работой ряда английских психологов, исследования ведутся объективными павловскими методами. В лаборатории имени Маудсли они использовались «для анализа того, насколько быстро и прочно образуются временные связи у здоровых людей (в зависимости от их индивидуальных особенностей) и у больных с различными формами психических заболеваний, у которых эти индивидуальные особенности... выступают в резко выраженных, патологических формах»¹.

Интерес к физиологическому учению И. П. Павлова отмечается также и среди психологов Франции. Сначала в виде очерков в журнале «Нувель критик», затем в виде сборника «Павлов и павловизм» в конце 50-х годов там были опубликованы работы, в которых пропагандировалось павловское учение и рассказывалось о его

¹ А. Р. Лурия, Впечатления о психофизиологических исследованиях в Англии. «Вопросы психологии» № 1, 1958, стр. 135.

дальнейшем развитии в Советском Союзе. Особенно подробно в сборнике изложены идейные и естественно-научные предпосылки учения Павлова, преемственность его взглядов со взглядами Сеченова; авторы показали также, как в Советском Союзе разрабатывается далее идейное наследие великого русского ученого-материалиста (в частности, последняя глава второй части посвящена изложению работ К. М. Быкова применительно к медицине), какие вопросы ставились на Объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова. В сборнике рассмотрена философская сторона учения Павлова, хотя этот раздел и страдает известной ограниченностью.

Большую работу по пропаганде и творческому применению учения И. П. Павлова в психологии проделал во Франции А. Валлон.

За последнее время значительно большее внимание физиологическому учению И. П. Павлова уделяется в Соединенных Штатах Америки. Более 25 лет в США существует павловская лаборатория, руководимая В. Гентом. В 1955 г. там было организовано Павловское общество, основной задачей которого является изучение причин психических заболеваний и нахождение способов их лечения на основе павловского учения. Как отмечает Г. Уэллс, «среди членов — основателей этого общества имеется внушительное число ведущих американских ученых — медиков и психиатров»¹. В сообщении о создании нового общества американская газета «Нью-Йорк таймс» отмечала, что последователи Павлова, создавшие общество его имени, убеждены в том, что исследование психических заболеваний должно проводиться теми же лабораторными объективными методами, которые применяются и в других областях медицины и науки.

Деятельность Павловского общества в США имеет тем большее значение, что в этой стране к идейному наследию русского ученого существует разное отношение.

В первые десятилетия текущего столетия американские ученые, главным образом бихевиористы, восторженно приветствовали учение о высшей нервной деятельности. «Над моим письменным столом, — писал

¹ Г. Уэллс. Павлов и Фрейд, стр. 41.

известный американский психолог Йеркс по случаю семидесятилетия И. П. Павлова, — много лет висит прекрасный портрет И. П. Павлова... Живой и благородный как в похвалах, так и в созидательной критике, он интересовался всем, этот настоящий гражданин мира, потому что он является бескорыстным и преданным искателем истины... Что же удивительного в том, что мы, его коллеги и ученики, находим радость в признании своего огромного долга к его оригинальности и в выражении нашего восхищения и почтения перед ним как перед человеком»¹. Однако после смерти Павлова американские исследователи начали менять свое отношение к его учению. Они стали выражать несогласие с основными положениями этого учения. Так, например, Б. Бойкотт и Дж. Юнг заявили в печати, что рефлекторная теория закрыла будто бы путь для дальнейшего развития наших знаний о функциях головного мозга. Дж. Лиддел, занимавшийся одно время изучением условных рефлексов, провозгласил, что он и его коллеги не признают более теории условных рефлексов, что в павловском учении ценным является лишь методика изучения рефлексов.

Понятно, что в этой обстановке не всякому легко разобраться, кто же прав в оценке учения о высшей нервной деятельности. Поэтому разъяснение существа материалистических павловских идей, что и делается членами Павловского общества, способствует выработке у американских ученых правильного отношения к теории великого русского ученого. Отрадно заметить, что уже через год после образования общества на очередном конгрессе американских психиатров были заслушаны доклады, посвященные физиологическому пониманию психических заболеваний. В настоящее время эта тенденция получила еще большее распространение, что дает основание считать, что известная часть американских психологов стала приближаться к физиологическому и биохимическому пониманию психических и нервных заболеваний. Это особенно важно в стране, где чрезвычайно большое влияние получили идеи фрейдизма и неофрейдизма.

¹ Сборник, посвященный 75-летию академика Ивана Петровича Павлова, Л., 1925, стр. 33, 34.

Научное значение павловской теории для психологов и других ученых в странах капитала состоит в том, что она дает им возможность с передовых, материалистических позиций изучать и объяснять сложные явления психической жизни человека и их отклонения от нормы. Павловское учение, пишет в этой связи французский теоретик-коммунист Ж. Коньо, «плодотворяет практическую деятельность естествоиспытателей. Первые шаги на пути использования этого учения в психологии, физиологии, психиатрии и медицине, которые предприняты учеными капиталистических стран, свидетельствуют о полной справедливости этой оценки.

Для ученых в странах капитала теория И. П. Павлова имеет большое идеологическое значение. Во-первых, она составляет основу для содержательной, опирающейся на факты критики реакционных теорий в психологии и других науках, спекулирующих на незнании закономерностей психической деятельности и на извращении некоторых открытий в естествознании. Показывая их необоснованность и субъективизм, передовые ученые выбивают тем самым почву из-под ног идеалистов, способствуют значительному снижению их популярности.

Во-вторых, привлекая к себе внимание, павловское учение уменьшает влияние на психологов других распространённых теорий, среди которых в первую очередь следует указать на фрейдизм и неопрейдизм, бихевиоризм, эмпирическую «физиологическую психологию».

Распространение учения И. П. Павлова в странах капитала происходит путем преодоления немалого сопротивления со стороны психологов-идеалистов, связано с ломкой и пересмотром привычных для многих психологов понятий. Нередки случаи резкого выступления против павловского учения. Нет нужды приводить все те «аргументы» против этого учения, все те полные желчи и злобы высказывания по его адресу, которые заполняют страницы некоторых журналов и книг, издаваемых в странах капитала. Нападки на учение Павлова являются свидетельством той большой роли, которую оно играет в борьбе материализма с идеализмом, и того значения, которое придают реакционеры в психологии и физиологии «разоблачению» материалистического учения о высшей нервной деятельности.

Хотя павловское учение ныне привлекло к себе внимание специалистов-физиологов и ряда психологов, занимающихся экспериментальными исследованиями, с работами Павлова и особенно с исследованиями его последователей в Советском Союзе многие психологи в капиталистических странах (особенно те, кто далек от изучения физиологических проблем) знакомы все же недостаточно. Одна из причин этого — незнание русского языка. На английский язык в свое время были переведены работы Павлова — «Лекции по условным рефлексам» и «Условный рефлекс и психиатрия». Затем много лет спустя в Нью-Йорке была издана новая книга — «Павлов, экспериментальная психология и другие сочинения» (1957 г.), знакомящая читателей с некоторыми работами Павлова, в том числе и с рядом его выступлений на «средах». Тем не менее многих трудов Павлова психологи в странах капитала до сих пор еще не знают.

Прогрессивные деятели науки в странах капитала прилагают немало усилий для того, чтобы популяризировать среди психологов, широких кругов интеллигенции своих стран сущность учения о высшей нервной деятельности. Удачными в этом отношении являются уже упоминавшиеся книги — Дж. Фурста «Невротик. Его среда и внутренний мир» и Г. Уэллса «Павлов и Фрейд», изданные в США.

Несмотря на то что в некоторых капиталистических странах распространение павловского учения встречает яростное сопротивление со стороны реакционных сил, нет сомнения, что в будущем оно повсеместно завоюет себе признание, соответствующее его научному значению.

7. ПРОГРЕССИВНЫЕ УЧЕНЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН О РОЛИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА КАК ОСНОВЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Большую роль в идейной борьбе прогрессивных деятелей науки капиталистических стран с силами реакции в психологии играет марксистско-ленинская философия. Прогрессивные ученые понимают, что последовательное разоблачение ненаучной сущности идеалистических

психологических теорий возможно лишь с позиций диалектического и исторического материализма. Они отдают себе отчет в том, какое огромное значение имеет пропаганда марксизма-ленинизма для утверждения материализма в психологии и других науках, и потому в их работах все чаще и чаще содержатся ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма, показывается революционизирующее значение его идей для психологической науки.

В настоящее время, когда в странах капитала раздувается кампания антикоммунизма и антимарксизма, важна уже сама постановка прогрессивными учеными вопроса о том, что марксизм-ленинизм имеет непосредственное значение для психологии. Доказывая этот бесспорный тезис, они опровергают заявления психологов-идеалистов, которые (как, например, американская представительница психорасизма М. Мид) утверждают, будто марксистско-ленинская философия не имеет прямого отношения к разработке психологических проблем. Примером того, как высоко оценивают передовые ученые значение марксистско-ленинской философии для психологии, может служить книга Э. Даниэльсена «Критика психоанализа» (1955 г.). В ней он, убедительно опровергая мнение тех психологов-идеалистов, которые считают Маркса «фигурой прошлого», с полным основанием называет последнего наиболее современным из всех современников. Автор отмечает далее, что правильность марксистских положений подтверждена фактом существования Советского Союза, в котором налицо изменения в деятельности и поведении людей; эти изменения вызваны отнюдь не бессознательным, а обусловлены социальной перестройкой общества в связи с его переходом от капитализма к социализму. Даниэльсен показывает, что социальный строй обуславливает многие психические особенности людей, что только при социализме преодолеваются те «психические конфликты», о которых говорят психологи-идеалисты. Это достигается не психоаналитической процедурой, а построением нового, справедливого общества. «Трагедия одинокого человека, типичная для капиталистического мира, здесь (в Советском Союзе. — Н. М.) изжита. Многочисленные западные эксперты подтверждали это положение и подчеркивали, что конфликт между личным и социальным

больше не наблюдается. Продолжается, конечно, борьба против пережитков прошлого в сознании людей; при этом в качестве движущей силы используется критика и самокритика. Однако человек считает себя частью большого целого, отдельные люди относятся друг к другу не как конкуренты, а как коллеги»¹.

Даниэльсен считает, что психология должна способствовать освободительной борьбе человечества за создание общества, в котором человек становится Человеком; для этого она должна быть перестроена на основе марксистско-ленинской философии.

О необходимости использования философии диалектического материализма для перестройки психологии в капиталистических странах в течение длительного времени пишут французские психологи-коммунисты, труды которых являются ценным вкладом в научную материалистическую психологию.

В своей работе «Кризис современной психологии во Франции», изданной посмертно в 1947 г., французский ученый-коммунист Ж. Политцер подчеркивал, что «конкретная психология (т. е. передовая, научная психология в отличие от спекулятивной, идеалистической. — *Н. М.*) — это именно та психология, которая упраздняет все черты идеализма в психологии... Она связана с современным материализмом, созданным Марксом и Энгельсом, который мы называем диалектическим материализмом. Только отпавляясь от него, психология может стать научной»². Показывая прислужничество современных буржуазных психологов перед господствующими классами, Ж. Политцер отмечал, что все идеалистические направления преследуют одну цель — защищать основы капиталистического строя. Поэтому борьба, которую ведут между собой отдельные идеалистические школы в психологии, — это борьба с одних и тех же идейных позиций.

В работе «Диалектический материализм и психология» (1946 г.) французский психолог-коммунист А. Валлон тоже указывал на большое значение диалек-

¹ Цит. по: *М. Б. Косов*, Марксистская критика психоанализа. «Вопросы философии» № 11, 1959, стр. 178.

² Цит. по: *Н. В. Завадская*, Французский коммунист Жорж Политцер о кризисе психологии во Франции. «Вопросы философии» № 1, 1949, стр. 346.

тического материализма для создания научной психологии. Его принципы, писал он, «являются общей концепцией, которая должна распространяться равным образом на все, что может быть объектом познания, так как они (принципы. — *Н. М.*) передают то, что существенно для всякой действительности: ее постоянное становление и законы ее изменения»¹. Как только психолог сходит с позиций диалектического материализма, он сразу же оказывается на позициях идеализма, несовместимых с научной, материалистической психологией.

Конкретный пример того, что дает применение диалектического материализма к оценке явлений и процессов в современной буржуазной психологии, содержится в работе Б. Данэма. Так, он считает, что причину размежевания идеалистической психологии нужно искать в тех противоречиях, которые присущи правящим кругам империалистических государств и которые накладывают свой отпечаток также и на взаимоотношения идеологов капитализма. Отметив, что «нет ни одной господствующей теории, которой бы придерживались все психологи, подобно тому как, например, теорию относительности приемлют все физики»², Данэм замечает далее, что такое состояние в идеалистической психологии свидетельствует о незрелости этой науки, что объясняется, с точки зрения методов научного исследования, несовершенством отбора и анализа фактических данных.

Разоблачая мифы, создаваемые идеологами буржуазии с помощью психологов-идеалистов, Данэм подчеркивает также, что «психология была бы гораздо более научной (речь идет о буржуазной психологии. — *Н. М.*), если бы не существовало множества ученых мужей, стремящихся доказать, что рабочие обладают сравнительно низким коэффициентом умственного развития, а зависимые народы неспособны на самоуправление ввиду особенностей своей психологии»³. Иными словами, Данэм правильно отмечает причины ненауч-

¹ Цит. по: *Л. И. Анцыферова*, Анри Валлон — прогрессивный французский психолог. «Вопросы психологии» № 4, 1955, стр. 93.

² *Б. Данэм*, Человек против мифов, стр. 41—42.

³ Там же, стр. 30.

ности современной идеалистической психологии: ими является субъективизм, отказ изучать действительность и блуждание в сфере вымышленных понятий, идей, прислужнический характер теорий буржуазных психологов-идеалистов.

Из всех вопросов общей психологии прогрессивные ученые в странах капитала особо подчеркивают значение научного понимания психики и обоснования с позиций марксистско-ленинской философии проблемы личности.

Проблеме психического, тесно связанной с критикой психоанализа, много внимания уделяет американский ученый Дж. Фурст. Он справедливо указывает, что невозможно понять сущность психики иначе, как с позиций теории отражения. Фурст считает теорию отражения наряду с объективным методом предпосылкой для создания основ психиатрии и психологии. Из этой теории вытекает, что психические явления — это отражения внешней среды, осуществляемые мозгом, что научно истолковать их можно лишь с учетом внешних, объективных условий. «Мысли, чувства и желания людей возникают не из какого-то внутреннего, мистического источника человеческой природы; они скорее отражают опыт людей, их участие в различных аспектах внешней действительности»¹. Признавая, что психика является отражением объективной реальности, Фурст утверждает тем самым диалектико-материалистический принцип детерминизма, с позиций которого и можно только преодолеть индетерминизм буржуазных психологов-идеалистов. Подобное понимание психики является научным; разъяснение его имеет чрезвычайно важное значение для борьбы за материалистическую психологию в странах капитала.

Проблема личности привлекает к себе внимание в первую очередь французских прогрессивных психологов². В своих работах А. Валлон, например, неоднократно отмечал, что социальная природа человеческой личности может быть понята только с позиций матери-

¹ Дж. Б. Фурст, Невротик. Его среда и внутренний мир, стр. 23.

² Это, разумеется, не означает, что французских психологов-материалистов не интересуют другие вопросы, например проблема психического. Однако именно решением проблемы личности они внесли особый вклад в материалистическую психологию.

алистической диалектики. Человек, писал он, находится во взаимодействии с окружающим его миром. Физиологические законы этого взаимодействия установлены И. П. Павловым. То, что «социально» у человека, — это не особая сущность, которая находится в нем, как утверждают психологи-идеалисты. Человеческая личность вся социальна, она формируется и развивается в процессе общественно-исторического бытия. Следовательно, необходимо изучать закономерности формирования личности, а не стремиться отыскивать в человеке «социальное».

К Валлону присоединяется другой видный французский психолог-материалист — М. Мейерсон. Он уточняет, в частности, что означает «социологизация» субъекта. При этом он придает исключительное значение труду, в процессе которого переделывается не только природа, но и сам преобразующий ее человек. Таким образом, Мейерсон, как и другие французские психологи-материалисты, исходит из принципов марксистско-ленинской философии, считающей труд тем фактором, который выделил человека из животного мира и обусловил его дальнейшее развитие.

Разрабатывая те или иные проблемы психологии с позиций диалектического материализма, психологи-материалисты в странах капитала большое внимание уделяют разоблачению идеализма в буржуазной психологии. В отдельных капиталистических странах имеются «свои» наиболее распространенные школы идеалистической психологии. В США такой школой является фрейдизм, во Франции — экзистенциалистская психология и различные психологические теории в духе позитивизма.

Французские психологи-материалисты ведут борьбу как с экзистенциализмом, так и с позитивизмом в психологии. Так, А. Валлон показывает несостоятельность этих направлений в решении двух вопросов, которые в настоящее время во Франции чаще всего выдвигают психологи-идеалисты: имеет ли психология свой собственный предмет и справедлив ли в отношении ее принцип научного детерминизма? Позитивисты отрицательно отвечают на первый из них, экзистенциалисты — на второй.

Валлон подчеркивает, что преодолеть индетерминизм можно только с позиций передовой науки, основанной на

диалектическом материализме. Опираясь на данные передового советского естествознания (мичуринское учение), он убедительно показывает, что экзистенциалисты борются лишь против механистического детерминизма, наивно отождествляя его с диалектико-материалистической точкой зрения на детерминизм. Поэтому им, пишет Валлон, легко показать недостатки и ограниченность механистического детерминизма, который они приписывают марксистам, не понимая, что марксистское истолкование детерминизма коренным образом отличается от механистического. Материалистическая диалектика, указывает он, «избавила психологию от выбора между элементарным материализмом и бессодержательным идеализмом, между топорным субстанционализмом и безграничным иррационализмом»¹. В чем состоит это «избавление»? С точки зрения диалектического материализма внешняя среда является первопричиной всех изменений в организме, в психике человека, но при этом не сбрасываются со счетов и «внутренние условия» самого организма. Внешние причины, таким образом, действуют через «внутренние». Этот тезис является ныне основным положением материалистической психологии.

Валлон разоблачает и другое положение модных во Франции школ идеалистической психологии — их понимание предмета психологии. И экзистенциалисты, и позитивисты в психологии решают этот вопрос с порочных философских позиций, созерцательно подходят к пониманию психологических явлений как переживаний или состояний сознания. Марксистская диалектика дает возможность, пишет Валлон, решительно преодолеть недостатки как экзистенциализма, так и позитивизма в вопросе о понимании предмета психологии. По его мнению, психология является одновременно и биологической, и общественной наукой, изучающей закономерности взаимосвязи человека как личности с окружающей его общественной средой. Тем самым снимается противопоставление биологического и социального в человеке, характерное и для экзистенциалистов и для позитивистов. Понимание задач психологии, обоснованное французскими психологами-марксистами, заслуживает глубокого внимания всех психологов-материалистов.

¹ А. Валлон, От действия к мысли, М., 1956, стр. 237.

Не останавливаясь на всех вопросах, которые психологами-материалистами подвергаются критическому рассмотрению с позиций диалектического материализма, отметим, что в своей критике они опираются на идеи, содержащиеся в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Неоценимую помощь психологам-материалистам в разоблачении всевозможных идеалистических извращений по таким важным проблемам психологии, как проблема ощущений, мышления, психики в целом, в понимании роли внешних условий, закономерностей формирования психических явлений и других вопросов оказывает работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Она учит вести борьбу с идеалистическими теориями сознательно и с открыто классовых позиций. Психологи-марксисты руководствуются в своей деятельности этим принципом марксизма-ленинизма, разоблачая политическую и идеологическую сущность идеалистических теорий в психологии. Отрадно отметить, что ныне в капиталистических странах критикуют идеализм с партийных позиций и отдельные психологи, которые в недалеком прошлом разделяли идеалистические взгляды. К их числу следует отнести американского ученого Дж. Фурста.

Анализ и популяризация ленинского принципа партийности в науке — задача исключительной важности в период обострения идеологической борьбы. Это понимают многие прогрессивные ученые как в Европе, так и в США. Ее важность возрастает в связи с тем, что некоторые ученые в странах капитала, считающие себя марксистами, допускают отступления от принципа партийности в оценке буржуазных психологических теорий и течений.

Показательной в этом отношении является дискуссия между итальянским профессором Ч. Л. Музатти и советским ученым профессором Ф. В. Бассиным в отношении оценки фрейдизма.

Итальянский ученый, заявив о своей приверженности марксизму, утверждал, что «о научных теориях следует судить с точки зрения их достоверности или недостоверности, с точки зрения того, отвечают ли они реальности или же являются произвольными, а не по иным критериям. Бывают научные теории, которые либо подтверждаются, либо опровергаются опытом, а не просто

прогрессивные или реакционные»¹. Поэтому Музатти полагает, что критиковать психоанализ за то, что он «противоречит диалектическому материализму или что он является проявлением одной из наиболее реакционных форм современной буржуазной идеологии»², нельзя.

Если итальянский ученый полностью прав в первой части своего утверждения, то он совершенно не прав в отношении правомерности (с точки зрения диалектического материализма) квалификации той или иной научной теории как «прогрессивной» или «реакционной». Прогрессивной теория является в том случае, когда она не только «отвечает реальности», но и выполняет передовую роль в идейной жизни общества. Расистской теории, например, «соответствуют» факты расовой дискриминации, но это не умаляет ее реакционности.

Профессор Музатти прав, когда пишет в своей статье, что рассматриваемый им вопрос о том, какая теория может считаться прогрессивной и правильной, «не является формальным»; он очень «важен для меня и моих итальянских собратьев»³, заявляет Музатти. Имеет значение, конечно, не простая постановка этого вопроса, а его правильное, научное решение в соответствии с принципом партийности. К каким последствиям приводит Ч. Музатти отход от этого принципа, видно из его заявления о том, что «психоаналитическое движение выполняет функцию разрушения традиционных идей и понятий и что функцию эту нужно рассматривать как социально прогрессивную и даже революционную»⁴. Музатти ошибается: выдвигая фрейдизм взамен разрушенных им «традиционных идей и понятий», он забывает при этом оценить фрейдовские нововведения с точки зрения их соответствия действительности и социальной роли в буржуазном обществе.

Между прочим, если исходить из принципов диалектического материализма, то правильную оценку психоанализа дал Дж. Бернал. «Многие упорно утверждали, — пишет английский ученый, — что работа Фрейда

¹ *Чезаре Л. Музатти, Основы психоанализа в критике Ф. В. Басина. «Вопросы психологии» № 3, 1960, стр. 142.*

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 143.

была столь же эпохальной, какой явилась работа Эйнштейна в XX веке. Она действительно оказалась такой в негативном смысле, поскольку очистила психологию от большого количества философского сора. Однако то, что она поставила на его место, были просто новые словесные построения *ad hoc* — бессознательное, *Id*, комплексы и вытеснение, которые вошли сейчас среди интеллигенции капиталистических стран в быт. Эта метафизическая база для психологии не была обоснована какими-либо надежными экспериментальными доказательствами. В лечении душевных болезней фрейдистская психология, в ее первоначальной форме или в одном из ее вариантов, не оправдала возлагавшихся на нее вначале надежд, хотя она и давала утешение тем, кто мог себе позволить заплатить за такое лечение»¹. Подчеркивая ненаучную сущность, бездоказательность фрейдовской теории, Бернал вместе с тем показывает и реакционный социальный смысл этой теории. Фрейдовская концепция является, по его мнению, не революционной, а реакционной.

Сопоставление мнений двух зарубежных ученых — Бернала и Музатти наглядно свидетельствует о том, насколько важно не простое признание принципов марксизма-ленинизма, а применение их на практике (в оценке тех или иных теорий), в том числе применение принципа партийности в науке.

Марксизм-ленинизм учит, что к теориям, идеям в науке нужно подходить с точки зрения жизни, практики. Это значит, что ученый-марксист оценивает теорию, идеи в науке по их соответствию действительности, в зависимости от того, отражают ли они объективные закономерности развития природы, общества и мышления, содержат ли в себе объективную истину или нет; при этом они учитывают, кто и в каких целях использует эти теории, какую социальную функцию выполняют они в идейной и политической жизни общества.

¹ Дж. Бернал, Наука в истории общества, стр. 504.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буржуазные психологи немало писали и пишут о судьбах и перспективах своей науки. Как правило, при этом они исходят из предвзятых общих положений, не делая точку зрения жизни, практики главной и решающей, не учитывая всех действительных отношений, которые характеризуют и развитие, и современное состояние психологии в их странах. Поэтому-то у них и существует так много различных предположений и произвольных допущений. Не удивительно и то, что понимание ими закономерностей развития этой дисциплины страдает ограниченностью и субъективизмом. Подтверждением этому может служить распространенное в странах капитала мнение, будто бы существует единая «чистая» психологическая наука, в которой нет борьбы материализма с идеализмом и которая развивается независимо от других дисциплин (поскольку-де предмет психологии отличается от предмета всех других наук) и общественных условий.

Подобного рода представления, бытующие среди буржуазных психологов, противоречат фактам, которые свидетельствуют о том, что психология никогда не была оторвана от общественного бытия, условий материальной жизни общества, что во все периоды своей истории она играла и играет вполне определенную социальную роль. Сказанное справедливо не только в отношении прикладных направлений, но и школ общей психологии в странах Западной Европы и в США.

Научное понимание истории психологии в странах капитала и ее современного состояния, правильная оцен-

ка взглядов психологов-идеалистов, социального назначения их теорий и практической деятельности возможны только на основе марксизма-ленинизма.

Исключительно важное значение в этой связи имеют для психологов-материалистов положения Программы Коммунистической партии Советского Союза. В этом документе величайшего исторического значения показано главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества в наши дни, причины глубокого кризиса буржуазной идеологии. Эти и другие положения Программы КПСС дают возможность более глубоко понять сущность и значение тех явлений, характерных для психологии в странах капитала, которые буржуазные психологи обходят или пытаются представить отдельными и частными, не самыми главными и определяющими для ее современного состояния. Что это за явления?

Известно, что, несмотря на поддержку и финансовую помощь со стороны монополистической буржуазии, кризис буржуазной психологии углубляется: психологи-идеалисты в ходе экспериментальных исследований получают такие данные, которые подтверждают основные положения научной психологии и помимо желания их авторов опровергают идеалистические представления в этой науке. Таким образом, развитию психологии в США, Англии, Франции, Западной Германии присущи глубокие внутренние противоречия. Диалектика развития этой науки в капиталистических странах состоит в том, что вместо упрочения идеализма, на что рассчитывает монополистическая буржуазия, в ней происходит укрепление позиций материализма.

Показательно также, что ныне в капиталистических странах множится число прогрессивных ученых, в том числе и психологов. Они ведут активную борьбу с идеализмом и реакцией в психологии, вносят свою лепту в развитие теоретических и экспериментальных основ материалистической психологии.

Многочисленные факты показывают, что с каждым годом все более возрастает влияние советской науки, материалистической психологии на психологов капиталистических стран; последние нередко стали братья теперь за те проблемы, которые разрабатываются советскими психологами, дают полученным фактам те

объяснения, которые впервые выдвинуты психологами-материалистами. Вместе с тем в странах Западной Европы и в США за последние годы отмечается падение популярности концепций психологов-идеалистов. Таковы факты.

Теперь уже нельзя ограничиться их простой констатацией, не видя в них знамения времени и тенденции дальнейшего развития психологии в странах капитала. В свете положений Программы КПСС можно смело сказать, что ныне развитие психологии в странах Западной Европы и в США в значительной степени определяется притягательным влиянием идей марксизма-ленинизма, успехами передового, материалистического естествознания.

Материализм в психологии в капиталистических странах все более упрочивает свои позиции. Этому процессу способствуют достижения ученых социалистических стран и деятельность психологов-материалистов, всех прогрессивных ученых в странах капитала. Важная роль здесь принадлежит укреплению международных связей советских психологов с зарубежными, активное участие их в работе психологических конгрессов, съездов, симпозиумов, взаимный обмен научной литературой.

Программа Коммунистической партии Советского Союза поставила перед советскими учеными ответственную задачу — занять ведущее положение по всем основным направлениям мировой науки. Выполнение задания партии требует от советских психологов напряжения всех сил, использования всех возможностей, с тем чтобы в ближайшие годы добиться дальнейших успехов в решении как теоретических, так и практических проблем, в укреплении связи психологической науки с практикой строительства коммунистического общества.

Для плодотворной работы советских психологов известное значение имеет также знание того, что представляет собой психология в странах капитала. Разложение, кризис идеалистической психологии не означает, что отдельные психологи-экспериментаторы не достигают определенных положительных результатов в исследовании тех или иных вопросов. Эти результаты представляют определенный интерес и для советских психологов.

Однако, изучая и используя все ценное, положительное, что имеется в современной психологии в странах капитала, укрепляя взаимный обмен результатами экспериментальных исследований, советские психологи подвергают решительной критике любые проявления идеализма и реакции в современной буржуазной психологии.

Мирное сосуществование государств с различным социальным строем не означает установления «мира» в области идеологии. Поэтому советские психологи не могут мириться и не мирятся с тем, что психологи-идеалисты используют свою науку в целях апологии империализма и пропаганды реакционной идеологии.

Глубокая, принципиальная и последовательная критика идеалистической психологии — одна из важных задач советских психологов. Она достигается как всесторонней экспериментальной разработкой основных вопросов научной психологии (это дает возможность с фактами в руках доказать полную несостоятельность и субъективизм утверждений психологов-идеалистов), так и теоретическим анализом и принципиальной критикой с позиций марксистско-ленинской философии взглядов и деятельности буржуазных психологов, разоблачением их реакционной направленности и идеалистического характера развиваемых ими теорий.

Весь ход развития современной психологии в странах капитала свидетельствует о неизбежности торжества материализма над идеализмом в этой науке.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Возникновение психологии как «самостоятельной» науки . .	12
1. Идеалистическая психология как служанка богословия и придаток идеалистической философии	—
2. Отпочкование «официальной» психологии от идеалисти- ческой философии и превращение ее в «самостоятель- ную» науку	17
3. Возникновение основных школ и отраслей психологии (конец XIX — начало XX столетия)	25
✓ Возникновение основных школ	31
✓ Возникновение отраслевых направлений	58
II. Современная психология в капиталистических странах За- падной Европы и в США	88
1. Особенности психологии в период между двумя мировы- ми войнами	—
2. Психология в период второй мировой войны	116
3. Особенности психологии после окончания второй миро- вой войны	118
Борьба европейских психологов против попыток «амер- иканизации» психологии	—
Влияние фрейдизма на идейную жизнь в странах капи- тала	122
Распространение социальной психологии	132
Психологические и психосоциальные исследования в про- мышленности	160
✓ 4. Кризис идеалистической психологии	174
Поход против разума, сознания в буржуазной психологии как следствие ее кризиса	182
Субъективизм как проявление кризиса идеалистической психологии	213
III. Борьба передовых ученых капиталистических стран против идеализма в психологии	227
1. Борьба материализма с идеализмом в психологии конца XIX — начала XX в.	—

2. Особенности борьбы материализма с идеализмом в психологии середины XX в.	230
3. Передовые ученые капиталистических стран об идеологической и политической сущности современной идеалистической психологии	243
4. Критика фрейдизма и неопрейдизма в капиталистических странах	247
5. Борьба передовых ученых капиталистических стран против идеалистических извращений в детской и педагогической психологии	258
6. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности как оружие в борьбе с идеализмом в психологии и естественнонаучная основа материалистической психологии	266
7. Прогрессивные ученые капиталистических стран о роли диалектического материализма как основы материалистической психологии	270
Заключение	280

Мансуров, Николай Сергеевич

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
(Критический очерк). М., Соцэкгиз, 1962.
285 с. (Ин-т философии АН СССР).

15

Редактор *В. Фокин*

Младший редактор *Л. Ерошкина*

Оформление художника *Ю. Бажанова*

Художественный редактор *Г. Чеховский*

Технический редактор *О. Чепелева*

Корректоры *О. Шарыгина, Т. Тонконогова*

Сдано в набор 22 июня 1962 г. Подписано в печать
26 сентября 1962 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Бумажных листов 4,5. Печатных листов 14,76.
Учетно-издательских листов 15,13. Тираж 10 000 экз.
А 06069. Цена 71 коп. Заказ № 1167

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.

71 коп.